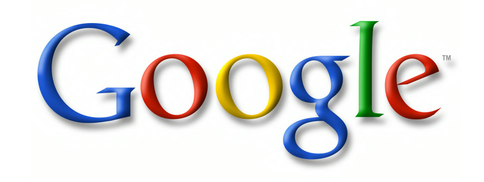
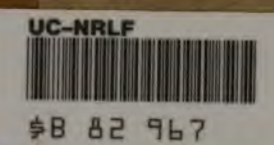
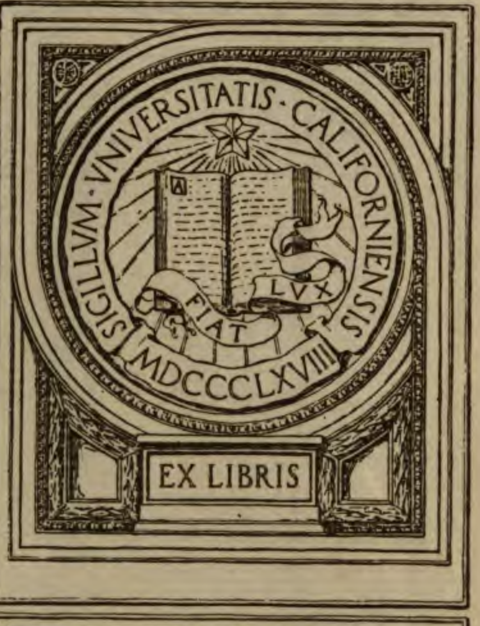

UC-NRLF
$B 82 967

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·
SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Korolenko

Владиміръ Короленко.

Sliepoi Muzykant

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

(ЭТЮДЪ).

ДВѢНАДЦАТОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1909.

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

Отъ автора.

(*къ шестому изданію*).

Чувствую, что пересмотръ и дополненія въ повѣсти, выдержавшей уже нѣсколько изданій, являются неожиданными и требуютъ нѣкотораго объясненія. Основной психологическій мотивъ этюда составляетъ инстинктивное, органическое влеченіе къ свѣту. Отсюда душевный кризисъ моего героя и его разрѣшеніе. И въ устныхъ, и въ печатныхъ критическихъ замѣчаніяхъ мнѣ приходилось встрѣчать возраженіе, повидимому, очень основательное: по мнѣнію возражающихъ, этотъ мотивъ всегда отсутствуетъ у слѣпорожденныхъ, которые никогда не видѣли свѣта и потому не должны чувствовать лишенія въ томъ, чего совсѣмъ не знаютъ. Это соображеніе мнѣ не кажется правильнымъ: мы никогда не летали, какъ птицы, однако, всѣ знаютъ, какъ долго ощущеніе полета сопровождаетъ дѣтскіе и юношескіе сны. Долженъ, однако, признаться, что этотъ мотивъ вошелъ въ мою работу, какъ апріорный, подсказанный лишь воображеніемъ. Только уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ мой этюдъ сталъ выходить въ отдѣльныхъ изданіяхъ, счастливый случай доставилъ мнѣ во время одной изъ

моихъ экскурсій возможность прямого наблюденія. Двѣ фигуры (слѣпой и слѣпорожденный), которыя читатель найдетъ въ гл. VI (стр. 139—150), разница ихъ настроеній, сцена съ дѣтьми, слова Егора о снахъ — все это я занесъ въ свою записную книжку прямо съ натуры, на вышкѣ колокольни одного монастыря Тамбовской епархіи, гдѣ оба слѣпые звонаря, быть можетъ, и теперь еще водятъ посѣтителей на колокольню. Съ тѣхъ поръ этотъ эпизодъ,—по моему мнѣнію, рѣшающій въ указанномъ вопросѣ,—лежалъ на моей совѣсти при каждомъ новомъ изданіи моего этюда, и только трудность браться снова за старую тему мѣшала мнѣ ввести его раньше. Теперь онъ составилъ самую существенную часть добавленій, вошедшихъ въ это изданіе. Остальное явилось попутно, такъ какъ,—разъ тронувъ прежнюю тему,—я уже не могъ ограничиться механической вставкой, и работа воображенія, попавшаго въ прежнюю колею, естественно отразилась и на прилегающихъ частяхъ повѣсти.

25 февраля 1898 г.

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

(этюдъ).

Глава I.

I.

Ребенокъ родился въ богатой семьѣ юго-западнаго края, въ глухую полночь. Молодая мать лежала въ глубокомъ забытьи, но когда въ комнатѣ раздался первый крикъ новорожденнаго, тихій и жалобный, она заметалась съ закрытыми глазами въ своей постели. Ея губы шептали что-то, и на блѣдномъ лицѣ, съ мягкими, почти дѣтскими еще чертами, появилась гримаса нетерпѣливаго страданія, какъ у балованнаго ребенка, испытывающаго непривычное горе.

Бабка наклонилась ухомъ къ ея что-то тихо шептавшимъ губамъ.

— Отчего... отчего это онъ?—спрашивала больная едва слышно.

Бабка не поняла вопроса. Ребенокъ опять закричалъ.

По лицу больной пробѣжало отраженіе остраго страданія, и изъ закрытыхъ глазъ скользнула крупная слеза.

— Отчего, отчего?—по прежнему тихо шептали ея губы.

На этотъ разъ бабка поняла вопросъ и спокойно отвѣтила:

— Вы спрашиваете, отчего ребенокъ плачетъ? Это всегда такъ бываетъ, успокойтесь.

Но мать не могла успокоиться. Она вздрагивала каждый разъ при новомъ крикѣ ребенка и все повторяла съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ:

— Отчего... такъ... такъ ужасно?

Бабка не слыхала въ крикѣ ребенка ничего особеннаго и, видя, что мать говоритъ точно въ смутномъ забытьи и, вѣроятно, просто бредитъ, оставила ее и занялась ребенкомъ.

Юная мать смолкла, и только по временамъ какое-то тяжелое страданіе, которое не могло прорваться наружу движеніями или словами, выдавливало изъ ея глазъ крупныя слезы. Онѣ просачивались сквозь черныя, густыя рѣсницы и тихо катились по блѣднымъ, какъ мраморъ, щекамъ.

Быть можетъ, сердце матери почуяло, что вмѣстѣ съ новорожденнымъ ребенкомъ явилось на свѣтъ темное, неисходное горе, которое нависло надъ колыбелью, чтобы сопровождать новую жизнь до самой могилы.

Можетъ быть, впрочемъ, что это былъ и дѣйствительный бредъ. Какъ бы то ни было, ребенокъ родился слѣпымъ.

II.

Сначала никто этого не замѣтилъ. Мальчикъ глядѣлъ тѣмъ тусклымъ и неопредѣленнымъ взглядомъ, какимъ глядятъ до извѣстнаго возраста всѣ новорожденныя дѣти. Дни уходили за днями, жизнь новаго человѣка считалась уже недѣлями. Его глаза прояснились, съ нихъ сошла мутная поволока, зрачекъ опредѣлился. Но дитя не поворачивало головы за свѣтлымъ лучомъ, проникавшимъ въ комнату вмѣстѣ съ веселымъ щебетаньемъ птицъ и съ шелестомъ зеленыхъ буковъ, которые покачивались у самыхъ оконъ въ густомъ деревенскомъ саду. Мать, успѣвшая оправиться, первая съ безпокойствомъ замѣтила странное выраженіе дѣтскаго лица, остававшагося неподвижнымъ и какъ-то не по-дѣтски серьезнымъ.

Молодая женщина смотрѣла на людей, какъ испуганная горлица, и спрашивала:

— Скажите же мнѣ, отчего онъ такой?

— Какой?—равнодушно переспрашивали посторонніе.—Онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ дѣтей такого возраста.

— Посмотрите, какъ странно ищетъ онъ что-то руками...

— Дитя не можетъ еще координировать движеній рукъ съ зрительными впечатлѣніями,—отвѣтилъ докторъ.

— Отчего же онъ смотритъ все въ одномъ направленіи?.. Онъ... онъ слѣпъ?—вырвалась вдругъ изъ груди матери страшная догадка, и никто не могъ ее успокоить.

Докторъ взялъ ребенка на руки, быстро повернулъ къ свѣту и заглянулъ въ глаза. Онъ слегка смутился и, сказавъ нѣсколько незначущихъ фразъ, уѣхалъ, обѣщая вернуться дня черезъ два.

Мать плакала и билась, какъ подстрѣленная птица, прижимая ребенка къ своей груди, между тѣмъ какъ глаза мальчика глядѣли все тѣмъ же неподвижнымъ и суровымъ взглядомъ.

Докторъ, дѣйствительно, вернулся дня черезъ два, захвативъ съ собой офтальмоскопъ. Онъ зажегъ свѣчку, приближалъ и удалялъ ее отъ дѣтскаго глаза, заглядывалъ въ него и, наконецъ, сказалъ со смущеннымъ видомъ:

— Къ сожалѣнію, сударыня, вы не ошиблись. . Мальчикъ, дѣйствительно, слѣпъ и, при томъ, безнадежно...

Мать выслушала это извѣстіе съ спокойною грустью.

— Я знала давно,—сказала она тихо.

III.

Семейство, въ которомъ родился слѣпой мальчикъ, было немногочисленно. Кромѣ названныхъ уже лицъ, оно состояло еще изъ отца и „дяди Максима", какъ звали его всѣ безъ исключенія домочадцы и даже посторонніе. Отецъ былъ похожъ на тысячу другихъ деревенскихъ помѣщиковъ юго-западнаго края: онъ былъ добродушенъ, даже, пожалуй, добръ, хорошо смотрѣлъ за рабочими и очень любилъ строить и перестраивать мель-

ницы. Это занятіе поглощало почти все его время и потому голосъ его раздавался въ домѣ только въ извѣстные, опредѣленные часы дня, совпадавшіе съ обѣдомъ, завтракомъ и другими событіями въ томъ же родѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда произносилъ неизмѣнную фразу: „здорова ли ты, моя голубка?“—послѣ чего усаживался за столъ и уже почти ничего не говорилъ, развѣ изрѣдка сообщалъ что либо о дубовыхъ валахъ и шестерняхъ. Понятно, что его мирное и незатѣйливое существованіе мало отражалось на душевномъ складѣ его сына.

За то дядя Максимъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Лѣтъ за десять до описываемыхъ событій дядя Максимъ былъ извѣстенъ за самаго опаснаго забіяку не только въ окрестностяхъ его имѣнія, но даже въ Кіевѣ „на Контрактахъ“ *). Всѣ удивлялись, какъ это въ такомъ почтенномъ во всѣхъ отношеніяхъ семействѣ, каково было семейство пани Попельской, урожденной Яценко, могъ выдаться такой ужасный братецъ. Никто не зналъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ держаться и чѣмъ ему угодить. На любезности пановъ онъ отвѣчалъ дерзостями, а мужикамъ спускалъ своеволіе и грубости, на которыя самый смирный изъ „шляхтичей“ непремѣнно бы отвѣчалъ оплеухами. Наконецъ, въ великой радости всѣхъ благомыслящихъ людей, дядя Максимъ за что-то сильно осердился на австрійцевъ и уѣхалъ въ Италію: тамъ онъ примкнулъ къ такому же забіякѣ и еретику—Гарибаль-

*) „Контракты“—мѣстное названіе нѣкогда славной кіевской ярмарки.

ди, который, какъ съ ужасомъ передавали паны-помѣщики, побратался съ чортомъ и въ грошъ не ставитъ самого „папежа“. Конечно, такимъ образомъ Максимъ навѣки погубилъ свою безпокойную схизматическую душу, за то „Контракты“ проходили съ меньшими скандалами, и многія благородныя мамаши перестали безпокоиться за участь своихъ сыновей.

Должно быть, австрійцы тоже крѣпко осердились на дядю Максима. По временамъ въ *Курьеркѣ*, изстари-любимой газетѣ пановъ-помѣщиковъ, упоминалось въ реляціяхъ его имя въ числѣ отчаянныхъ гарибальдійскихъ сподвижниковъ, пока однажды изъ того же *Курьерка* паны не узнали, что Максимъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью на полѣ сраженія. Разъяренные австрійцы, давно уже, очевидно, точившіе зубы на заядлаго волынца (которымъ, чуть ли не однимъ, по мнѣнію его соотечественниковъ, держался еще Гарибальди), изрубили его, какъ капусту.

— Плохо кончилъ Максимъ,—сказали себѣ паны и приписали это спеціальному заступничеству св. Петра за своего намѣстника. Максима считали умершимъ.

Оказалось, однако, что австрійскія сабли не сумѣли выгнать изъ Максима его упрямую душу, и она осталась, хотя и въ сильно попорченномъ тѣлѣ. Гарибальдійскіе забіяки вынесли своего достойнаго товарища изъ свалки, отдали его куда-то въ госпиталь, и вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, Максимъ неожиданно явился въ домъ своей сестры, гдѣ и остался.

Теперь ему было уже не до дуэлей. Правую ногу ему совсѣмъ отрѣзали, и потому онъ ходилъ на костылѣ, а

лѣвая рука была повреждена и годилась только на то, чтобы кое-какъ опираться на палку. Да и вообще онъ сталъ серьезнѣе, угомонился, и только по временамъ его острый языкъ дѣйствовалъ такъ же мѣтко, какъ нѣкогда сабля. Онъ пересталъ ѣздить „на Контракты", рѣдко являлся въ общество и большую часть времени проводилъ въ своей библіотекѣ за чтеніемъ какихъ-то книгъ, о которыхъ никто ничего не зналъ, за исключеніемъ апріорнаго предположенія, что книги совершенно безбожныя. Онъ также писалъ что-то, но такъ какъ его работы никогда не являлись въ *Курьеркѣ*, то никто не придавалъ имъ серьезнаго значенія.

Въ то время, когда въ деревенскомъ домикѣ появилось и стало расти новое существо, въ коротко остриженныхъ волосахъ дяди Максима уже пробивалась серебристая просѣдь. Плечи отъ постояннаго упора костылей поднялись, туловище приняло квадратную форму. Странная наружность, угрюмо сдвинутыя брови, стукъ костылей и клубы табачнаго дыма, которыми онъ постоянно окружалъ себя, не выпуская изо рта трубки,—все это пугало постороннихъ, и только близкіе къ инвалиду люди знали, что въ изрубленномъ тѣлѣ бьется горячее и доброе сердце, а въ большой квадратной головѣ, покрытой щетиной густыхъ волосъ, работаетъ неугомонная мысль.

Но даже и близкіе люди не знали, надъ какимъ вопросомъ работала эта мысль въ то время. Они видѣли только, что дядя Максимъ, окруженный синимъ дымомъ, просиживаетъ по временамъ цѣлые часы неподвижно, съ отуманеннымъ взглядомъ и угрюмо сдвинутыми густыми

бровями. Между тѣмъ, изувѣченный боецъ думалъ о томъ, что жизнь—борьба, и что въ ней нѣтъ мѣста для инвалидовъ. Ему приходило въ голову, что онъ навсегда выбылъ уже изъ рядовъ и теперь напрасно загружаетъ собою фурштатъ; ему казалось, что онъ рыцарь, выбитый изъ сѣдла жизнью и поверженный ею въ прахъ. Не малодушно ли извиваться въ пыли, подобно раздавленному червяку; не малодушно ли хвататься за стремя побѣдителя, вымаливая у него жалкіе остатки собственнаго существованія?

Пока дядя Максимъ съ холоднымъ мужествомъ обсуждалъ эту жгучую мысль, соображая и сопоставляя доводы *за* и *противъ*, передъ его глазами стало мелькать новое существо, которому судьба судила явиться на свѣтъ уже инвалидомъ. Сначала онъ не обращалъ вниманія на слѣпого ребенка, но потомъ странное сходство судьбы мальчика съ его собственною заинтересовало дядю Максима.

— Гм... да,—задумчиво сказалъ онъ однажды, искоса поглядывая на ребенка,—этотъ малый тоже инвалидъ. Если сложить насъ обоихъ вмѣстѣ, пожалуй, вышелъ бы одинъ лядащій человѣчишко.

Съ тѣхъ поръ его взглядъ сталъ останавливаться на ребенкѣ все чаще и чаще.

IV.

Ребенокъ родился слѣпымъ. Кто виноватъ въ его несчастіи? Никто! Тутъ не только не было и тѣни чьей

либо „злой воли“, но даже самая причина несчастія скрыта гдѣ-то въ глубинѣ таинственныхъ и сложныхъ процессовъ жизни. А между тѣмъ при всякомъ взглядѣ на слѣпого мальчика сердце матери сжималось отъ острой боли. Конечно, она страдала въ этомъ случаѣ, какъ мать отраженіемъ сыновняго недуга и мрачнымъ предчувствіемъ тяжелаго будущаго, которое ожидало ея ребенка; но, кромѣ этихъ чувствъ, въ глубинѣ сердца молодой женщины щемило также сознаніе, что *причина* несчастія лежала въ видѣ грозной *возможности* въ тѣхъ, кто далъ ему жизнь... Этого было достаточно, чтобы маленькое существо съ прекрасными, но незрячими глазами стало центромъ семьи, безсознательнымъ деспотомъ, съ малѣйшей прихотью котораго сообразовалось все въ домѣ.

Неизвѣстно, что вышло бы современемъ изъ мальчика, предрасположеннаго къ безпредметной озлобленности своимъ несчастіемъ и въ которомъ все окружающее стремилось развить эгоизмъ, если бы странная судьба и австрійскія сабли не заставили дядю Максима поселиться въ деревнѣ, въ семьѣ сестры.

Присутствіе въ домѣ слѣпого мальчика постепенно и нечувствительно дало дѣятельной мысли изувѣченнаго бойца другое направленіе. Онъ все такъ же просиживалъ цѣлые часы, дымя трубкой, но въ глазахъ, вмѣсто глубокой и тупой боли, виднѣлось теперь вдумчивое выраженіе заинтересованнаго наблюдателя. И, чѣмъ болѣе присматривался дядя Максимъ, тѣмъ чаще хмурились его густыя брови, и онъ все усиленнѣе пыхтѣлъ своею трубкой. Наконецъ, однажды онъ рѣшился на вмѣшательство:

— Этотъ малый,—сказалъ онъ, пуская кольцо за кольцомъ, — будетъ еще гораздо несчастнѣе меня. Лучше бы ему не родиться.

Молодая женщина низко опустила голову, и слеза упала на ея работу.

— Жестоко напоминать мнѣ объ этомъ, Максъ,— сказала она тихо,—напоминать безъ цѣли...

— Я говорю только правду,—отвѣтилъ Максимъ.— У меня нѣтъ ноги и руки, но есть глаза. У малаго нѣтъ глазъ, современемъ не будетъ ни рукъ, ни ногъ, ни воли...

— Отчего же?

— Пойми меня, Анна,—сказалъ Максимъ мягче.—Я не сталъ бы напрасно говорить тебѣ жестокія вещи. У мальчика тонкая нервная организація. У него пока есть всѣ шансы развить остальныя свои способности до такой степени, что хотя отчасти вознаградить его слѣпоту. Но для этого нужно упражненіе, а упражненіе вызывается только необходимостью. Глупая заботливость, устраняющая отъ него необходимость усилій, убиваетъ въ немъ всѣ шансы на болѣе полную жизнь.

Мать была умна и потому сумѣла побѣдить въ себѣ непосредственное побужденіе, заставлявшее ее кидаться, сломя голову, при каждомъ жалобномъ крикѣ ребенка. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора, мальчикъ свободно и быстро ползалъ по комнатамъ, настораживая слухъ навстрѣчу всякому звуку и, съ какою-то необычною въ другихъ дѣтяхъ живостью, ощупывалъ всякій предметъ, попадавшій въ руки.

V.

Мать онъ скоро научился узнавать по походкѣ, по шелесту платья, по какимъ-то еще, ему одному доступнымъ, неуловимымъ для другихъ, признакамъ: сколько бы ни было въ комнатѣ людей, какъ бы они ни передвигались, онъ всегда направлялся безошибочно въ ту сторону, гдѣ она сидѣла. Когда она неожиданно брала его на руки, онъ все же сразу узнавалъ, что сидитъ у матери. Когда же его брали другіе, онъ быстро начиналъ ощупывать своими ручонками лицо взявшаго его человѣка, и тоже скоро узнавалъ няньку, дядю Максима, отца. Но если онъ попадалъ къ человѣку незнакомому, тогда движенія маленькихъ рукъ становились медленнѣе: мальчикъ осторожно и внимательно проводилъ ими по незнакомому лицу, и его черты выражали напряженное вниманіе; онъ какъ будто „вглядывался" кончиками своихъ пальцевъ.

По натурѣ онъ былъ очень живымъ и подвижнымъ ребенкомъ, но мѣсяцы шли за мѣсяцами, и слѣпота все болѣе налагала свой отпечатокъ на темпераментъ мальчика, начинавшій опредѣляться. Живость движеній понемногу терялась; онъ сталъ забиваться въ укромные уголки и сидѣлъ тамъ по цѣлымъ часамъ смирно, съ застывшими чертами лица, какъ будто къ чему-то прислушиваясь. Когда въ комнатѣ бывало тихо, и смѣна разнообразныхъ звуковъ не развлекала его вниманія, ребенокъ, казалось, думалъ о чемъ-то съ недоумѣлымъ и

удивленнымъ выраженіемъ на красивомъ и не по-дѣтски серьезномъ лицѣ.

Дядя Максимъ угадалъ: тонкая и богатая нервная организація мальчика брала свое и воспріимчивостью къ ощущеніямъ осязанія и слуха какъ бы стремилась возстановить до извѣстной степени полноту своихъ воспріятій. Всѣхъ удивляла поразительная тонкость его осязанія. По временамъ казалось даже, что онъ не чуждъ ощущенія цвѣтовъ; когда ему въ руки попадали ярко окрашенные лоскутья, онъ дольше останавливалъ на нихъ свои тонкіе пальцы, и по лицу его проходило выраженіе удивительнаго вниманія. Однако, современемъ стало выясняться все болѣе и болѣе, что развитіе воспріимчивости идетъ, главнымъ образомъ, въ сторону слуха

Вскорѣ онъ изучилъ въ совершенствѣ комнаты по ихъ звукамъ: различалъ походку домашнихъ, скрипъ стула подъ инвалидомъ дядей, сухое, размѣренное шорканіе нитки въ рукахъ матери, ровное тиканіе стѣнныхъ часовъ. Иногда, ползая вдоль стѣны, онъ чутко прислушивался къ легкому, неслышному для другихъ шороху и, поднявъ руку, тянулся ею за бѣгавшею по обоямъ мухой. Когда испуганное насѣкомое снималось съ мѣста и улетало, на лицѣ слѣпого являлось выраженіе болѣзненнаго недоумѣнія. Онъ не могъ отдать себѣ отчета въ таинственномъ исчезновеніи мухи. Но впослѣдствіи и въ такихъ случаяхъ лицо его сохраняло выраженіе осмысленнаго вниманія; онъ поворачивалъ голову въ ту сторону, куда улетала муха,—изощренный слухъ улавливалъ въ воздухѣ тонкій звонъ ея крыльевъ.

Міръ сверкавшій, двигавшійся и звучавшій вокругъ, въ маленькую головку слѣпого проникалъ главнымъ образомъ, въ формѣ звуковъ, и въ эти формы отливались его представленія. На лицѣ застывало особенное вниманіе къ звукамъ: нижняя челюсть слегка оттягивалась впередъ на тонкой и удлинившейся шеѣ. Брови пріобрѣтали особенную подвижность, а красивые, но неподвижные глаза придавали лицу слѣпого какой-то суровый и вмѣстѣ трогательный отпечатокъ.

....

VI.

Третья зима его жизни приходила къ концу. На дворѣ уже таялъ снѣгъ, звенѣли весенніе потоки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, здоровье мальчика, который зимой все прихварывалъ и потому всю ее провелъ въ комнатахъ, не выходя на воздухъ, стало поправляться.

Вынули вторыя рамы, и весна ворвалась въ комнату съ удвоенной силой. Въ залитыя свѣтомъ окна глядѣло смѣющееся весеннее солнце, качались голыя еще вѣтки буковъ, вдали чернѣли нивы, по которымъ мѣстами лежали бѣлыя пятна тающихъ снѣговъ, мѣстами же пробивалась чуть замѣтною зеленью молодая трава. Всѣмъ дышалось вольнѣе и лучше, на всѣхъ весна отражалась приливомъ обновленной и бодрой жизненной силы.

Для слѣпого мальчика она врывалась въ комнату только своимъ торопливымъ шумомъ. Онъ слышалъ, какъ

бѣгутъ потоки весенней воды, точно вдогонку другъ за другомъ, прыгая по камнямъ, прорѣзаясь въ глубину размякшей земли; вѣтки буковъ шептались за окнами, сталкиваясь и звеня легкими ударами по стекламъ. А торопливая весенняя капель отъ нависшихъ на крышѣ сосулекъ, прихваченныхъ утреннимъ морозомъ и теперь разогрѣтыхъ солнцемъ, стучала тысячью звонкихъ ударовъ. Эти звуки падали въ комнату, подобно яркимъ и звонкимъ камешкамъ, быстро отбивавшимъ переливчатую дробь. По временамъ сквозь этотъ звонъ и шумъ окрики журавлей плавно проносились съ далекой высоты и постепенно смолкали, точно тихо тая въ воздухѣ.

На лицѣ мальчика это оживленіе природы сказывалось болѣзненнымъ недоумѣніемъ. Онъ съ усиліемъ сдвигалъ свои брови, вытягивалъ шею, прислушивался и затѣмъ, какъ будто встревоженный непонятною суетой звуковъ, вдругъ протягивалъ руки, разыскивая мать и кидался къ ней, крѣпко прижимаясь къ ея груди.

— Что это съ нимъ?—спрашивала мать себя и другихъ.

Дядя Максимъ внимательно вглядывался въ лицо мальчика и не могъ объяснить его непонятной тревоги.

— Онъ... не можетъ понять,—догадывалась мать, улавливая на лицѣ сына выраженіе болѣзненнаго недоумѣнія и вопроса.

Дѣйствительно, ребенокъ былъ встревоженъ и безпокоенъ: онъ то улавливалъ новые звуки, то удивлялся тому, что прежніе, къ которымъ онъ уже началъ привыкать, вдругъ смолкали и куда-то терялись.

———

VII.

Хаосъ весенней неурядицы смолкъ. Подъ жаркими лучами солнца работа природы входила все больше и больше въ свою колею, жизнь какъ будто напрягалась, ея поступательный ходъ становился стремительнѣе, точно бѣгъ разошедшагося поѣзда. Въ лугахъ зазеленѣла молодая травка, въ воздухѣ носился запахъ березовыхъ почекъ.

Мальчика рѣшили вывести въ поле, на берегъ ближней рѣки.

Мать вела его за руку. Рядомъ на своихъ костыляхъ шелъ дядя Максимъ, и всѣ они направлялись къ береговому холмику, который достаточно уже высушили солнце и вѣтеръ. Онъ зеленѣлъ густой муравой, и съ него открывался видъ на далекое пространство.

Яркій день ударилъ по глазамъ матери и Максима. Солнечные лучи согрѣвали ихъ лица, весенній вѣтеръ, какъ будто взмахивая невидимыми крыльями, сгонялъ эту теплоту, замѣняя ее свѣжею прохладой. Въ воздухѣ носилось что-то опьяняющее до нѣги, до истомы.

Мать почувствовала, что въ ея рукѣ крѣпко сжалась маленькая ручка ребенка, но опьяняющее вѣяніе весны сдѣлало ее менѣе чувствительной къ этому проявленію дѣтской тревоги. Она вздыхала полною грудью и шла впередъ, не оборачиваясь; если бы она сдѣлала это, то увидѣла бы странное выраженіе на лицѣ мальчика. Онъ поворачивалъ открытые глаза къ солнцу съ нѣмымъ удивленіемъ. Губы его раскрылись; онъ вдыхалъ въ себя

воздухъ быстрыми глотками, точно рыба, которую вынули изъ воды; выраженіе болѣзненнаго восторга пробивалось по временамъ на безпомощно-растерянномъ личикѣ, пробѣгало по немъ какими-то нервными ударами, освѣщая его на мгновеніе, и тотчасъ же смѣнялось опять выраженіемъ удивленія, доходящаго до испуга и недоумѣлаго вопроса. Только одни глаза глядѣли все тѣмъ же ровнымъ и неподвижнымъ незрячимъ взглядомъ.

Дойдя до холмика, они усѣлись на немъ всѣ трое. Когда мать приподняла мальчика съ земли, чтобы посадить его поудобнѣе, онъ опять судорожно схватился за ея платье; казалось, онъ боялся, что упадетъ куда-то, какъ будто не чувствуя подъ собой земли. Но мать и на этотъ разъ не замѣтила тревожнаго движенія, потому что ея глаза и вниманіе были прикованы къ чудной весенней картинѣ.

Былъ полдень. Солнце тихо катилось по синему небу. Съ холма, на которомъ они сидѣли, виднѣлась широко разлившаяся рѣка. Она пронесла уже свои льдины, и только по временамъ на ея поверхности плыли и таяли кое-гдѣ послѣднія изъ нихъ, выдѣляясь бѣлыми пятнышками. На поемныхъ лугахъ стояла вода широкими лиманами; бѣлыя облачка, отражаясь въ нихъ вмѣстѣ съ опрокинутымъ лазурнымъ сводомъ, тихо плыли въ глубинѣ и исчезали, какъ будто и они таяли, подобно льдинамъ. Временами пробѣгала отъ вѣтра легкая рябь, сверкая на солнцѣ. Дальше за рѣкой чернѣли разопрѣвшія нивы и парили, застилая рѣющею, колеблющеюся дымкой и дальнія лачуги, крытыя соломой, и смутно зари-

совавшуюся синюю полоску лѣса. Земля какъ будто вздыхала, и что-то подымалось отъ нея къ небу, какъ клубы жертвеннаго ѳиміама.

Природа раскинулась кругомъ, точно великій храмъ, приготовленный къ празднику. Но для слѣпого это была только необъятная тьма, которая необычно волновалась вокругъ, шевелилась, рокотала и звенѣла, протягиваясь къ нему, прикасаясь къ его душѣ со всѣхъ сторонъ неизвѣданными еще, необычными впечатлѣніями, отъ наплыва которыхъ болѣзненно билось дѣтское сердце.

Съ первыхъ же шаговъ, когда лучи теплаго дня ударили ему въ лицо, согрѣли нѣжную кожу, онъ инстинктивно поворачивалъ къ солнцу свои незрячіе глаза какъ будто чувствуя, къ какому центру тяготѣетъ все окружающее. Для него не было ни этой прозрачной дали, ни лазурнаго свода, ни широко раздвинутаго горизонта. Онъ чувствовалъ только, какъ что-то матеріальное, ласкающее и теплое касается его лица нѣжнымъ, согрѣвающимъ прикосновеніемъ. Потомъ кто-то прохладный и легкій, хотя и менѣе легкій, чѣмъ тепло солнечныхъ лучей, снимаетъ съ его лица эту нѣгу и пробѣгаетъ по немъ ощущеніемъ свѣжей прохлады. Въ комнатахъ мальчикъ привыкъ двигаться свободно, чувствуя вокругъ себя пустоту. Здѣсь же его охватили какія-то странно смѣнявшіяся волны, то нѣжно ласкающія, то щекочущія и опьяняющія. Теплыя прикосновенія солнца быстро обмахивались кѣмъ-то, и струя вѣтра, звеня въ уши, охватывая лицо, виски, голову до самаго затылка, тянулась вокругъ, какъ будто стараясь подхва-

тить мальчика, увлечь его куда-то въ пространство, котораго онъ не могъ видѣть, унося сознаніе, навѣвая забывчивую истому. Тогда-то рука мальчика крѣпче сжимала руку матери, а его сердце замирало и, казалось, вотъ-вотъ совсѣмъ перестанетъ биться.

Когда его усадили, онъ какъ-будто нѣсколько успокоился. Теперь, не смотря на странное ощущеніе, переполнившее все его существо, онъ все же сталъ было различать отдѣльные звуки. Темныя ласковыя волны неслись по прежнему неудержимо, и ему казалось, что онѣ проникають внутрь его тѣла, такъ какъ удары его всколыхавшейся крови подымались и опускались вмѣстѣ съ ударами этихъ волнъ. Но теперь онѣ приносили съ собой то яркую трель жаворонка, то тихій шелестъ распустившейся березки, то чуть слышные всплески рѣки. Ласточка свистѣла легкимъ крыломъ, описывая невдалекѣ причудливые круги, звенѣли мошки, и надъ всѣмъ этимъ проносился порой протяжный и печальный окрикъ пахаря на равнинѣ, понукавшаго воловъ надъ распахиваемой полоской.

Но мальчикъ не могъ схватить этихъ звуковъ въ ихъ цѣломъ, не могъ соединить ихъ, расположить въ перспективу. Они какъ будто падали, проникая въ темную головку, одинъ за другимъ, то тихіе, неясные, то громкіе, яркіе, оглушающіе. По временамъ они толпились одновременно, непріятно смѣшиваясь въ непонятную дисгармонію. А вѣтеръ съ поля все свистѣлъ въ уши, и мальчику казалось, что волны бѣгутъ быстрѣе и ихъ рокотъ застилаетъ всѣ остальные звуки, которые несутся теперь

откуда-то съ другого міра, точно воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ. И по мѣрѣ того, какъ звуки тускнѣли, въ грудь мальчика вливалось ощущеніе какой-то щекочущей истомы. Лицо подергивалось ритмически пробѣгавшими по немъ переливами; глаза то закрывались, то открывались опять, брови тревожно двигались, и во всѣхъ чертахъ пробивался вопросъ, тяжелое усиліе мысли и воображенія. Не окрѣпшее еще и переполненное новыми ощущеніями сознаніе начинало изнемогать: оно еще боролось съ нахлынувшими со всѣхъ сторонъ впечатлѣніями, стремясь устоять среди нихъ, слить ихъ въ одно цѣлое и, такимъ образомъ, овладѣть ими, побѣдить ихъ. Но задача была не по силамъ темному мозгу ребенка, которому недоставало для этой работы зрительныхъ представленій.

И звуки летѣли и падали одинъ за другимъ, все еще слишкомъ пестрые, слишкомъ звонкіе... Охватившія мальчика волны вздымались все напряженнѣе, налетая изъ окружающаго звенѣвшаго и рокотавшаго мрака и уходя въ тотъ же мракъ, смѣняясь новыми волнами, новыми звуками... быстрѣе, выше, мучительнѣе подымали онѣ его, укачивали, баюкали... Еще разъ пролетѣла надъ этимъ тускнѣющимъ хаосомъ длинная и печальная нота человѣческаго окрика, и затѣмъ все сразу смолкло.

Мальчикъ тихо застоналъ и откинулся назадъ на траву. Мать быстро повернулась къ нему и тоже вскрикнула: онъ лежалъ на травѣ, блѣдный, въ глубокомъ обморокѣ.

VIII.

Дядя Максимъ былъ очень встревоженъ этимъ случаемъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ выписывать книги по физіологіи, психологіи и педагогикѣ и съ обычною своей энергіей занялся изученіемъ всего, что даетъ наука по отношенію къ таинственному росту и развитію дѣтской души.

Эта работа завлекала его все больше и больше, и поэтому мрачныя мысли о непригодности къ житейской борьбѣ, о „червякѣ, пресмыкающемся въ пыли“, и о „фурштатѣ“, давно уже незамѣтно улетучилось изъ квадратной головы ветерана. На ихъ мѣстѣ воцарилось въ этой головѣ вдумчивое вниманіе, по временамъ даже розовыя мечты согрѣвали старѣющее сердце. Дядя Максимъ убѣждался все болѣе и болѣе, что природа, отказавшая мальчику въ зрѣніи, не обидѣла его въ другихъ отношеніяхъ; это было существо, которое отзывалось на доступныя ему внѣшнія впечатлѣнія съ замѣчательною полнотой и силой. И дядѣ Максиму казалось, что онъ призванъ къ тому, чтобы развить присущіе мальчику задатки, чтобъ усиліемъ своей мысли и своего вліянія уравновѣсить несправедливость слѣпой судьбы, чтобы вмѣсто себя поставить въ ряды бойцовъ за дѣло жизни новаго рекрута, на котораго, безъ его вліянія, никто не могъ бы разсчитывать.

„Кто знаетъ,—думалъ старый гарибальдіецъ,—вѣдь бороться можно не только копьемъ и саблей. Быть можетъ, несправедливо обиженный судьбою подыметъ со

временемъ доступное ему оружіе въ защиту другихъ, обездоленныхъ жизнью, и тогда я не даромъ проживу на свѣтѣ, изувѣченный старый солдатъ"...

Даже свободнымъ мыслителямъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ не было чуждо суевѣрное представленіе о „таинственныхъ предначертаніяхъ" природы. Немудрено поэтому, что, по мѣрѣ развитія ребенка, выказывавшаго недюжинныя способности, дядя Максимъ утвердился окончательно въ убѣжденіи, что самая слѣпота есть лишь одно изъ проявленій этихъ „таинственныхъ предначертаній". „Обездоленный за обиженныхъ" — вотъ девизъ, который онъ выставилъ заранѣе на боевомъ знамени своего питомца.

IX.

Послѣ первой весенней прогулки мальчикъ пролежалъ нѣсколько дней въ бреду. Онъ то лежалъ неподвижно и безмолвно въ своей постели, то бормоталъ что-то и къ чему-то прислушивался. И во все это время съ его лица не сходило характерное выраженіе недоумѣнія.

— Право, онъ глядитъ такъ, какъ будто старается понять что-то и не можетъ,—говорила молодая мать.

Максимъ задумывался и кивалъ головой. Онъ понялъ, что странная тревога мальчика и внезапный обморокъ объяснялись обиліемъ впечатлѣній, съ которыми не могло справиться сознаніе, и рѣшился допускать къ выздоравливавшему мальчику эти впечатлѣнія постепенно, такъ сказать, расчлененными на составныя части. Въ

комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, окна были плотно закрыты. Потомъ, по мѣрѣ выздоровленія, ихъ открывали на время, затѣмъ его водили по комнатамъ, выводили на крыльцо, на дворъ, въ садъ. И каждый разъ, какъ на лицѣ слѣпого являлось тревожное выраженіе, мать объясняла ему поражавшіе его звуки.

— Рожокъ пастуха слышенъ за лѣсомъ, — говорила она.—А это изъ-за щебетанія воробьиной стаи слышенъ голосъ малиновки... Аистъ клекочетъ на своемъ колесѣ *). Онъ прилетѣлъ на дняхъ изъ далекихъ краевъ и строитъ гнѣздо на старомъ мѣстѣ.

И мальчикъ поворачивалъ къ ней свое лицо, свѣтившееся благодарностью, бралъ ея руку и кивалъ головой, продолжая прислушиваться съ вдумчивымъ и осмысленнымъ вниманіемъ.

X.

Онъ начиналъ разспрашивать обо всемъ, что привлекало его вниманіе, и мать или, еще чаще, дядя Максимъ разсказывали ему о разныхъ предметахъ и существахъ, издававшихъ тѣ или другіе звуки. Разсказы матери, болѣе живые и яркіе, производили на мальчика большее впечатлѣніе, но по временамъ впечатлѣніе это бывало слишкомъ болѣзненно. Молодая женщина, страдая сама, съ

*) Въ Малороссіи и Польшѣ для аистовъ ставятъ высокіе столбы и надѣваютъ на нихъ старыя колеса, на которыхъ птица завиваетъ гнѣздо.

растроганнымъ лицомъ, съ глазами, глядѣвшими съ безпомощною жалобой и болью, старалась дать своему ребенку понятіе о формахъ и цвѣтахъ. Мальчикъ напрягалъ вниманіе, сдвигалъ брови, на лбу его являлись даже легкія морщинки. Видимо, дѣтская головка работала надъ непосильною задачей, темное воображеніе билось, стремясь создать изъ косвенныхъ данныхъ новое представленіе, но изъ этого ничего не выходило. Дядя Максимъ всегда недовольно хмурился въ такихъ случаяхъ, и, когда на глазахъ матери являлись слезы, а лицо ребенка блѣднѣло отъ сосредоточенныхъ усилій, тогда Максимъ вмѣшивался въ разговоръ, отстранялъ сестру и начиналъ свои разсказы, въ которыхъ, по возможности, прибѣгалъ только къ пространственнымъ и звуковымъ представленіямъ. Лицо слѣпого становилось спокойнѣе.

— Ну, а какой онъ? большой? — спрашивалъ онъ про аиста, отбивавшаго на своемъ столбѣ лѣнивую барабанную дробь.

И при этомъ мальчикъ раздвигалъ руки. Онъ дѣлалъ это обыкновенно при подобныхъ вопросахъ, а дядя Максимъ указывалъ ему, когда слѣдовало остановиться. Теперь онъ совсѣмъ раздвинулъ свои маленькія рученки, но дядя Максимъ сказалъ:

— Нѣтъ, онъ еще гораздо больше. Если бы привести его въ комнату и поставить на полу, то голова его была бы выше спинки стула.

— Большой...—задумчиво произнесъ мальчикъ.—А малиновка—вотъ!—и онъ чуть-чуть развелъ сложенныя вмѣстѣ ладони.

— Да, малиновка такая... За то большія птицы никогда не поютъ такъ хорошо, какъ маленькія. Малиновка старается, чтобы всѣмъ было пріятно ее слушать. А аистъ—серьезная птица, стоитъ себѣ на одной ногѣ въ гнѣздѣ, озирается кругомъ, точно сердитый хозяинъ на работниковъ, и громко ворчитъ, не заботясь о томъ, что голосъ у него хриплый, и его могутъ слышать посторонніе.

Мальчикъ смѣялся, слушая эти описанія, и забывалъ на время о своихъ тяжелыхъ попыткахъ понять разсказы матери. Но все же эти разсказы привлекали его сильнѣе, и онъ предпочиталъ обращаться съ разспросами къ ней, а не къ дядѣ Максиму.

Глава II.

I.

Темная голова ребенка обогащалась новыми представленіями; посредствомъ сильно изощреннаго слуха онъ проникалъ все дальше въ окружавшую его природу. Надъ нимъ и вокругъ него по прежнему стоялъ глубокій, непроницаемый мракъ; мракъ этотъ нависъ надъ его мозгомъ тяжелою тучей и, хотя онъ залегъ надъ нимъ со дня рожденія, хотя, повидимому, мальчикъ долженъ былъ свыкнуться съ своимъ несчастіемъ, однако дѣтская природа по какому-то инстинкту безпрестанно силилась освободиться отъ мрачной завѣсы. Эти, не оставлявшіе ребенка ни на минуту, безсознательные порывы къ незнакомому ему свѣту отпечатлѣвались на его лицѣ все глубже и глубже выраженіемъ смутнаго страдающаго усилія.

Тѣмъ не менѣе бывали и для него минуты яснаго довольства, яркихъ дѣтскихъ восторговъ, и это случалось тогда, когда доступныя для него внѣшнія впечатлѣнія доставляли ему новое сильное ощущеніе, знако-

мили съ новыми явленіями невидимаго міра. Великая и могучая природа не оставалась для слѣпого совершенно закрытою. Такъ, однажды, когда его свели на высокій утесъ, надъ рѣкой, онъ съ особеннымъ выраженіемъ прислушивался къ тихимъ всплескамъ рѣки далеко подъ ногами и съ замираніемъ сердца хватался за платье матери, слушая, какъ катились внизъ обрывавшіеся изъ-подъ ноги его камни. Съ тѣхъ поръ онъ представлялъ себѣ глубину въ видѣ тихаго ропота воды у подножья утеса или въ видѣ испуганнаго шороха падавшихъ внизъ камешковъ.

Даль звучала въ его ушахъ смутно замиравшею пѣсней; когда же по небу гулко перекатывался весенній громъ, заполняя собою пространство и съ сердитымъ рокотомъ теряясь за тучами, слѣпой мальчикъ прислушивался къ этому рокоту съ благоговѣйнымъ испугомъ и сердце его расширялось, а въ головѣ возникало величавое представленіе о просторѣ поднебесныхъ высотъ.

Такимъ образомъ, звуки были для него главнымъ непосредственнымъ выраженіемъ внѣшняго міра; остальныя впечатлѣнія служили только дополненіемъ къ впечатлѣніямъ слуха, въ которыя отливались его представленія, какъ въ формы.

По временамъ, въ жаркій полдень, когда вокругъ все смолкало, когда затихало людское движеніе, и въ природѣ устанавливалась та особенная тишина, подъ которой чуется только непрерывный, безшумный бѣгъ жизненной силы, на лицѣ слѣпого мальчика являлось характерное выраженіе. Казалось, подъ вліяніемъ внѣшней тишины

изъ глубины его души подымались какіе-то ему одному доступные звуки, къ которымъ онъ будто прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ. Можно было подумать, глядя на него въ такія минуты, что зарождающаяся неясная мысль начинаетъ звучать въ его сердцѣ, какъ смутная мелодія пѣсни.

II.

Ему шелъ уже пятый годъ. Онъ былъ тонокъ и слабъ, но ходилъ и даже бѣгалъ свободно по всему дому. Кто смотрѣлъ на него, какъ онъ увѣренно выступалъ въ комнатахъ, поворачивая именно тамъ, гдѣ надо и свободно разыскивая нужные ему предметы, тотъ могъ бы подумать, если это былъ незнакомый человѣкъ, что передъ нимъ не слѣпой, а только странно сосредоточенный ребенокъ съ задумчивыми и глядѣвшими въ неопредѣленную даль глазами. Но уже по двору онъ ходилъ съ большимъ трудомъ, постукивая передъ собой палкой. Если же въ рукахъ у него не было палки, то онъ предпочиталъ ползать по землѣ, быстро изслѣдуя руками попадавшіеся на пути предметы.

III.

Былъ тихій лѣтній вечеръ. Дядя Максимъ сидѣлъ въ саду. Отецъ, по обыкновенію, захлопотался гдѣ-то

въ дальномъ полѣ. На дворѣ и кругомъ было тихо; селеніе засыпало, въ людской тоже смолкъ говоръ работниковъ и прислуги. Мальчика уже съ полчаса уложили въ постель.

Онъ лежалъ въ полудремотѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ у него съ этимъ тихимъ часомъ стало связываться странное воспоминаніе. Онъ, конечно, не видѣлъ, какъ темнѣло синее небо, какъ черныя верхушки деревьевъ качались, рисуясь на звѣздной лазури, какъ хмурились лохматыя „стрѣхи“ стоявшихъ кругомъ двора строеній, какъ синяя мгла разливалась по землѣ вмѣстѣ съ тонкимъ золотомъ луннаго и звѣзднаго свѣта Но вотъ уже нѣсколько дней онъ засыпалъ подъ какимъ-то особеннымъ, чарующимъ впечатлѣніемъ, въ которомъ на другой день не могъ дать себѣ отчета.

Когда дремота все гуще застилала его сознаніе, когда смутный шелестъ буковъ совсѣмъ стихалъ, и онъ переставалъ уже различать и дальній лай деревенскихъ собакъ, и щелканье соловья за рѣкой, и меланхолическое позвякиваніе бубенчиковъ, подвязанныхъ къ пасшемуся на лугу жеребенку,—когда всѣ отдѣльные звуки стушевывались и терялись, ему начинало казаться, что всѣ они, слившись въ одно стройное, гармоническое цѣлое, тихо влетаютъ въ окно и долго кружатся надъ его постелью, навѣвая неопредѣленныя, но удивительно пріятныя грезы. На утро онъ просыпался разнѣженный и обращался къ матери съ живымъ вопросомъ:

— Что это было... вчера? Что это такое?..

Мать не знала, въ чемъ дѣло, и думала, что ребенка

волнуютъ сны. Она сама укладывала его въ постель, заботливо крестила и уходила, когда онъ начиналъ дремать, не замѣчая при этомъ ничего особеннаго. Но на другой день мальчикъ опять говорилъ ей о чемъ-то, пріятно тревожившемъ его съ вечера.

— Такъ хорошо, мама, такъ хорошо! Что же это такое?

Въ этотъ вечеръ она рѣшилась остаться у постели ребенка подольше, чтобы разъяснить себѣ странную загадку. Она сидѣла на стулѣ, рядомъ съ его кроваткой, машинально перебирая петли вязанья и прислушиваясь къ ровному дыханію своего Петруся. Казалось, онъ совсѣмъ уже заснулъ, какъ вдругъ въ темнотѣ послышался его тихій голосъ:

— Мама, ты здѣсь?

— Да, да, мой мальчикъ...

— Уйди, пожалуйста; *оно* боится тебя и до сихъ поръ *его* нѣтъ. Я уже совсѣмъ было заснулъ, а этого все нѣтъ...

Удивленная мать съ какимъ-то страннымъ чувствомъ слушала этотъ полусонный, жалобный шопотъ... Ребенокъ говорилъ о своихъ сонныхъ грезахъ съ такою увѣренностью, какъ будто это что-то реальное. Тѣмъ не менѣе, мать встала, наклонилась къ мальчику, чтобы поцѣловать его, и тихо вышла, рѣшившись незамѣтно подойти къ открытому окну со стороны сада.

Не успѣла она сдѣлать своего обхода, какъ загадка разъяснилась. Она услышала вдругъ тихіе, переливчатые тоны свирѣли, которые неслись изъ конюшни, смѣ-

шиваясь съ шорохомъ южнаго вечера. Она сразу поняла, что именно эти нехитрые переливы простой мелодіи, совпадавшіе съ фантастическимъ часомъ дремоты, такъ пріятно настраивали воспоминанія мальчика.

Она сама остановилась, постояла съ минуту, прислушиваясь къ задушевнымъ напѣвамъ малорусской пѣсни, и, совершенно успокоенная, ушла въ темную аллею сада къ дядѣ Максиму.

— Хорошо играетъ Іохимъ,—подумала она.—Странно, сколько тонкаго чувства въ этомъ грубоватомъ на видъ „хлопѣ“.

IV.

А Іохимъ дѣйствительно игралъ хорошо. Ему ни почемъ была даже и хитрая скрипка, и было время, когда въ корчмѣ, по воскресеньямъ, никто лучше не могъ сыграть „козака“ или веселаго польскаго „краковяка“. Когда, бывало, онъ, усѣвшись на лавкѣ въ углу, крѣпко притиснувъ скрипку бритымъ подбородкомъ и ухарски заломивъ высокую смушковую шапку на затылокъ, ударялъ кривымъ смычкомъ по упругимъ струнамъ, тогда рѣдко кто въ корчмѣ могъ усидѣть на мѣстѣ. Даже старый одноглазый еврей, аккомпанировавшій Іохиму на контрабасѣ, одушевлялся до послѣдней степени. Его неуклюжій „струментъ“, казалось, надрывается отъ усилій, чтобы поспѣть своими тяжелыми басовыми нотами за легкими, пѣвучими и прыгающими тонами Іохимовой скрипки,

а самъ старый Янкель, высоко подергивая плечами, вертѣлъ лысой головой въ ермолкѣ и весь подпрыгивалъ въ тактъ шаловливой и бойкой мелодіи. Что же говорить о крещёномъ народѣ, у котораго ноги устроены изстари такимъ образомъ, что при первыхъ звукахъ веселаго плясового напѣва сами начинають подгибаться и притопывать.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Іохиму полюбилась Марья, дворовая дѣвка сосѣдняго пана, онъ что-то не залюбилъ веселую скрипку. Правда, что скрипка не помогла ему побѣдить сердце вострой дѣвки, и Марья предпочла безусую нѣмецкую физіономію барскаго камердинера усатой „пыкѣ“ *) хохла-музыканта. Съ тѣхъ поръ его скрипки не слыхали болѣе въ корчмѣ и на вечерницахъ. Онъ повѣсилъ ее на колышкѣ въ конюшнѣ и не обращалъ вниманія на то, что отъ сырости и его нерадѣнія на любимомъ прежде инструментѣ то и дѣло одна за другой лопались струны. А онѣ лопались съ такимъ громкимъ и жалобнымъ предсмертнымъ звономъ, что даже лошади сочувственно ржали и удивленно поворачивали головы къ ожесточившемуся хозяину.

На мѣсто скрипки Іохимъ купилъ у прохожаго карпатскаго горца деревянную дудку. Онъ, повидимому, находилъ, что ея тихіе, задушевные переливы больше соотвѣтствують его горькой судьбѣ, лучше выразятъ печаль его отвергнутаго сердца. Однако, горская дудка

---

*) „Пыка“—по-малорусски ироническое названіе лица, физіономіи.

обманула его ожиданія. Онъ перебралъ ихъ до десятка пробывалъ на всѣ лады, обрѣзалъ, мочилъ въ водѣ и сушилъ на солнцѣ, подвѣшивалъ на тонкой бичевочкѣ подъ крышей, чтобы ее обдувало вѣтромъ, но ничто не помогало: горская дудка не слушалась хохлацкаго сердца. Она свистѣла тамъ, гдѣ нужно было пѣть, взвизгивала тогда, когда онъ ждалъ отъ нея томнаго дрожанія, и вообще никакъ не поддавалась его настроенію. Наконецъ, онъ осердился на всѣхъ бродячихъ горцевъ, убѣдившись окончательно, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи сдѣлать хорошую дудку, и затѣмъ рѣшился сдѣлать ее своими руками. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ бродилъ съ насупленными бровями по полямъ и болотамъ, подходилъ къ каждому кустику ивы, перебиралъ ея вѣтки, срѣзалъ нѣкоторыя изъ нихъ, но, повидимому, все не находилъ того, что ему было нужно. Его брови были по прежнему угрюмо сдвинуты, и онъ шелъ дальше, продолжая розыски. Наконецъ, онъ попалъ на одно мѣсто, надъ лѣниво струившеюся рѣчкой. Вода чуть-чуть шевелила въ этой заводи бѣлыя головки кувшинокъ, вѣтеръ не долеталъ сюда изъ-за густо-разросшихся ивъ, которыя тихо и задумчиво склонились къ темной, спокойной глубинѣ. Іохимъ, раздвинувъ кусты, подошелъ къ рѣчкѣ, постоялъ съ минуту и какъ-то вдругъ убѣдился, что именно здѣсь онъ найдетъ то, что ему нужно. Морщины на его лбу разгладились. Онъ вынулъ изъ-за голенища привязанный на ремешкѣ складной ножикъ и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ задумчиво шептавшіеся кусты ивняка, рѣшительно подошелъ къ тонкому,

прямому стволу, качавшемуся надъ размытою кручей. Онъ зачѣмъ-то щелкнулъ по немъ пальцемъ, посмотрѣлъ съ удовольствіемъ, какъ онъ упруго закачался въ воздухѣ, прислушался къ шопоту его листьевъ и мотнулъ головой.

— Ото-жъ воно самесенькое,—пробормоталъ Іохимъ съ удовольствіемъ и выбросилъ въ рѣчку всѣ срѣзанные ранѣе прутья.

Дудка вышла на славу. Высушивъ иву, онъ выжегъ ей сердце раскаленною проволокой, прожегъ шесть круглыхъ отверстій, прорѣзалъ наискось седьмое и плотно заткнулъ одинъ конецъ деревянною затычкой, оставивъ въ ней косую узенькую щелку. Затѣмъ она цѣлую недѣлю висѣла на тонкой бичевкѣ, при чемъ ее грѣло солнцемъ и обдавало звонкимъ вѣтромъ. Послѣ этого онъ старательно выстругалъ ее ножомъ, почистилъ стекломъ и крѣпко обтеръ кускомъ грубаго сукна. Верхушка у нея была круглая, отъ середины шли ровныя, точно отполированныя грани, по которымъ онъ выжегъ съ помощью изогнутыхъ кусочковъ желѣза разные хитрые узоры. Попробовавъ ее нѣсколькими быстрыми переливами гаммы, онъ взволнованно мотнулъ головой, крякнулъ и торопливо спряталъ въ укромное мѣстечко, около своей постели. Онъ не хотѣлъ дѣлать перваго музыкальнаго опыта среди дневной суеты. За то въ тотъ же вечеръ изъ конюшни полились нѣжныя, задумчивыя, переливчатыя и дрожащія трели. Іохимъ былъ совершенно доволенъ своей дудкой. Казалось, она была частью его самого; звуки, которые она издавала, лились будто изъ

собственной его согрѣтой и разнѣженной груди, и каждый изгибъ его чувства, каждый оттѣнокъ его скорби тотчасъ же дрожалъ въ чудесной дудкѣ, тихо срывался съ нея и звучно несся вслѣдъ за другими, среди чутко внимавшаго вечера.

V.

Теперь Іохимъ былъ влюбленъ въ свою дудку и праздновалъ съ ней свой медовый мѣсяцъ. Днемъ онъ аккуратно справлялъ обязанности конюха, водилъ лошадей на водопой, запрягалъ ихъ, выѣзжалъ съ „паней“ или съ Максимомъ. По временамъ, когда онъ заглядывалъ въ сторону сосѣдняго села, гдѣ жила жестокая Марья, тоска начинала сосать его сердце. Но съ наступленіемъ вечера онъ забывалъ обо всемъ мірѣ и даже образъ чернобровой дѣвушки застилался будто туманомъ. Этотъ образъ терялъ свою жгучую опредѣленность, рисовался передъ нимъ въ какомъ-то смутномъ фонѣ и лишь настолько, чтобы придавать задумчиво-грустный характеръ напѣвамъ чудесной дудки.

Въ такомъ музыкальномъ экстазѣ, весь изливаясь въ дрожащихъ мелодіяхъ, лежалъ Іохимъ въ конюшнѣ и въ тотъ вечеръ. Музыкантъ успѣлъ совершенно забыть не только жестокую красавицу, но даже потерялъ изъ вида собственное свое существованіе, какъ вдругъ онъ вздрогнулъ и приподнялся на своей постели. Въ самомъ патетическомъ мѣстѣ онъ почувствовалъ, какъ чья-то ма-

ленькая рука быстро пробѣжала легкими пальцами по его лицу, скользнула по рукамъ и затѣмъ стала какъ-то торопливо ощупывать дудку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ услышалъ возлѣ себя чье то быстрое, взволнованное, короткое дыханіе.

— Цуръ тобі, пекъ тобі!—произнесъ онъ обычное заклинаніе и тутъ же прибавилъ вопросъ, — чортове, чи боже?—желая узнать, не имѣетъ ли онъ дѣла съ нечистою силой.

Но тотчасъ же скользнувшій въ открытыя ворота конюшни лучъ мѣсяца показалъ ему, что онъ ошибся. У его койки стоялъ слѣпой паничъ и жадно тянулся къ нему своими рученками.

Черезъ часъ мать, пожелавшая взглянуть на спящаго Петруся, не нашла его въ постели. Она испугалась сначала, но вскорѣ материнская сметка подсказала ей, гдѣ нужно искать пропавшаго мальчика. Іохимъ очень сконфузился, когда, остановившись, чтобы сдѣлать передышку, онъ неожиданно увидѣлъ въ дверяхъ конюшни „милостивую пани“. Она, повидимому, уже нѣсколько минутъ стояла на этомъ мѣстѣ, слушая его игру и глядя на своего мальчика, который сидѣлъ на койкѣ, укутанный въ полушубокъ Іохима, и все еще жадно прислушивался къ оборванной пѣснѣ.

VI.

Съ тѣхъ поръ каждый вечеръ мальчикъ являлся къ Іохиму въ конюшню. Ему не приходило и въ голову

просить Іохима сыграть что-нибудь днемъ. Казалось, дневная суета и движеніе исключали въ его представленіи возможность этихъ тихихъ мелодій. Но какъ только на землю опускался вечеръ, Петрусь испытывалъ лихорадочное нетерпѣніе. Вечерній чай и ужинъ служили для него лишь указаніемъ, что желанная минута близка, и мать, которой какъ-то инстинктивно не нравились эти музыкальные сеансы, все же не могла запретить своему любимцу бѣжать къ дударю и просиживать у него въ конюшнѣ часа два передъ сномъ. Эти часы стали теперь для мальчика самымъ счастливымъ временемъ, и мать съ жгучею ревностью видѣла, что вечернія впечатлѣнія владѣютъ ребенкомъ даже въ теченіе слѣдующаго дня, что даже на ея ласки онъ не отвѣчаетъ съ прежнею безраздѣльностью, что, сидя у нея на рукахъ и обнимая ее, онъ съ задумчивымъ видомъ вспоминаетъ вчерашнюю пѣсню Іохима.

Тогда она вспомнила, что нѣсколько лѣтъ назадъ, обучаясь въ кіевскомъ пансіонѣ пани Радецкой, она, между прочими „пріятными искусствами“, изучала также и музыку. Правда, само по себѣ, это воспоминаніе было не изъ особенно сладкихъ, потому что связывалось съ представленіемъ объ учительницѣ, старой нѣмецкой дѣвицѣ Клапсъ, очень тощей, очень прозаической и, главное, очень сердитой. Эта чрезвычайно желчная дѣва, очень искусно „выламывавшая“ пальцы своихъ ученицъ, чтобы придать имъ необходимую гибкость, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ замѣчательнымъ успѣхомъ убивала въ своихъ питомицахъ всякіе признаки чувства музы-

кальной поэзіи. Это пугливое чувство не могло выносить уже одного присутствія дѣвицы Клапсъ, не говоря объ ея педагогическихъ пріемахъ. Поэтому, выйдя изъ пансіона и даже замужемъ, Анна Михайловна и не подумала о возобновленіи своихъ музыкальныхъ упражненій. Но теперь, слушая хохла-дударя, она чувствовала, что вмѣстѣ съ ревностью къ нему въ ея душѣ постепенно пробуждается ощущеніе живой мелодіи, а образъ нѣмецкой дѣвицы тускнѣетъ. Въ результатѣ этого процесса явилась просьба панни Попельской къ мужу выписать изъ города піанино.

— Какъ хочешь, моя голубка,—отвѣтилъ образцовый супругъ.—Ты, кажется, не особенно любила музыку.

Въ тотъ же день послано было письмо въ городъ, но пока инструментъ былъ купленъ и привезенъ изъ города въ деревню, должно было пройти не менѣе двухъ трехъ недѣль.

А, между тѣмъ, изъ конюшни каждый вечеръ звучали мелодическіе призывы, и мальчикъ кидался туда, даже не спрашивая уже позволенія матери.

Специфическій запахъ конюшни смѣшивался съ ароматомъ сухой травы и острымъ запахомъ сыромятныхъ ремней. Лошади тихо жевали, шурша добываемыми изъ-за рѣшетки клочьями сѣна; когда дударь останавливался для передышки, въ конюшню явственно доносился шопотъ зеленыхъ буковъ изъ сада. Петрикъ сидѣлъ, какъ очарованный, и слушалъ.

Онъ никогда не прерывалъ музыканта, и только когда тотъ самъ останавливался и проходило двѣ-три минуты

въ молчаніи, нѣмое очарованіе смѣнялось въ мальчикѣ какою-то странною жадностью. Онъ тянулся за дудкой, бралъ ее дрожащими руками и прикладывалъ къ губамъ. Такъ какъ при этомъ въ груди мальчика захватывало дыханіе, то первые звуки выходили у него какіе-то дрожащіе и тихіе. Но потомъ онъ понемногу сталъ овладѣвать немудренымъ инструментомъ. Іохимъ располагалъ его пальцы по отверстіямъ, и хотя маленькая рученка едва могла захватить эти отверстія, но все же онъ скоро свыкся съ звуками гаммы. При этомъ каждая нота имѣла для него какъ бы свою особенную физіономію, свой индивидуальный характеръ; онъ зналъ уже, въ какомъ отверстіи живетъ каждый изъ этихъ тоновъ, откуда его нужно выпустить, и порой, когда Іохимъ тихо перебиралъ пальцами какой-нибудь несложный напѣвъ, пальцы мальчика тоже начинали шевелиться. Онъ съ полною ясностью представлялъ себѣ послѣдовательные тоны, расположенными по ихъ обычнымъ мѣстамъ.

VII.

Наконецъ, ровно черезъ три недѣли, изъ города привезли піанино. Петя стоялъ на дворѣ и внимательно слушалъ, какъ суетившіеся работники готовились нести въ комнату привозную „музыку“. Она была, очевидно, очень тяжелая, такъ какъ, когда ее стали подымать, телѣга трещала, а люди кряхтѣли и глубоко дышали. Вотъ они двинулись размѣренными, тяжелыми шагами, и при

каждомъ такомъ шагѣ надъ ихъ головами что-то странно гудѣло, ворчало и позванивало. Когда странную музыку ставили на полъ въ гостиной, она опять отозвалась глухимъ гуломъ, точно угрожая кому-то въ сильномъ гнѣвѣ.

Все это наводило на мальчика чувство близкое къ испугу, и не располагало въ пользу новаго неодушевленнаго, но вмѣстѣ сердитаго гостя. Онъ ушелъ въ садъ и не слышалъ, какъ установили инструментъ на ножкахъ, какъ пріѣзжій изъ города настройщикъ заводилъ его ключемъ, пробовалъ клавиши и настраивалъ проволочныя струны. Только когда все было кончено, мать велѣла позвать въ комнату Петю.

Теперь, вооружившись вѣнскимъ инструментомъ лучшаго мастера, Анна Михайловна заранѣе торжествовала побѣду надъ нехитрою деревенскою дудкой. Она была увѣрена, что ея Петя забудетъ теперь конюшню и дударя и что всѣ свои радости будетъ получать отъ нея. Она взглянула смѣющимися глазами на робко вошедшаго вмѣстѣ съ Максимомъ мальчика и на Іохима, который просилъ позволенія послушать заморскую музыку и теперь стоялъ у двери, застѣнчиво потупивъ глаза и свѣсивъ чуприну. Когда дядя Максимъ и Петя усѣлись на кушеткѣ, она вдругъ ударила по клавишамъ піанино.

Она играла пьесу, которую въ пансіонѣ панни Радецкой и подъ руководствомъ дѣвицы Клапсъ изучила въ совершенствѣ. Это было что-то особенно шумное, но довольно хитрое, требовавшее значительной гибкости пальцевъ; на публичномъ экзаменѣ Анна Михайловна

стяжала этой пьесой обильныя похвалы и себѣ, и особенно своей учительницѣ. Никто не могъ сказать этого навѣрное, но многіе догадывались, что молчаливый панъ Попельскій плѣнился панной Яценко именно въ ту короткую четверть часа, когда она исполняла трудную пьесу. Теперь молодая женщина играла ее съ сознательнымъ разсчетомъ на другую побѣду: она желала сильнѣе привлечь къ себѣ маленькое сердце своего сына, увлеченнаго хохлацкою дудкой.

Однако, на этотъ разъ ея ожиданія были обмануты: вѣнскому инструменту оказалось не по силамъ бороться съ кускомъ украинской вербы. Правда, у вѣнскаго піанино были могучія средства: дорогое дерево, превосходныя струны, отличная работа вѣнскаго мастера, богатство обширнаго регистра. За то и у украинской дудки нашлись союзники, такъ какъ она была у себя дома, среди родственной украинской природы.

Прежде, чѣмъ Іохимъ срѣзалъ ее своимъ ножомъ и выжегъ ей сердце раскаленнымъ желѣзомъ, она качалась здѣсь, надъ знакомою мальчику родною рѣчкой, ее ласкало украинское солнце, которое согрѣвало и его, и тотъ же обдавалъ ее украинскій вѣтеръ, пока зоркій глазъ украинца-дударя подмѣтилъ ее надъ размытою кручей. И теперь трудно было иностранному пришельцу бороться съ простою мѣстною дудкой, потому что она явилась слѣпому мальчику въ тихій часъ дремоты, среди таинственнаго вечерняго шороха, подъ шелестъ засыпавшихъ буковъ, въ сопровожденіи всей родственной украинской природы.

Да и пани Попельской далеко было до Іохима. Правда, ея тонкіе пальцы были и быстрѣе, и гибче; мелодія, которую она играла, сложнѣе и богаче, и много трудовъ положила дѣвица Клапсъ, чтобы выучить свою ученицу владѣть труднымъ инструментомъ. За то у Іохима было непосредственное музыкальное чувство, онъ любилъ и грустилъ и съ любовью своей, и съ тоскою обращался къ родной природѣ. Его учила несложнымъ напѣвамъ эта природа, шумъ ея лѣса, тихій шопотъ степной травы, задумчивая, родная, старинная пѣсня, которую онъ слышалъ еще надъ своею дѣтскою колыбелью.

Да, трудно оказалось вѣнскому инструменту побѣдить хохлацкую дудку. Не прошло и одной минуты, какъ дядя Максимъ вдругъ рѣзко застучалъ объ полъ своимъ костылемъ. Когда Анна Михайловна повернулась въ ту сторону, она увидѣла на поблѣднѣвшемъ лицѣ Петрика то самое выраженіе, съ какимъ въ памятный для нея день первой весенней прогулки мальчикъ лежалъ на травѣ.

Іохимъ участливо посмотрѣлъ на мальчика, потомъ кинулъ пренебрежительный взглядъ на нѣмецкую музыку и удалился, стукая по полу гостиной своими неуклюжими „чоботьями“.

VIII.

Много слезъ стоила бѣдной матери эта неудача,— слезъ и стыда. Ей, „милостивой пани“ Попельской,

слышавшей громъ рукоплесканій „избранной публики“, сознавать себя такъ жестоко пораженной, и кѣмъ же?— простымъ конюхомъ Іохимомъ съ его глупою свистѣлкой! Когда она вспомнила исполненный пренебреженія взглядъ хохла послѣ ея неудачнаго концерта, краска гнѣва заливала ея лицо, и она искренно ненавидѣла „противнаго хлопа“.

И, однако, каждый вечеръ, когда ея мальчикъ убѣгалъ въ конюшню, она открывала окно, облокачивалась на него и жадно прислушивалась. Сначала слушала она съ чувствомъ гнѣвнаго пренебреженія, стараясь лишь уловить смѣшныя стороны въ этомъ „глупомъ чириканьи“; но мало-по-малу—она и сама не отдавала себѣ отчета, какъ это могло случиться,—глупое чириканье стало овладѣвать ея вниманіемъ, и она уже съ жадностью ловила задумчиво-грустные напѣвы. Спохватившись, она задала себѣ вопросъ, въ чемъ же ихъ привлекательность, ихъ чарующая тайна, и понемногу эти синіе вечера, неопредѣленныя вечернія тѣни и удивительная гармонія пѣсни съ природой разрѣшила ей этотъ вопросъ.

„Да,—думала, она про себя, побѣжденная и завоеванная въ свою очередь,—тутъ есть какое-то совсѣмъ особенное, истинное чувство... чарующая поэзія, которую не выучишь по нотамъ“.

И это была правда. Тайна этой поэзіи состояла въ удивительной связи между давно умершимъ прошлымъ и вѣчно живущею, и вѣчно говорящею человѣческому сердцу природой, свидѣтельницей этого прошлаго. А онъ, грубый мужикъ въ смазныхъ сапогахъ и съ мозо-

листыми руками, носилъ въ себѣ эту гармонію, это живое чувство природы.

И она сознавала, что гордая „пани“ смиряется въ ней передъ конюхомъ-хлопомъ. Она забывала его грубую одежду и запахъ дегтя, и сквозь тихіе переливы пѣсни вспоминалось ей добродушное лицо, съ мягкимъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ и застѣнчиво-юмористическою улыбкой изъ-подъ длинныхъ усовъ. По временамъ краска гнѣва опять приливала къ лицу и вискамъ молодой женщины: она чувствовала, что въ борьбѣ изъ-за вниманія ея ребенка она стала съ этимъ мужикомъ на одну арену, на равной ногѣ, и онъ, „хлопъ“, побѣдилъ.

А деревья въ саду шептались у нея надъ головой, ночь разгоралась огнями въ синемъ небѣ и разливалась по землѣ синею тьмой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душу молодой женщины лилась горячая грусть отъ Іохимовыхъ пѣсенъ. Она все больше смирялась и все больше училась постигать нехитрую тайну непосредственной и чистой безыскусственной поэзіи.

IX.

Да, у мужика Іохима истинное, живое чувство! А у нея? Неужели у нея нѣтъ ни капли этого чувства? Отчего же такъ жарко въ груди и такъ тревожно бьется въ ней сердце и слезы поневолѣ подступаютъ къ глазамъ?

Развѣ это не чувство, не жгучее чувство любви къ ея обездоленному, слѣпому ребенку, который убѣгаетъ

отъ нея къ Іохиму, и которому она не умѣетъ доставить такого-же живого наслажденія?

Ей вспомнилось выраженіе боли, вызванное ея игрой на лицѣ мальчика, и жгучія слезы лились у нея изъ глазъ, и по временамъ она съ трудомъ сдерживала подступавшія къ горлу и готовыя вырваться рыданія.

Бѣдная мать! Слѣпота ея ребенка стала и ея вѣчнымъ, неизлѣчимымъ недугомъ. Онъ сказался и въ болѣзненно-преувеличенной нѣжности, и въ этомъ всю ее поглотившемъ чувствѣ, связавшемъ тысячью невидимыхъ струнъ ея изболѣвшее сердце съ каждымъ проявленіемъ дѣтскаго страданія. По этой причинѣ то, что въ другой вызвало бы только досаду,—это странное соперничество съ хохломъ-дударемъ,—стало для нея источникомъ сильнѣйшихъ, преувеличенно-жгучихъ страданій.

Такъ шло время, не принося ей облегченія, но за то и не безъ пользы: она начала сознавать въ себѣ приливы того же живого ощущенія мелодіи и поэзіи, которое такъ очаровало ее въ игрѣ хохла. Тогда въ ней ожила и надежда. Подъ вліяніемъ внезапныхъ приливовъ самоувѣренности она нѣсколько разъ подходила къ своему инструменту и открывала крышку съ намѣреніемъ заглушить пѣвучими ударами клавишей тихую дудку. Но каждый разъ чувство нерѣшимости и стыдливаго страха удерживало ее отъ этихъ попытокъ. Ей вспоминалось лицо ея страдающаго мальчика и пренебрежительный взглядъ хохла, и щеки пылали въ темнотѣ отъ стыда, а рука только пробѣгала въ воздухѣ надъ клавіатурой съ боязливою жадностью...

Тѣмъ не менѣе, изо дня въ день какое-то внутреннее сознаніе своей силы въ ней все возрастало, и выбирая время, когда мальчикъ игралъ передъ вечеромъ въ дальней аллеѣ или уходилъ гулять, она садилась за піанино. Первыми опытами она осталась не особенно довольна; руки не повиновались ея внутренному пониманію, звуки инструмента казались сначала чуждыми овладѣвшему ею настроенію. Но постепенно это настроеніе переливалось въ нихъ съ большею полнотой и легкостью; уроки хохла не прошли даромъ, а горячая любовь матери и чуткое пониманіе того, что именно захватывало такъ сильно сердце ребенка, дали ей возможность такъ быстро усвоить эти уроки. Теперь изъ-подъ рукъ выходили уже не трескучія мудреныя „пьесы“, а тихая пѣсня, грустная украинская думка звенѣла и плакала въ темныхъ комнатахъ, размягчая материнское сердце.

Наконецъ, она пріобрѣла достаточно смѣлости, чтобы выступить въ открытую борьбу, и вотъ, по вечерамъ, между барскимъ домомъ и Іохимовой конюшней началось странное состязаніе. Изъ затѣненнаго сарая съ нависшею соломенною стрѣхой тихо вылетали переливчатыя трели дудки, а на встрѣчу имъ изъ открытыхъ оконъ усадьбы, сверкавшей сквозь листву буковъ отраженіемъ луннаго свѣта, неслись пѣвучіе, полные аккорды фортепіано.

Сначала ни мальчикъ, ни Іохимъ не хотѣли обращать вниманія на „хитрую“ музыку усадьбы, къ которой они питали предубѣжденіе. Мальчикъ даже хмурилъ брови и нетерпѣливо понукалъ Іохима, когда тотъ останавливался.

— Э! играй же, играй!

Но не прошло и трехъ дней, какъ эти остановки стали все чаще и чаще. Іохимъ то и дѣло откладывалъ дудку и начиналъ прислушиваться съ возрастающимъ интересомъ, а во время этихъ паузъ и мальчикъ тоже заслушивался и забывалъ понукать пріятеля. Наконецъ, Іохимъ произнесъ съ задумчивымъ видомъ:

— Ото-жъ якъ гарно... Бачъ, яка воно штука...

И затѣмъ, съ тѣмъ же задумчиво-разсѣяннымъ видомъ прислушивающагося человѣка, онъ взялъ мальчика на руки и пошелъ съ нимъ черезъ садъ къ открытому окну гостиной.

Онъ думалъ, что „милостивая пани" играетъ для собственнаго своего удовольствія и не обращаетъ на нихъ вниманія. Но Анна Михайловна слышала въ промежуткахъ, какъ смолкла ея соперница-дудка, видѣла свою побѣду, и ея сердце билось отъ радости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ея гнѣвное чувство къ Іохиму улеглось окончательно. Она была счастлива и сознавала, что обязана этимъ счастьемъ ему: онъ научилъ ее, какъ опять привлечь къ себѣ ребенка, и если теперь ея мальчикъ получитъ отъ нея цѣлыя сокровища новыхъ впечатлѣній, то за это оба они должны быть благодарны ему, мужику-дударю, ихъ общему учителю.

X.

Ледъ былъ сломанъ. Мальчикъ на слѣдующій день съ робкимъ любопытствомъ вошелъ въ гостиную, въ которой

не бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ въ ней поселился странный городской гость, показавшійся ему такимъ сердито-крикливымъ. Теперь вчерашнія пѣсни этого гостя подкупили слухъ мальчика и измѣнили его отношеніе къ инструменту. Съ послѣдними слѣдами прежней робости онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло піанино, остановился на нѣкоторомъ разстояніи и прислушался. Въ гостиной никого не было. Мать сидѣла съ работой въ другой комнатѣ на диванѣ и, притаивъ дыханіе, смотрѣла на него, любуясь каждымъ его движеніемъ, каждою смѣною выраженія на нервномъ лицѣ ребенка.

Протянувъ издали руки, онъ коснулся полированной поверхности инструмента и тотчасъ же робко отодвинулся. Повторивъ раза два этотъ опытъ, онъ подошелъ поближе и сталъ внимательно изслѣдовать инструментъ, наклоняясь до земли, чтобы ощупать ножки, обходя кругомъ по свободнымъ сторонамъ. Наконецъ, его рука попала на гладкія клавиши.

Тихій звукъ струны неувѣренно дрогнулъ въ воздухѣ. Мальчикъ долго прислушивался къ исчезнувшимъ уже для слуха матери вибраціямъ и затѣмъ, съ выраженіемъ полнаго вниманія, тронулъ другую клавишу. Проведя послѣ этого рукой по всей клавіатурѣ, онъ попалъ на ноту верхняго регистра. Каждому тону онъ давалъ достаточно времени, и они, одинъ за другимъ, колыхаясь, дрожали и замирали въ воздухѣ. Лицо слѣпого, вмѣстѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, выражало удовольствіе; онъ, видимо, любовался каждымъ отдѣльнымъ тономъ, и уже въ этой чуткой внимательности къ элементарнымъ зву-

камъ, составнымъ частямъ будущей мелодіи, сказывались задатки артиста.

Но при этомъ казалось, что слѣпой придавалъ еще какія-то особенныя свойства каждому звуку: когда изъ подъ его руки вылетала веселая и яркая нота высокаго регистра, онъ подымалъ оживленное лицо, будто провожая кверху эту звонкую летучую ноту. Наоборотъ, при густомъ, чуть слышномъ и глухомъ дрожаніи баса онъ наклонялъ ухо; ему казалось, что этотъ тяжелый тонъ долженъ непремѣнно низко раскатиться надъ землею, разсыпаясь по полу и теряясь въ дальнихъ углахъ.

XI.

Дядя Максимъ относился ко всѣмъ этимъ музыкальнымъ экспериментамъ только терпимо. Какъ это ни странно, но такъ явно обнаружившіяся склонности мальчика порождали въ инвалидѣ двойственное чувство. Съ одной стороны, страстное влеченіе къ музыкѣ указывало на несомнѣнно присущія мальчику музыкальныя способности и, такимъ образомъ, опредѣляло отчасти возможное для него будущее. Съ другой—къ этому сознанію примѣшивалось въ сердцѣ стараго солдата неопредѣленное чувство разочарованія.

„Конечно, — разсуждалъ Максимъ, — музыка тоже великая сила, дающая возможность владѣть сердцемъ толпы. Онъ, слѣпой, будетъ собирать сотни разряженныхъ франтовъ и барынь, будетъ имъ разыгрывать раз-

ные тамъ... вальсы и ноктюрны (правду сказать, дальше этихъ „вальсовъ“ и „ноктюрновъ“ не шли музыкальныя познанія Максима), а они будутъ утирать слезы платочками. Эхъ, чортъ возьми, не того бы мнѣ хотѣлось, да что же дѣлать! Малый слѣпъ, такъ пусть же станетъ въ жизни тѣмъ, чѣмъ можетъ. Только все же лучше бы ужъ пѣсня, что ли? Пѣсня говоритъ не одному неопредѣленно разнѣживающемуся слуху. Она даетъ образы, будитъ мысль въ головѣ и мужество въ сердцѣ“.

— Эй, Іохимъ, — сказалъ онъ однимъ вечеромъ, входя вслѣдъ за мальчикомъ къ Іохиму.—Брось ты хоть одинъ разъ свою свистѣлку! Это хорошо мальчишкамъ на улицѣ или подпаску въ полѣ, а ты все же таки взрослый мужикъ, хоть эта глупая Марья и сдѣлала изъ тебя настоящаго теленка. Тьфу, даже стыдно за тебя, право! Дѣвка отвернулась, а ты и раскисъ. Свистишь, точно перепелъ въ клѣткѣ!

Іохимъ, слушая эту длинную рацею раздосадованнаго пана, ухмылялся въ темнотѣ надъ его безпричиннымъ гнѣвомъ. Только упоминаніе о мальчишкахъ и подпаскѣ нѣсколько расшевелило въ немъ чувство легкой обиды.

— Не скажите, пане,—заговорилъ онъ.—Такую дуду не найти вамъ ни у одного пастуха въ Украйнѣ, не то что у подпаска... То все свистѣлки, а эта... вы вотъ послушайтѣ.

Онъ закрылъ пальцами всѣ отверстія и взялъ на дудкѣ два тона въ октаву, любуясь полнымъ звукомъ. Максимъ плюнулъ.

— Тьфу, прости Боже! совсѣмъ поглупѣлъ парубокъ! Что мнѣ твоя дуда? Всѣ онѣ одинаковы—и дудки, и бабы, съ твоей Марьей на придачу. Вотъ лучше спѣлъ бы ты намъ пѣсню, коли умѣешь,—хорошую старую пѣсню.

Максимъ Яценко, самъ малороссъ, былъ человѣкъ простой съ мужиками и дворней. Онъ часто кричалъ и ругался, но какъ-то необидно, и потому къ нему относились люди почтительно, но свободно.

— А что-жъ?—отвѣтилъ Іохимъ на предложеніе пана.—Пѣлъ когда-то и я не хуже людей. Только, можетъ, и наша мужицкая пѣсня тоже вамъ не по вкусу придется, пане?—уязвилъ онъ слегка собесѣдника.

— Ну, не бреши по пустому,—сказалъ Максимъ.—Пѣсня хорошая—не дудкѣ чета, если только человѣкъ умѣетъ пѣть какъ слѣдуетъ. Вотъ послушаемъ, Петрусю, Іохимову пѣсню. Поймешь-ли ты только, малый?

— А это будетъ „хлопская“ пѣсня?—спросилъ мальчикъ.—Я понимаю „по-хлопски“.

Максимъ вздохнулъ. Онъ былъ романтикъ и когда-то мечталъ о новой сѣчи.

— Эхъ, малый! Это не хлопскія пѣсни... Это пѣсни сильнаго, вольнаго народа. Твои дѣды по матери пѣли ихъ на степяхъ по Днѣпру, и по Дунаю, и на Черномъ морѣ... Ну, да ты поймешь это когда-нибудь, а теперь,—прибавилъ онъ задумчиво,—боюсь я другого...

Дѣйствительно, Максимъ боялся другого непониманія. Онъ думалъ, что яркіе образы пѣсеннаго эпоса требуютъ непремѣнно зрительныхъ представленій, чтобы говорить сердцу. Онъ боялся, что темная голова ребенка не въ

состоянiи будетъ усвоить картиннаго языка народной поэзiи. Онъ забылъ, что древнiе баяны, что украинскiе кобзари и бандуристы были, по большой части, слѣпые. Правда, тяжкая доля, увѣчье заставляли нерѣдко брать въ руки лиру или бандуру, чтобы просить съ нею подаянiя. Но не все же это были только нищiе и ремесленники съ гнусавыми голосами, и не всѣ они лишились зрѣнiя только подъ старость. Слѣпота застилаетъ видимый мiръ темною завѣсой, которая, конечно, ложится на мозгъ, затрудняя и угнетая его работу, но все же изъ наслѣдственныхъ представленiй и изъ впечатлѣнiй, получаемыхъ другими путями, мозгъ творитъ въ темнотѣ свой собственный мiръ, грустный, печальный и сумрачный, но не лишенный своеобразной, смутной поэзiи.

XII.

Максимъ съ мальчикомъ усѣлись на сѣнѣ, а Iохимъ прилегъ на свою лавку (эта поза наиболѣе соотвѣтствовала его артистическому настроенiю) и, подумавъ съ минуту, запѣлъ. Случайно или по чуткому инстинкту выборъ его оказался очень удачнымъ. Онъ остановился на исторической картинѣ:

Ой, тамъ на горi, тай женцi жнуть,

Всякому, кто слышалъ эту прекрасную народную пѣсню въ надлежащемъ исполненiи, навѣрное врѣзался въ памяти ея странный мотивъ, высокiй, протяжный,

будто подернутый грустью историческаго воспоминанія. Въ ней нѣтъ событій, кровавыхъ сѣчъ и подвиговъ. Это и не прощаніе казака съ милой, не удалой набѣгъ, не экспедиція въ чайкахъ по синему морю и Дунаю. Это только одна мимолетная картина, всплывшая мгновенно въ воспоминаніи малоросса, какъ смутная греза, какъ отрывокъ изъ сна объ историческомъ прошломъ. Среди будничнаго и сѣраго настоящаго дня въ его воображеніи встала вдругъ эта картина, смутная, туманная, подернутая тою особенною грустью, которая вѣетъ отъ исчезнувшей уже родной старины. Исчезнувшей, но еще не безслѣдно! О ней говорятъ еще высокіе могилы-курганы, гдѣ лежатъ казацкія кости, гдѣ въ полночь загораются огни, откуда слышатся по ночамъ тяжелые стоны. О ней говоритъ и народное преданіе, и смолкающая все болѣе и болѣе народная пѣсня:

Ой, тамъ на горі, тай женці жнуть,
А по-підъ горою, по-підъ зеленою
Козаки идутъ!..
Козаки идутъ!..

На зеленой горѣ жнецы жнутъ хлѣбъ. А подъ горой, внизу, идетъ казачье войско.

Максимъ Яценко заслушался грустнаго напѣва. Въ его воображеніи, вызванная чудеснымъ мотивомъ, удивительно сливающимся съ содержаніемъ пѣсни, всплыла эта картина, будто освѣщенная меланхолическимъ отблескомъ заката. Въ мирныхъ поляхъ, на горѣ, беззвучно наклоняясь надъ нивами, виднѣются фигуры жнецовъ.

А внизу безшумно проходятъ отряды, одинъ за другимъ, сливаясь съ вечерними тѣнями долины.

По переду Дорошенко
Веде свое вiйсько, вiйсько запорошське,
Хорошенько.

И протяжная нота пѣсни о прошломъ колышется, звенитъ и смолкаетъ въ воздухѣ, чтобы зазвенѣть опять и вызвать изъ сумрака все новыя и новыя фигуры.

XIII.

Мальчикъ слушалъ съ омраченнымъ и грустнымъ лицомъ. Когда пѣвецъ пѣлъ о горѣ, на которой жнутъ жнецы, воображенiе тотчасъ же переносило Петруся на высоту знакомаго ему утеса. Онъ узналъ его потому, что внизу плещется рѣчка чуть слышными ударами волны о камень. Онъ уже знаетъ также, что такое жнецы, онъ слышитъ позвякиванiе серповъ и шорохъ падающихъ колосьевъ.

Когда же пѣсня переходила къ тому, что дѣлается подъ горой, воображенiе слѣпого слушателя тотчасъ же удаляло его отъ вершинъ въ долину...

Звонъ серповъ смолкъ, но мальчикъ знаетъ, что жнецы тамъ, на горѣ, что они остались, но ихъ не слышно, потому что они высоко, такъ же высоко, какъ сосны, шумъ которыхъ онъ слышалъ, стоя подъ утесомъ. А внизу надъ рѣкой, раздается частый, ровный топотъ конскихъ

копытъ... Ихъ много, отъ нихъ стоитъ неясный гулъ тамъ, въ темнотѣ, подъ горой. Это „идутъ казаки“.

Онъ знаетъ также, что значитъ казакъ. Старика „Хведько“, который заходитъ по временамъ въ усадьбу, всѣ зовутъ „старымъ казакомъ“. Онъ не разъ бралъ Петруся къ себѣ на колѣни, гладилъ его волосы своею дрожащею рукой. Когда же мальчикъ, по своему обыкновенію, ощупывалъ его лицо, то осязалъ своими чуткими пальцами глубокія морщины, большіе обвисшіе внизъ усы, впалыя щеки и на щекахъ старческія слезы. Такихъ же казаковъ представлялъ себѣ мальчикъ подъ протяжные звуки пѣсни тамъ, внизу, подъ горой. Они сидятъ на лошадяхъ, такіе же, какъ „Хведько“, усатые, такіе же сгорбленные, такіе же старые. Они тихо подвигаются безформенными тѣнями въ темнотѣ и такъ же, какъ „Хведько“, о чемъ-то плачутъ, быть можетъ, оттого, что и надъ горой, и надъ долиной стоятъ эти печальные, протяжные стоны Іохимовой пѣсни,—пѣсни, о „необачномъ козачинѣ“, что промѣнялъ молодую жонку на походную трубку и на боевыя невзгоды.

Максиму достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что чуткая натура мальчика способна откликнуться, не смотря на слѣпоту, на поэтическіе образы пѣсни.

Глава III.

I.

Благодаря режиму, который былъ заведенъ по плану Максима, слѣпой во всемъ, гдѣ это было возможно, былъ предоставленъ собственнымъ усиліямъ, и это принесло самые лучшіе результаты. Въ домѣ онъ не казался вовсе безпомощнымъ, ходилъ всюду очень увѣренно, самъ убиралъ свою комнату, держалъ въ извѣстномъ порядкѣ свои игрушки и вещи. Кромѣ того, насколько это было ему доступно, Максимъ обращалъ вниманіе на физическія упражненія: у мальчика была своя гимнастика, а на шестомъ году Максимъ подарилъ племяннику небольшую и смирную лошадку. Мать сначала не могла себѣ представить, чтобъ ея слѣпой ребенокъ могъ ѣздить верхомъ, и она называла затѣю брата чистымъ безуміемъ. Но инвалидъ пустилъ въ дѣло все свое вліяніе, и черезъ два-три мѣсяца мальчикъ весело скакалъ въ сѣдлѣ рядомъ съ Іохимомъ, который командовалъ только на поворотахъ.

Такимъ образомъ, слѣпота не помѣшала правильному физическому развитію, и вліяніе ея на нравственный

складъ ребенка было по возможности ослаблено. Для своего возраста онъ былъ высокъ и строенъ; лицо его было нѣсколько блѣдно, черты тонки и выразительны. Черные волосы оттѣняли еще болѣе бѣлизну лица, а большіе, темные, мало подвижные глаза придавали ему своеобразное выраженіе, какъ-то сразу приковывавшее вниманіе. Легкая складка надъ бровями, привычка нѣсколько подаваться головой впередъ и выраженіе грусти, по временамъ пробѣгавшее какими-то облаками по красивому лицу,—это все, чѣмъ сказалась слѣпота въ его наружности. Его движенія въ знакомомъ мѣстѣ были увѣрены, но все же было замѣтно, что природная живость подавлена и проявляется лишь по временамъ довольно рѣзкими нервными порывами.

II.

Теперь впечатлѣнія слуха окончательно получили въ жизни слѣпого преобладающее значеніе, звуковыя формы стали главными формами его мысли, центромъ умственной работы. Онъ запомнилъ пѣсни, вслушиваясь въ ихъ чарующіе мотивы, знакомился съ ихъ содержаніемъ, окрашивая его грустью, весельемъ или раздумчивостью мелодіи. Онъ еще внимательнѣе ловилъ голоса окружающей природы и, сливая смутныя ощущенія съ привычными родными мотивами, по временамъ умѣлъ обобщить ихъ свободною импровизаціей, въ которой трудно было отличить, гдѣ кончается народный, привычный уху мо-

тивъ и гдѣ начинается личное творчество. Онъ и самъ не могъ отдѣлить въ своихъ пѣсняхъ этихъ двухъ элементовъ: такъ цѣльно слились въ немъ они оба. Онъ быстро заучивалъ все, что передавала ему мать, учившая его игрѣ на фортепіано, но любилъ также и Іохимову дудку. Фортепіано было богаче, звучнѣе и полнѣе, но оно стояло въ комнатѣ, тогда какъ дудку можно было брать съ собой въ поле, и ея переливы такъ нераздѣльно сливались съ тихими вздохами степи, что порой Петрусь самъ не могъ отдать себѣ отчета, вѣтеръ ли навѣваетъ издалека смутныя думы, или это онъ самъ извлекаетъ ихъ изъ своей свирѣли.

Это увлеченіе музыкой стало центромъ его умственнаго роста; оно заполняло и разнообразило его существованіе. Максимъ пользовался имъ, чтобы знакомить мальчика съ исторіей его страны, и вся она прошла передъ воображеніемъ слѣпого, сплетенная изъ звуковъ. Заинтересованный пѣсней, онъ знакомился съ ея героями, съ ихъ судьбой, съ судьбой своей родины. Отсюда начался интересъ къ литературѣ, и на девятомъ году Максимъ приступилъ къ первымъ урокамъ. Умѣлые уроки Максима (которому пришлось изучить для этого спеціальные пріемы обученія слѣпыхъ) очень нравились мальчику. Они вносили въ его настроеніе новый элементъ—опредѣленность и ясность, уравновѣшивавшія смутныя ощущенія музыки.

Такимъ образомъ, день мальчика былъ заполненъ нельзя было пожаловаться на скудость получаемыхъ имъ впечатлѣній. Казалось, онъ жилъ полною жизнью, на-

сколько это возможно для ребенка. Казалось также, что онъ не сознаетъ и своей слѣпоты.

А, между тѣмъ, какая-то странная, недѣтская грусть, всетаки, сквозила въ его характерѣ. Максимъ приписывалъ это недостатку дѣтскаго общества и старался пополнить этотъ недостатокъ.

Деревенскіе мальчики, которыхъ приглашали въ усадьбу, дичились и не могли свободно развернуться. Кромѣ непривычной обстановки, ихъ не мало смущала также и слѣпота „панича". Они пугливо посматривали на него и, сбившись въ кучу, молчали или робко перешептывались другъ съ другомъ. Когда же дѣтей оставляли однихъ въ саду или въ полѣ, они становились развязнѣе и затѣвали игры, но при этомъ оказывалось, что слѣпой какъ-то оставался въ сторонѣ и грустно прислушивался къ веселой вознѣ товарищей.

По временамъ Іохимъ собиралъ ребятъ вокругъ себя въ кучку и начиналъ разсказывать имъ веселыя присказки и сказки. Деревенскіе ребята, отлично знакомые и съ глуповатымъ хохлацкимъ чертомъ, и съ плутовками-вѣдьмами, пополняли эти разсказы изъ собственнаго запаса, и вообще эти бесѣды шли очень оживленно. Слѣпой слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, но самъ смѣялся рѣдко. Повидимому, юморъ живой рѣчи въ значительной степени оставался для него недоступнымъ и не мудрено: онъ не могъ видѣть ни лукавыхъ огоньковъ въ глазахъ разсказчика, ни смѣющихся морщинъ, ни подергиванія длинными усами.

III.

Незадолго до описываемаго времени въ небольшомъ сосѣднемъ имѣніи перемѣнился „поссесоръ“ *). На мѣсто прежняго, безпокойнаго сосѣда, у котораго даже съ молчаливымъ паномъ Попельскимъ вышла тяжба изъ-за какой-то потравы, теперь въ ближней усадьбѣ поселился старикъ Яскульскій съ женою. Не смотря на то, что обоимъ супругамъ въ общей сложности было не менѣе ста лѣтъ, они поженились сравнительно недавно, такъ какъ панъ Якубъ долго не могъ сколотить нужной для аренды суммы и потому мыкался, въ качествѣ „эконома“, по чужимъ людямъ, а пани Агнешка, въ ожиданіи счастливой минуты, жила въ качествѣ почетной „покоювки“ у графини Потоцкой. Когда, наконецъ, счастливая минута настала, и женихъ съ невѣстой стали рука объ руку въ костелѣ, то въ усахъ и въ чубѣ молодцоватаго жениха половина волосъ были совершенно сѣдые, а покрытое стыдливымъ румянцемъ лицо невѣсты было также обрамлено серебристыми локонами.

Это обстоятельство не помѣшало, однако, супружескому счастью, и плодомъ этой поздней любви явилась единственная дочь, которая была почти ровесницей слѣпому мальчику. Устроивъ подъ старость свой уголъ, въ кото-

*) Въ юго-западномъ краѣ довольно развита система арендованій имѣній: арендаторъ (по мѣстному „поссесоръ“) является какъ бы управителемъ имѣнія. Онъ выплачиваетъ владѣльцу извѣстную сумму, а затѣмъ отъ его предпріимчивости зависитъ извлеченіе большаго или меньшаго дохода.

ромъ они, хотя и условно, могли считать себя полными хозяевами, старики зажили въ немъ тихо и скромно, какъ бы вознаграждая себя этою тишиной и уединеніемъ за суетливые годы тяжелой жизни „въ чужихъ людяхъ“. Первая ихъ аренда оказалась не совсѣмъ удачной, и теперь они нѣсколько сузили дѣло. Но и на новомъ мѣстѣ они тотчасъ же устроились по своему. Въ углу, занятомъ иконами, перевитыми плющомъ, у старухи, вмѣстѣ съ вербой и „громницей“ *), хранились какіе-то мѣшочки съ травами и корнями, которыми она лѣчила мужа и приходившихъ къ ней деревенскихъ бабъ и мужиковъ. Эти травы наполняли всю избу особеннымъ специфическимъ благоуханіемъ, которое неразрывно связывалось въ памяти всякаго посѣтителя съ воспоминаніемъ объ этомъ чистомъ маленькомъ домикѣ, объ его тишинѣ и порядкѣ и о двухъ старикахъ, жившихъ въ немъ какою-то необычною въ наши дни тихою жизнью.

Въ обществѣ этихъ стариковъ росла ихъ единственная дочь, небольшая дѣвочка, съ длинною русою косой и голубыми глазами, поражавшая всѣхъ при первомъ же знакомствѣ какою-то странною солидностью, разлитою во всей ея фигурѣ. Казалось, спокойствіе поздней любви родителей отразилось въ характерѣ дочери этою недѣтскою разсудительностью, плавнымъ спокойствіемъ движеній, задумчивостью и глубиной голубыхъ глазъ. Она

*) „Громницей“ называется восковая свѣча, которую зажигаютъ въ сильныя бури, а также даютъ въ руки умирающимъ.

никогда не дичилась посторонних, не уклонялась отъ знакомства съ дѣтьми и принимала участіе въ ихъ играхъ. Но все это дѣлалось съ такою искреннею снисходительностью, какъ будто для нея лично это было вовсе не нужно. Дѣйствительно, она отлично довольствовалась своимъ собственнымъ обществомъ, гуляя, собирая цвѣты, бесѣдуя со своею куклой, и все это съ видомъ такой солидности, что по временамъ казалось, будто передъ вами не ребенокъ, а крохотная взрослая женщина.

IV.

Однажды Петрикъ былъ одинъ на холмикѣ надъ рѣкой. Солнце садилось, въ воздухѣ стояла тишина, только мычаніе возвращавшагося изъ деревни стада долетало сюда, смягченное разстояніемъ. Мальчикъ только-что пересталъ играть и откинулся на траву, отдаваясь полудремотной истомѣ лѣтняго вечера. Онъ забылся на минуту, какъ вдругъ чьи-то легкіе шаги вывели его изъ дремоты. Онъ съ неудовольствіемъ приподнялся на локоть и прислушался. Шаги остановились у подножія холмика. Походка была ему незнакома.

— Мальчикъ! — услышалъ онъ вдругъ возгласъ дѣтскаго голоса. — Не знаешь-ли, кто это тутъ сейчасъ игралъ?

Слѣпой не любилъ, когда нарушали его одиночество. Поэтому онъ отвѣтилъ на вопросъ не особенно любезнымъ тономъ;

— Это я...

Легкій удивленный возгласъ былъ отвѣтомъ на это заявленіе, и тотчасъ же голосъ дѣвочки прибавилъ тономъ простодушнаго одобренія:

— Какъ хорошо!

Слѣпой промолчалъ.

— Что же вы не уходите?—спросилъ онъ затѣмъ, слыша, что непрошенная собесѣдница продолжаетъ стоять на мѣстѣ.

— Зачѣмъ же ты меня гонишь?—спросила дѣвочка своимъ чистымъ и простодушно-удивленнымъ голосомъ.

Звуки этого спокойнаго дѣтскаго голоса пріятно дѣйствовали на слухъ слѣпого; тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ въ прежнемъ тонѣ:

— Я не люблю, когда ко мнѣ приходятъ...

Дѣвочка засмѣялась.

— Вотъ еще!.. Смотрите-ка! Развѣ вся земля твоя и ты можешь кому-нибудь запретить ходить по землѣ?

— Мама приказала всѣмъ, чтобы сюда ко мнѣ не ходили.

— Мама?—переспросила задумчиво дѣвочка.—А моя мама позволила мнѣ ходить надъ рѣкой...

Мальчикъ, нѣсколько избалованный всеобщею уступчивостью, не привыкъ къ такимъ настойчивымъ возраженіямъ. Вспышка гнѣва прошла по его лицу нервною волной; онъ приподнялся и заговорилъ быстро и возбужденно:

— Уйдите, уйдите, уйдите!..

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, но въ это

время отъ усадьбы послышался голосъ Іохима, звавшаго мальчика къ чаю. Онъ быстро сбѣжалъ съ холмика.

— Ахъ, какой гадкій мальчикъ!—услышалъ онъ за собою искренно негодующее замѣчаніе.

V.

На слѣдующій день, сидя на томъ же мѣстѣ, мальчикъ вспомнилъ о вчерашнемъ столкновеніи. Въ этомъ воспоминаніи теперь не было досады. Напротивъ, ему даже захотѣлось, чтобъ опять пришла эта дѣвочка съ такимъ пріятнымъ, спокойнымъ голосомъ, какого онъ никогда еще не слыхалъ. Знакомые ему дѣти такъ громко кричали, смѣялись, дрались и плакали, но ни одинъ изъ нихъ не говорилъ такъ пріятно. Ему стало жаль, что онъ обидѣлъ незнакомку, которая, вѣроятно, никогда болѣе не вернется.

Дѣйствительно, дня три дѣвочка совсѣмъ не приходила. Но на четвертый Петрусь услышалъ ея шаги внизу, на берегу рѣки. Она шла тихо; береговая галька легко шуршала подъ ея ногами; и она напѣвала въ полголоса польскую пѣсенку.

— Послушайте!—окликнулъ онъ, когда она съ нимъ поровнялась.—Это опять вы?

Дѣвочка не отвѣтила. Камешки по прежнему шуршали подъ ея ногами. Въ дѣланной беззаботности ея голоса, напѣвавшаго пѣсню, мальчику слышалась еще не забытая обида.

Однако, пройдя нѣсколько шаговъ, незнакомка остановилась. Двѣ-три секунды прошло въ молчаніи. Она перебирала въ это время букетъ полевыхъ цвѣтовъ, который держала въ рукахъ, а онъ ждалъ отвѣта. Въ этой остановкѣ и послѣдовавшемъ за нею молчаніи онъ уловилъ оттѣнокъ умышленнаго пренебреженія.

— Развѣ вы не видите, что это я?—спросила она, наконецъ, съ большимъ достоинствомъ, покончивъ съ цвѣтами.

Этотъ простой вопросъ больно отозвался въ сердцѣ слѣпого. Онъ ничего не отвѣтилъ, и только его руки, которыми онъ упирался въ землю, какъ-то судорожно схватились за траву. Но разговоръ уже начался, и дѣвочка, все стоя на томъ же мѣстѣ и занимаясь своимъ букетомъ, опять спросила:

— Кто тебя выучилъ такъ хорошо играть на дудкѣ?

— Іохимъ выучилъ,—отвѣтилъ Петрусь.

— Очень хорошо! А отчего ты такой сердитый?

— Я... не сержусь на васъ,—сказалъ мальчикъ тихо.

— Ну, такъ и я не сержусь... Давай играть вмѣстѣ.

— Я не умѣю играть съ вами,—отвѣтилъ онъ, потупившись.

— Не умѣешь играть?... Почему?

— Такъ.

— Нѣтъ, почему же?

— Такъ,—отвѣтилъ онъ чуть слышно и еще болѣе потупился.

Ему не приходилось еще никогда говорить съ кѣмъ-нибудь о своей слѣпотѣ, и простодушный тонъ дѣвоч-

ки, предлагавшей съ наивною настойчивостью этотъ вопросъ, отозвался въ немъ опять тупою болью.

Незнакомка поднялась на холмикъ.

— Какой ты смѣшной,—заговорила она съ снисходительнымъ сожалѣніемъ, усаживаясь рядомъ съ нимъ на травѣ.—Это ты, вѣрно, оттого, что еще со мной незнакомъ. Вотъ узнаешь меня, тогда перестанешь бояться. А я не боюсь никого.

Она говорила это съ безпечной ясностью, и мальчикъ услышалъ, какъ она бросила къ себѣ въ передникъ груду цвѣтовъ.

— Гдѣ вы взяли цвѣты?—спросилъ онъ.

— Тамъ,—мотнула она головой, указывая назадъ.

— На лугу?

— Нѣтъ, тамъ.

— Значитъ въ рощѣ. А какіе это цвѣты?

— Развѣ ты не знаешь цвѣтовъ?.. Ахъ, какой ты странный... право, ты очень странный...

Мальчикъ взялъ въ руку цвѣтокъ. Его пальцы быстро и легко тронули листья и вѣнчикъ.

— Это лютикъ,—сказалъ онъ,—а вотъ это фіалка.

Потомъ онъ захотѣлъ тѣмъ же способомъ ознакомиться и со своею собесѣдницею: взявъ лѣвою рукой дѣвочку за плечо, онъ правой сталъ ощупывать ея волосы, потомъ вѣки, и быстро пробѣжалъ пальцами по лицу, кое-гдѣ останавливаясь и внимательно изучая незнакомыя черты.

Все это было сдѣлано такъ неожиданно и быстро, что дѣвочка, пораженная удивленіемъ, не могла сказать ни

слова; она только глядѣла на него широко открытыми глазами, въ которыхъ отражалось чувство, близкое къ ужасу. Только теперь она замѣтила, что въ лицѣ ея новаго знакомаго есть что-то необычайное. Блѣдныя и тонкія черты застыли на выраженіи напряженнаго вниманія, какъ-то не гармонировавшаго съ его неподвижнымъ взглядомъ. Глаза мальчика глядѣли куда-то, безъ всякаго отношенія къ тому, что онъ дѣлалъ, и въ нихъ странно переливался отблескъ закатывавшагося солнца. Все это показалось дѣвочкѣ на одну минуту просто тяжелымъ кошмаромъ.

Высвободивъ свое плечо изъ руки мальчика, она вдругъ вскочила на ноги и заплакала.

— Зачѣмъ ты пугаешь меня, гадкій мальчишка?— заговорила она гнѣвно, сквозь слезы.—Что я тебѣ сдѣлала?.. Зачѣмъ?...

Онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, озадаченный, съ низко опущенною головой, и странное чувство, смѣсь досады и униженія наполнило жгучею болью его сердце. Въ первый разъ еще пришлось ему испытать униженіе калѣки; въ первый разъ узналъ онъ, что его физическій недостатокъ можетъ внушать не одно сожалѣніе, но и испугъ. Конечно, онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ угнетавшемъ его тяжеломъ чувствѣ, но оттого, что сознаніе это было неясно и смутно, оно доставляло не меньше страданія.

Чувство жгучей боли и обиды подступило къ его горлу; онъ упалъ на траву и заплакалъ. Плачъ этотъ становился все сильнѣе, судорожныя рыданія потрясали

все его маленькое тѣло, тѣмъ болѣе, что какая-то врожденная гордость заставляла его подавлять эту вспышку.

Дѣвочка, которая сбѣжала уже съ холмика, услышала эти глухія рыданія и съ удивленіемъ повернулась. Видя, что ея новый знакомый лежитъ лицомъ къ землѣ и горько плачетъ, она почувствовала участіе, тихо взошла на холмикъ и остановилась надъ плачущимъ.

— Послушай,—заговорила она тихо,—о чемъ ты плачешь? Ты, вѣрно, думаешь, что я нажалуюсь? Ну, не плачь; я никому не скажу.

Слово участія и ласковый тонъ вызвали въ мальчикѣ еще большую нервную вспышку плача. Тогда дѣвочка присѣла около него на корточки; просидѣвъ такъ съ полминуты, она тихо тронула его волосы, погладила его голову и затѣмъ, съ мягкою настойчивостью матери, которая успокаиваетъ наказаннаго ребенка, приподняла его голову и стала вытирать платкомъ заплаканные глаза.

— Ну, ну, перестань же! — заговорила она тономъ взрослой женщины.—Я давно не сержусь. Я вижу, ты жалѣешь, что напугалъ меня...

— Я не хотѣлъ напугать тебя,—отвѣтилъ онъ глубоко вздыхая, чтобы подавить нервные приступы.

— Хорошо, хорошо! Я не сержусь!.. Ты вѣдь больше не будешь.—Она приподняла его съ земли и старалась усадить рядомъ съ собою.

Онъ повиновался. Теперь онъ сидѣлъ, какъ прежде, лицомъ къ сторонѣ заката, и когда дѣвочка опять взглянула на это лицо, освѣщенное красноватыми лучами, оно опять показалось ей страннымъ. Въ глазахъ маль-

чика еще стояли слезы, но глаза эти были по прежнему неподвижны; черты лица то и дѣло передергивались отъ нервныхъ спазмовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ виднѣлось недѣтское, глубокое и тяжелое горе.

— А, всетаки, ты очень странный,—сказала она съ задумчивымъ участіемъ.

— Я не странный,—отвѣтилъ мальчикъ съ жалобною гримасой.—Нѣтъ, я не странный... Я... я—слѣпой!

— Слѣпо-ой?—протянула она нараспѣвъ, и голосъ ея дрогнулъ, какъ будто это грустное слово, тихо произнесенное мальчикомъ, нанесло неизгладимый ударъ въ ея маленькое женственное сердце.—Слѣпо-ой?—повторила она еще болѣе дрогнувшимъ голосомъ и, какъ будто ища защиты отъ охватившаго всю ее неодолимаго чувства жалости, она вдругъ обвила шею мальчика руками и прислонилась къ нему лицомъ.

Пораженная внезапностью печальнаго открытія, маленькая женщина не удержалась на высотѣ своей солидности и, превратившись вдругъ въ огорченнаго и безпомощнаго въ своемъ огорченіи ребенка, она, въ свою очередь, горько и неутѣшно заплакала.

VI.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

Дѣвочка перестала плакать и только по временамъ еще всхлипывала, перемогаясь. Полными слезъ глазами она смотрѣла, какъ солнце, будто вращаясь въ раска

ленной атмосферѣ заката, погружалось за темную черту горизонта. Мелькнулъ еще разъ золотой обрѣзъ огненнаго шара, потомъ брызнули двѣ-три горячія искры, и темныя очертанія дальняго лѣса всплыли вдругъ непрерывной синеватою чертой.

Съ рѣки потянуло прохладой, и тихій миръ наступающаго вечера отразился на лицѣ слѣпого; онъ сидѣлъ съ опущенною головой, видимо, удивленный этимъ выраженіемъ горячаго сочувствія.

— Мнѣ жалко...—все еще всхлипывая, вымолвила, наконецъ, дѣвочка въ объясненіе своей слабости.

Потомъ, нѣсколько овладѣвъ собой, она сдѣлала попытку перевести разговоръ на посторонній предметъ, къ которому они оба могли отнестись равнодушно.

— Солнышко сѣло,—произнесла она задумчиво.

— Я не знаю, какое оно,—былъ печальный отвѣтъ.— Я его только... чувствую...

— Не знаешь солнышка?

— Да.

— А... а свою маму... тоже не знаешь?

— Мать знаю. Я всегда издалека узнаю ея походку.

— Да, да, это правда. И я съ закрытыми глазами узнаю свою мать.

Разговоръ принялъ болѣе спокойный характеръ.

— Знаете,—заговорилъ слѣпой съ нѣкоторымъ оживленіемъ,—я вѣдь чувствую солнце и знаю, когда оно закатилось.

— Почему ты знаешь?

— Потому что... видишь ли... Я самъ не знаю почему...

— А-а!—протянула дѣвочка, повидимому совершенно удовлетворенная этимъ отвѣтомъ, и они оба помолчали.

— Я могу читать,—первый заговорилъ опять Петрусь,—и скоро выучусь писать перомъ.

— А какъ же ты?...—начала было она и вдругъ застѣнчиво смолкла, не желая продолжать щекотливаго допроса. Но онъ ее понялъ.

— Я читаю въ своей книжкѣ,—пояснилъ онъ,—пальцами.

— Пальцами? Я бы никогда не выучилась читать пальцами... Я и глазами плохо читаю. Отецъ говоритъ, что женщины плохо понимаютъ науку.

— А я могу читать даже по-французски.

— По-французски!.. И пальцами... какой ты умный!—искренне восхитилась она.—Однако, я боюсь, какъ бы ты не простудился. Вонъ надъ рѣкой какой туманъ.

— А ты сама?

— Я не боюсь; что мнѣ сдѣлается.

— Ну, и я не боюсь. Развѣ можетъ быть, чтобы мужчина простудился скорѣе женщины? Дядя Максимъ говоритъ, что мужчина не долженъ ничего бояться: ни холода, ни голода, ни грома, ни тучи.

— Максимъ?.. Это который на костыляхъ?.. Я его видѣла. Онъ страшный!

— Нѣтъ, онъ нисколько не страшный. Онъ—добрый.

— Нѣтъ, страшный!—убѣжденно повторила она.—Ты не знаешь, потому что не видалъ его.

— Какъ же я его не знаю, когда онъ меня всему учитъ.

— Бьетъ?

— Никогда не бьетъ и не кричитъ на меня... Никогда...

— Это хорошо. Развѣ можно бить слѣпого мальчика? Это было бы грѣшно.

— Да вѣдь онъ и никого не бьетъ,—сказалъ Петрусь нѣсколько разсѣянно, такъ какъ его чуткое ухо заслышало шаги Іохима.

Дѣйствительно, рослая фигура хохла зарисовалась черезъ минуту на холмистомъ гребнѣ, отдѣлявшемъ усадьбу отъ берега, и его голосъ далеко раскатился въ тишинѣ вечера:

— Па-ны-чу-у-у!

— Тебя зовутъ,—сказала дѣвочка, поднимаясь.

— Да. Но мнѣ не хотѣлось бы идти.

— Иди, иди! Я къ тебѣ завтра приду. Теперь тебя ждутъ и меня тоже.

VII.

Дѣвочка точно исполнила свое обѣщаніе и даже раньше, чѣмъ Петрусь могъ на это разсчитывать. На слѣдующій же день, сидя въ своей комнатѣ за обычнымъ урокомъ съ Максимомъ, онъ вдругъ поднялъ голову, прислушался и сказалъ съ оживленіемъ:

— Отпусти меня на минуту. Тамъ пришла дѣвочка.

— Какая еще дѣвочка?—удивился Максимъ и пошелъ вслѣдъ за мальчикомъ къ выходной двери.

Дѣйствительно, вчерашняя знакомка Петруся въ эту самую минуту вошла въ ворота усадьбы и, увидя прохо-

дившую по двору Анну Михайловну, свободно направилась прямо къ ней.

— Что тебѣ, милая дѣвочка, нужно?—спросила та, думая, что ее прислали по дѣлу.

Маленькая женщина солидно протянула ей руку и спросила:

— Это у васъ есть слѣпой мальчикъ?.. Да?

— У меня, милая, да, у меня,—отвѣтила пани Попельская, любуясь ея ясными глазами и свободой ея обращенія.

— Вотъ, видите ли... Моя мама отпустила меня къ нему. Могу я его видѣть?

Но въ эту минуту Петрусь самъ подбѣжалъ къ ней, а на крыльцѣ показалась фигура Максима.

— Эго вчерашняя дѣвочка, мама! Я тебѣ говорилъ,—сказалъ мальчикъ, здороваясь.—Только у меня теперь урокъ.

— Ну, на этотъ разъ дядя Максимъ отпуститъ тебя,—сказала Анна Михайловна,—я у него попрошу.

Между тѣмъ, крохотная женщина, чувствовавшая себя, повидимому, совсѣмъ какъ дома, отправилась навстрѣчу подходившему къ нимъ на своихъ костыляхъ Максиму и, протянувъ ему руку, сказала тономъ снисходительнаго одобренія:

— Это хорошо, что вы не бьете слѣпого мальчика. Онъ мнѣ говорилъ.

— Неужели, сударыня?—спросилъ Максимъ съ комической важностью, принимая въ свою широкую руку маленькую ручку дѣвочки.—Какъ я благодаренъ моему

питомцу, что онъ сумѣлъ расположить въ мою пользу такую прелестную особу.

И Максимъ разсмѣялся, поглаживая ея руку, которую держалъ въ своей. Между тѣмъ, дѣвочка продолжала смотрѣть на него своимъ открытымъ взглядомъ, сразу завоевавшимъ его жено-ненавистническое сердце.

— Смотри-ка, Ануся,—обратился онъ къ сестрѣ съ странною улыбкой,—нашъ Петръ начинаетъ заводить самостоятельныя знакомства. И вѣдь согласись, Аня... не смотря на то, что онъ слѣпъ, онъ все же сумѣлъ сдѣлать недурной выборъ, неправда ли?

— Что ты хочешь этимъ сказать, Максъ?—спросила молодая женщина строго, и горячая краска залила все ея лицо.

— Шучу!—отвѣтилъ братъ лаконически, видя, что своей шуткой онъ тронулъ больную струну, вскрылъ тайную мысль, зашевелившуюся въ предусмотрительномъ материнскомъ сердцѣ.

Анна Михайловна еще болѣе покраснѣла и, быстро наклонившись, съ порывомъ страстной нѣжности обняла дѣвочку; послѣдняя приняла неожиданно-бурную ласку все съ тѣмъ же яснымъ, хотя и нѣсколько удивленнымъ взглядомъ.

VIII.

Съ этого дня между поссесорскимъ домикомъ и усадьбой Попельскихъ завязались ближайшія отношенія. Дѣвочка, которую звали Эвелиной, приходила ежедневно

въ усадьбу, а черезъ нѣкоторое время она тоже поступила ученицей къ Максиму. Сначала этотъ планъ совмѣстнаго обученія не очень понравился Пану Яскульскому. Во-первыхъ, онъ полагалъ, что, если женщина умѣетъ записать бѣлье и вести домашнюю расходную книгу, то этого совершенно достаточно; во-вторыхъ, онъ былъ добрый католикъ и считалъ, что Максиму не слѣдовало воевать съ австрійцами, вопреки ясно выраженной волѣ „отца-папежа“. Наконецъ, его твердое убѣжденіе состояло въ томъ, что на небѣ есть Богъ, а Вольтеръ и вольтеріанцы кипятъ въ адской смолѣ, каковая судьба, по мнѣнію многихъ, была уготована и пану Максиму. Однако, при ближайшемъ знакомствѣ, онъ долженъ былъ сознаться, что этотъ еретикъ и забіяка—человѣкъ очень пріятнаго нрава и большого ума, и вслѣдствіе этого поссесоръ пошелъ на компромиссъ.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторое безпокойство шевелилось въ глубинѣ души стараго шляхтича, и потому, приведя дѣвочку для перваго урока, онъ счелъ умѣстнымъ обратиться къ ней съ торжественною и напыщенною рѣчью, которая, впрочемъ, больше назначалась для слуха Максима.

— Вотъ, что, Веля...—сказалъ онъ, взявъ дочь за плечо и посматривая на ея будущаго учителя.—Помни всегда что на небѣ есть Богъ, а въ Римѣ святой его „папежъ“. Это тебѣ говорю я, Валентинъ Яскульскій, и ты должна мнѣ вѣрить, потому, что я твой отецъ,—это *primo*.

При этомъ послѣдовалъ новый внушительный взглядъ въ сторону Максима; панъ Яскульскій подчеркивалъ свою

латынь, давая понять, что и онъ не чуждъ наукѣ и, въ случаѣ чего, его провести трудно.

— *Secundo,* я — шляхтичъ славнаго герба, въ которомъ вмѣстѣ съ „копной и вороной“ не даромъ обозначается крестъ въ синемъ полѣ. Яскульскіе, будучи хорошими рыцарями, не разъ мѣняли мечи на требники и всегда смыслили кое-что въ дѣлахъ неба, поэтому ты должна мнѣ вѣрить. Ну, а въ остальномъ, что касается *orbis terrarum,* т. е. всего земного, слушай, что тебѣ скажетъ панъ Максимъ Яценко, и учись хорошо.

— Не бойтесь, панъ Валентинъ,—улыбаясь, отвѣтилъ на эту рѣчь Максимъ,—мы не вербуемъ паненокъ для отряда Гарибальди.

IX.

Совмѣстное обученіе оказалось очень полезнымъ для обоихъ. Петрусь шелъ, конечно, впереди, но это не исключало нѣкотораго соревнованія. Кромѣ того, онъ помогалъ ей часто выучивать уроки, а она находила иногда очень удачные пріемы, чтобы объяснить мальчику что-либо трудно понятное для него, слѣпого. Кромѣ того, ея общество вносило въ его занятія нѣчто своеобразное, придавало его умственной работѣ особый тонъ пріятнаго возбужденія.

Вообще, эта дружба была настоящимъ даромъ благосклонной судьбы. Теперь мальчикъ не искалъ уже полнаго уединенія; онъ нашелъ то общеніе, котораго не

могла ему дать любовь взрослыхъ, и въ минуту чуткаго душевнаго затишья ему пріятна была ея близость. На утесъ или на рѣку они всегда отправлялись вдвоемъ. Когда онъ игралъ, она слушала его съ наивнымъ восхищеніемъ. Когда же онъ откладывалъ дудку, она начинала передавать ему свои дѣтски-живыя впечатлѣнія отъ окружающей природы; конечно, она не умѣла выражать ихъ съ достаточной полнотой подходящими словами, но за то въ ея несложныхъ разсказахъ, въ ихъ тонѣ онъ улавливалъ характерный колоритъ каждаго описываемаго явленія. Такъ, когда она говорила, напримѣръ, о темнотѣ раскинувшейся надъ землею сырой и черной ночи, онъ будто слышалъ эту темноту въ сдержанно звучащихъ тонахъ ея робѣющаго голоса. Когда же, поднявъ кверху задумчивое лицо, она сообщала ему: „Ахъ, какая туча идетъ, какая туча темная, претемная!“—онъ ощущалъ сразу будто холодное дуновеніе и слышалъ въ ея голосѣ пугающій шорохъ ползущаго по небу, гдѣ-то въ далекой высотѣ, чудовища.

Глава IV.

I.

Есть натуры, будто заранѣе предназначенныя для тихаго подвига любви, соединенной съ печалью и заботой, — натуры, для которыхъ эти заботы о чужомъ горѣ составляютъ какъ бы атмосферу, органическую потребность. Природа заранѣе надѣлила ихъ спокойствіемъ, безъ котораго немыслимъ будничный подвигъ жизни, она предусмотрительно смягчила въ нихъ личные порывы, запросы личной жизни, подчинивъ эти порывы и эти запросы господствующей чертѣ характера. Такія натуры кажутся нерѣдко слишкомъ холодными, слишкомъ разсудительными, лишенными чувства. Онѣ глухи на страстные призывы грѣшной жизни и идутъ по грустному пути долга такъ же спокойно, какъ и по пути самаго яркаго личнаго счастія. Онѣ кажутся холодными, какъ снѣжныя вершины, и такъ же, какъ онѣ, величавы. Житейская пошлость стелется у ихъ ногъ; даже клевета и сплетни скатываются по ихъ бѣлоснѣжной одеждѣ, точно грязныя брызги съ крыльевъ лебедя...

Маленькая знакомка Петра представляла въ себѣ всѣ черты этого типа, который рѣдко вырабатывается жизнью и воспитаніемъ; онъ какъ талантъ, какъ геній, дается въ удѣлъ избраннымъ натурамъ и проявляется рано. Мать слѣпого мальчика понимала, какое счастье случай послалъ ея сыну въ этой дѣтской дружбѣ. Понималъ это и старый Максимъ, которому казалось, что теперь у его питомца есть все, чего ему еще не доставало, что теперь душевное развитіе слѣпого пойдетъ тихимъ и ровнымъ, ничѣмъ не смущаемымъ ходомъ...

Но это была горькая ошибка.

II.

Въ первые годы жизни ребенка Максимъ думалъ, что онъ совершенно овладѣлъ душевнымъ ростомъ мальчика, что этотъ ростъ совершается если не подъ прямымъ его вліяніемъ, то, во всякомъ случаѣ, ни одна новая сторона его, ни одно новое пріобрѣтеніе въ этой области не избѣгнетъ его наблюденія и контроля. Но когда насталъ въ жизни ребенка періодъ, который является переходною гранью между дѣтствомъ и отрочествомъ, Максимъ увидѣлъ, какъ неосновательны эти гордыя педагогическія мечтанія. Чуть не каждая недѣля приносила съ собой что-нибудь новое, по временамъ совершенно неожиданное по отношенію къ слѣпому, и когда Максимъ старался найти источники иной новой идеи или новаго представленія, появлявшихся у ребенка, то ему приходилось

теряться. Какая-то невѣдомая сила работала въ глубинѣ дѣтской души, выдвигая изъ этой глубины неожиданныя проявленія самостоятельнаго душевнаго роста, и Максиму приходилось останавливаться съ чувствомъ благоговѣнія передъ таинственными процессами жизни, которые вмѣшивались такимъ образомъ въ его педагогическую работу. Эти толчки природы, ея даровыя откровенія, казалось, доставляли ребенку такія представленія, которыя не могли быть пріобрѣтены личнымъ опытомъ слѣпого, и Максимъ угадывалъ здѣсь неразрывную связь жизненныхъ явленій, которая проходитъ, дробясь въ тысячѣ процессовъ, черезъ послѣдовательный рядъ отдѣльныхъ жизней.

Сначало это наблюденіе испугало Максима. Видя, что не онъ одинъ владѣетъ умственнымъ строемъ ребенка, что въ этомъ строѣ сказывается что-то отъ него не зависящее и выходящее изъ-подъ его вліянія, онъ испугался за участь своего питомца, испугался возможности такихъ запросовъ, которые могли бы послужить для слѣпого только причиной неутолимыхъ страданій. И онъ пытался разыскать источники этихъ, откуда-то пробивающихся, родниковъ, чтобъ... навсегда закрыть ихъ для блага слѣпого ребенка.

Не ускользнули эти неожиданные проблески и отъ вниманія матери. Однажды утромъ Петрикъ прибѣжалъ къ ней въ необыкновенномъ волненіи.

— Мама, мама!—закричалъ онъ.—Я *видѣлъ* сонъ.

— Что же ты *видѣлъ*, мой мальчикъ?—спросила она съ печальнымъ сомнѣніемъ въ голосѣ.

— Я видѣлъ во снѣ, что... я вижу тебя и Максима, и еще... что я все вижу... Такъ хорошо, такъ хорошо, мамочка!

— Что же еще ты видѣлъ, мой мальчикъ?

— Я не помню.

— А меня помнишь?

— Нѣтъ,—сказалъ мальчикъ въ раздумьи.—Я забылъ все... А все-таки я видѣлъ, право же, видѣлъ...—добавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, и его лицо сразу омрачилось. На незрячихъ глазахъ блеснула слеза...

Это повторялось еще нѣсколько разъ, и всякій разъ мальчикъ становился грустнѣе и тревожнѣе.

III.

Однажды, проходя по двору, Максимъ услышалъ въ гостиной, гдѣ обыкновенно происходили уроки музыки, какія-то странныя музыкальныя упражненія. Они состояли изъ двухъ нотъ. Сначала отъ быстрыхъ, послѣдовательныхъ, почти слившихся ударовъ по клавишѣ дрожала самая высокая яркая нота верхняго регистра, затѣмъ она рѣзко смѣнялась низкимъ раскатомъ баса. Полюбопытствовавъ узнать, что могли означать эти странныя экзерциціи, Максимъ заковылялъ по двору и черезъ минуту вошелъ въ гостиную. Въ дверяхъ онъ остановился, какъ вкопанный, передъ неожиданною картиной.

Мальчикъ, которому шелъ уже десятый годъ, сидѣлъ у ногъ матери на низенькомъ стулѣ. Рядомъ съ нимъ, вытянувъ шею и поводя по сторонамъ длиннымъ клю-

вомъ, стоялъ молодой прирученный аистъ, котораго Іохимъ подарилъ паничу. Мальчикъ каждое утро кормилъ его изъ своихъ рукъ, и птица всюду сопровождала своего новаго друга-хозяина. Теперь Петрусь придерживалъ аиста одною рукой, а другою тихо проводилъ вдоль его шеи и затѣмъ по туловищу съ выраженіемъ усиленнаго вниманія на лицѣ. Въ это самое время мать, съ пылающимъ, возбужденнымъ лицомъ и печальными глазами, быстро ударяла пальцемъ по клавишѣ, вызывая изъ инструмента непрерывно звенѣвшую высокую ноту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слегка перегнувшись на своемъ стулѣ, она съ болѣзненной внимательностью вглядывалась въ лицо ребенка. Когда же рука мальчика, скользя по ярко-бѣлымъ перьямъ, доходила до того мѣста, гдѣ эти перья рѣзко смѣняются черными на концахъ крыльевъ, Анна Михайловна сразу переносила руку на другую клавишу, и низкая басовая нота глухо раскатывалась по комнатѣ.

Оба, и мать и сынъ, такъ были поглощены своимъ занятіемъ, что не замѣтили прихода Максима, пока онъ, въ свою очередь, очнувшись отъ удивленія, не прервалъ сеансъ вопросомъ:

— Аннуся! что это значитъ?

Молодая женщина, встрѣтивъ испытующій взглядъ брата, застыдилась, точно застигнутая строгимъ учителемъ на мѣстѣ преступленія.

— Вотъ видишь-ли,—заговорила она смущенно,—онъ говоритъ, что различаетъ нѣкоторую разницу въ окраскѣ аиста, только не можетъ ясно понять, въ чемъ эта раз

ница... Право, онъ самъ первый заговорилъ объ этомъ и мнѣ кажется, что это правда...

— Ну, такъ что же?

— Ничего, я только хотѣла ему... немножко... объяснить эту разницу различіемъ звуковъ... Не сердись Максъ, но, право, я думаю, что это очень похоже...

Эта неожиданная идея поразила Максима такимъ удивленіемъ, что онъ въ первую минуту не зналъ, что сказать сестрѣ. Онъ заставилъ ее повторить свои опыты и, присмотрѣвшись къ напряженному выраженію лица слѣпого, покачалъ головой.

— Послушай меня, Анна,—сказалъ онъ, оставшись наединѣ съ сестрою.—Не слѣдуетъ будить въ мальчикѣ вопросовъ, на которые ты никогда, никогда не въ состояніи будешь дать полнаго отвѣта.

— Но вѣдь это онъ самъ заговорилъ первый, право ..—прервала Анна Михайловна.

— Все равно. Мальчику остается только свыкнуться со своей слѣпотой, а намъ надо стремиться къ тому, тобъ онъ забылъ о свѣтѣ. Я стараюсь, чтобы никакіе внѣшніе вызовы не наводили его на безплодные вопросы, и если бъ удалось устранить эти вызовы, то мальчикъ не сознавалъ бы недостатка въ своихъ чувствахъ, какъ и мы, обладающіе всѣми пятью органами, не грустимъ о томъ, что у насъ нѣтъ шестого.

— Мы грустимь,- тихо возразила молодая женщина.

— Аня!

— Мы грустимъ,—отвѣтила она упрямо...—Мы часто грустимъ о невозможномъ...

Впрочемъ, сестра подчинилась доводамъ брата, но на этотъ разъ онъ ошибался: заботясь объ устраненіи внѣшнихъ вызововъ, Максимъ забывалъ тѣ могучія побужденія, которыя были заложены въ дѣтскую душу самою природою.

IV.

„Глаза,—сказалъ кто-то,—зеркало души". Быть можетъ, вѣрнѣе было бы сравнить ихъ съ окнами, которыми вливаются въ душу впечатлѣнія яркаго, сверкающаго цвѣтного міра. Кто можетъ сказать, какая часть нашего душевнаго склада зависитъ отъ ощущеній свѣта?

Человѣкъ—одно звено въ безконечной цѣпи жизней, которая тянется черезъ него изъ глубины прошедшаго къ безконечному будущему. И вотъ, въ одномъ изъ такихъ звеньевъ, слѣпомъ мальчикѣ, роковая случайность закрыла эти окна: жизнь должна пройти вся въ темнотѣ. Но значитъ ли это, что въ его душѣ порвались навѣки тѣ струны, которыми душа откликается на свѣтовыя впечатлѣнія? Нѣтъ, и черезъ это темное существованіе должна была протянуться и передаться послѣдующимъ поколѣніямъ внутренняя воспріимчивость къ свѣту. Его душа была цѣльная человѣческая душа, со всѣми ея способностями, а такъ какъ всякая способность носитъ въ самой себѣ стремленіе къ удовлетворенію, то и въ темной душѣ мальчика жило неутолимое стремленіе къ свѣту.

Нетронутыми лежали гдѣ-то въ таинственной глубинѣ полученныя по наслѣдству и дремавшія въ неясномъ существованіи „возможностей",—силы, съ первымъ свѣтлымъ

лучомъ готовыя подняться ему на встрѣчу. Но окна остаются закрытыми: судьба мальчика рѣшена: ему не видать никогда этого луча, его жизнь вся пройдетъ въ темнотѣ!.

И темнота эта была полна призраковъ.

Если бы жизнь ребенка проходила среди нужды и горя то, быть можетъ, это отвлекло бы его мысль къ внѣшнимъ причинамъ страданія. Но близкіе люди устранили отъ него все, что могло бы его огорчать. Ему доставили полное спокойствіе и миръ, и теперь самая тишина, царившая въ его душѣ, способствовала тому, что внутренняя неудовлетворенность слышалась яснѣе. Среди тишины и мрака, его окружавшихъ, вставало смутное не умолкающее сознаніе какой-то потребности, искавшей удовлетворенія, являлось стремленіе оформить дремлющія въ душевной глубинѣ, не находившія исхода, силы.

Отсюда—какія-то смутныя предчувствія и порывы, въ родѣ того стремленія къ полету, который каждый испытывалъ въ дѣтствѣ и которое сказывается въ этомъ возрастѣ своими чудными снами.

Отсюда, наконецъ, вытекали инстинктивные потуги дѣтской мысли, отражавшіяся на лицѣ болѣзненнымъ вопросомъ. Эти наслѣдственныя, но не тронутыя въ личной жизни „возможности" свѣтовыхъ представленій вставали, точно призраки, въ дѣтской головкѣ, безформенныя, неясныя и темныя, вызывая мучительныя и смутныя усилія.

Природа подымалась безсознательнымъ протестомъ противъ индивидуальнаго „случая" за нарушенный общій законъ.

V.

Такимъ образомъ, сколько бы ни старался Максимъ устранять всѣ внѣшніе вызовы, онъ никогда не могъ уничтожить внутренняго давленія неудовлетворенной потребности. Самое большее, что онъ могъ достигнуть своею осмотрительностью, это—не будить ее раньше времени, не усиливать страданій слѣпого. Въ остальномъ тяжелая судьба ребенка должна была идти своимъ чередомъ, со всѣми ея суровыми послѣдствіями.

И она надвигалась темною тучей. Природная живость мальчика съ годами все болѣе и болѣе исчезала, подобно убывающей волнѣ, между тѣмъ какъ смутно, но безпрерывно звучавшее въ душѣ его грустное настроеніе усиливалось, сказываясь на его темпераментѣ. Смѣхъ, который можно было слышать во время его дѣтства при каждомъ особенно яркомъ новомъ впечатлѣніи, теперь раздавался все рѣже и рѣже. Все смѣющееся, веселое, отмѣченное печатью юмора, было ему мало доступно; но за то все смутное, неопредѣленно-грустное и туманно-меланхолическое, что слышится въ южной природѣ и отражается въ народной пѣснѣ, онъ улавливалъ съ замѣчательною полнотой. Слезы являлись у него каждый разъ на глазахъ, когда онъ слушалъ, какъ „въ полі могыла за вітромъ говорила“, и онъ самъ любилъ ходить въ поле слушать этотъ говоръ. Въ немъ все больше и больше вырабатывалась склонность къ уединенію, и, когда въ часы свободные отъ занятій, онъ уходилъ одинъ на свою одинокую прогулку, домашніе старались

не ходить въ ту сторону, чтобы не нарушить его уединенія. Усѣвшись гдѣ-нибудь на курганѣ въ степи, или на холмикѣ надъ рѣкой, или наконецъ, на хорошо знакомомъ утесѣ, онъ слушалъ лишь шелестъ листьевъ, да шопотъ травы или неопредѣленные вздохи степного вѣтра. Все это особеннымъ образомъ гармонировало съ глубиной его душевнаго настроенія. Насколько онъ могъ понимать природу, тутъ онъ понималъ ее вполнѣ и до конца. Тутъ она не тревожила его никакими опредѣленными и неразрѣшимыми вопросами; тутъ этотъ вѣтеръ вливался ему прямо въ душу, а трава, казалось, шептала ему тихія слова сожалѣнія, и когда душа юноши, настроившись въ ладъ съ окружающею тихою гармоніей, размягчалась отъ теплой ласки природы, онъ чувствовалъ какъ что-то подымается въ груди, прибывая и разливаясь по всему его существу. Онъ припадалъ тогда къ сыроватой, прохладной травѣ и тихо плакалъ, но въ этихъ слезахъ не было горечи. Иногда же онъ бралъ дудку и совершенно забывался, подбирая задумчивыя мелодіи къ своему настроенію и въ ладъ съ тихою гармоніей степи.

Понятно, что всякій человѣческій звукъ, неожиданно врывавшійся въ это настроеніе, дѣйствовалъ на него болѣзненнымъ, рѣзкимъ диссонансомъ. Общеніе въ подобныя минуты возможно только съ очень близкою, дружескою душой, а у мальчика былъ только одинъ такой другъ его возраста, именно—бѣлокурая дѣвочка изъ поссесорской усадьбы...

И эта дружба крѣпла все больше, отличаясь полною

взаимностью. Если Эвелина вносила въ ихъ взаимныя отношенія свое спокойствіе, свою тихую радость, сообщала слѣпому новые оттѣнки окружающей жизни, то и онъ, въ свою очередь, давалъ ей... свое горе. Казалось, первое знакомство съ нимъ нанесло чуткому сердцу маленькой женщины кровавую рану: выньте изъ раны кинжалъ, нанесшій ударъ, и она истечетъ кровью. Впервые познакомившись на холмикѣ въ степи со слѣпымъ мальчикомъ, маленькая женщина ощутила острое страданіе сочувствія, и теперь его присутствіе становилось для нея все болѣе необходимымъ. Въ разлукѣ съ нимъ рана будто раскрывалась вновь, боль оживала, и она стремилась къ своему маленькому другу, чтобы неустанною заботой утолить свое собственное страданіе.

VI.

Однажды въ теплый осенній вечеръ оба семейства сидѣли на площадкѣ передъ домомъ, любуясь звѣзднымъ небомъ, синѣвшимъ глубокою лазурью и горѣвшимъ огнями. Слѣпой, по обыкновенію, сидѣлъ рядомъ съ своею подругой около матери.

Всѣ на минуту смолкли. Около усадьбы было совсѣмъ тихо; только листья по временамъ, чутко встрепенувшись, бормотали что-то невнятное и тотчасъ же смолкали.

Въ эту минуту блестящій метеоръ, сорвавшись откуда-то изъ глубины темной лазури, пронесся яркою полосой по небу, оставивъ за соб й фосфорическій

слѣдъ, угасавшій медленно и незамѣтно. Всѣ подняли глаза. Мать, сидѣвшая объ руку съ Петрикомъ, почувствовала, какъ онъ встрепенулся и вздрогнулъ.

— Что это... было?—повернулся онъ къ ней взволнованнымъ лицомъ.

— Это звѣзда упала, дитя мое.

— Да, звѣзда,—прибавилъ онъ задумчиво.—Я такъ, и зналъ.

— Откуда же ты могъ знать, мой мальчикъ?—переспросила мать съ печальнымъ сомнѣніемъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, это онъ говоритъ правду,—вмѣшалась Эвелина.—Онъ многое знаетъ... „такъ"...

Уже эта все развивавшаяся чуткость указывала, что мальчикъ замѣтно близится къ критическому возрасту между отрочествомъ и юношествомъ. Но пока его ростъ совершался довольно спокойно. Казалось даже, будто онъ свыкся съ своей долей, и странно-уравновѣшенная грусть безъ просвѣта, но и безъ острыхъ порыванiй, которая стала обычнымъ фономъ его жизни, теперь нѣсколько смягчилась. Но это былъ лишь періодъ временнаго затишья. Эти роздыхи природа даетъ какъ будто нарочно; въ нихъ молодой организмъ устаивается и крѣпнетъ для новой бури. Во время этихъ затишій незамѣтно набираются и зрѣютъ новые запросы. Одинъ толчекъ—и все душевное спокойствіе всколеблется до глубины, какъ море подъ ударомъ внезапно налетѣвшаго шквала.

Глава V.

I.

Такъ прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Ничто не измѣнилось въ тихой усадьбѣ. По прежнему шумѣли буки въ саду, только ихъ листва будто потемнѣла, сдѣлалась еще гуще, по прежнему бѣлѣли привѣтливыя стѣны, только онѣ чуть-чуть покривились и осѣли; по прежнему хмурились соломенныя стрѣхи, и даже свирѣль Іохима слышалась въ тѣ же часы изъ конюшни; только теперь уже и самъ Іохимъ, остававшійся холостымъ конюхомъ въ усадьбѣ, предпочиталъ слушать игру слѣпого панича, на дудкѣ или на фортепіано—безразлично.

Максимъ посѣдѣлъ еще больше. У Попельскихъ не было другихъ дѣтей, и потому слѣпой первенецъ по прежнему остался центромъ, около котораго группировалась вся жизнь усадьбы. Для него усадьба замкнулась въ своемъ тѣсномъ кругу, довольствуясь своею собственною тихою жизнью, къ которой примыкала не менѣе тихая жизнь поссесорской „хатки". Такимъ обра-

зомъ, Петръ, ставшій уже юношей, выросъ, какъ тепличный цвѣтокъ, огражденный отъ рѣзкихъ стороннихъ вліяній далекой жизни.

Онъ, какъ и прежде, стоялъ въ центрѣ громаднаго темнаго міра. Надъ нимъ, вокругъ него, всюду протянулась тьма безъ конца и предѣловъ; чуткая тонкая организація подымалась, какъ упруго-натянутая струна, на встрѣчу всякому впечатлѣнію, готовая задрожать отвѣтными звуками. Въ настроеніи слѣпого замѣтно сказывалось это чуткое ожиданіе: ему казалось, что вотъ-вотъ эта тьма протянется къ нему своими невидимыми руками и тронетъ въ немъ что-то такое, что такъ томительно дремлетъ въ душѣ и ждетъ пробужденія.

Но знакомая добрая и скучная тьма усадьбы шумѣла только ласковымъ шопотомъ стараго сада, навѣвая смутную, баюкающую, успокоительную думу. О далекомъ мірѣ слѣпой зналъ только изъ пѣсенъ, изъ исторіи, изъ книгъ. Подъ задумчивый шопотъ сада, среди тихихъ будней усадьбы, онъ узнавалъ лишь по разсказамъ о буряхъ и волненіяхъ далекой жизни. И все это рисовалось ему сквозь какую-то волшебную дымку, какъ пѣсня, какъ былинка, какъ сказка.

Казалось, такъ было хорошо. Мать видѣла, что, огражденная будто стѣной, душа ея сына дремлетъ въ какакомъ-то заколдованномъ полуснѣ, искусственномъ, но спокойномъ. И она не хотѣла нарушать этого равновѣсія, боялась его нарушить.

Эвелина, выросшая и сложившаяся какъ-то совершенно

незамѣтно глядѣла на эту заколдованную тишь своими ясными глазами, въ которыхъ можно было по временамъ подмѣтить что-то въ родѣ недоумѣнія, вопроса о будущемъ, но никогда не было и тѣни нетерпѣнія. Попельскій-отецъ привелъ имѣніе въ образцовый порядокъ, но до вопросовъ о будущемъ его сына доброму человѣку, конечно, не было ни малѣйшаго дѣла. Онъ привыкъ, что все дѣлается само собой. Одинъ только Максимъ, по своей натурѣ, съ трудомъ выносилъ эту тишь, и то, какъ нѣчто временное, входившее поневолѣ въ его планы. Онъ считалъ необходимымъ дать душѣ юноши устояться, окрѣпнуть, чтобы быть въ состояніи встрѣтить рѣзкое прикосновеніе жизни.

Между тѣмъ, тамъ, за чертой этого заколдованнаго круга, жизнь кипѣла, волновалась, бурлила. И вотъ, наконецъ, наступило время, когда старый наставникъ рѣшился разорвать этотъ кругъ, отворить дверь теплицы, чтобы въ нее могла ворваться свѣжая струя наружнаго воздуха.

II.

Для перваго случая онъ пригласилъ къ себѣ стараго товарища, который жилъ верстахъ въ 70-ти отъ усадьбы Попельскихъ. Максимъ иногда бывалъ у него и прежде, но теперь онъ зналъ, что у Ставрученки гоститъ пріѣзжая молодежь, и написалъ ему письмо, приглашая всю компанію. Приглашеніе это было охотно принято. Старики были связаны давнею дружбой, а молодежь помнила довольно громкое нѣкогда имя Максима Яценка, съ

которымъ связывались извѣстныя традиціи. Одинъ изъ сыновей Ставрученка былъ студентъ кіевскаго университета по модному тогда филологическому факультету. Другой изучалъ музыку въ петербургской консерваторіи. Съ ними пріѣхалъ еще юный кадетъ, сынъ одного изъ ближайшихъ помѣщиковъ.

Ставрученко былъ крѣпкій старикъ, сѣдой, съ длинными казацкими усами и въ широкихъ казацкихъ шароварахъ. Онъ носилъ кисетъ съ табакомъ и трубку привязанными у пояса, говорилъ не иначе, какъ по-малорусски, и рядомъ съ двумя сыновьями, одѣтыми въ бѣлыя свитки и расшитыя малороссійскія сорочки, очень напоминалъ гоголевскаго Бульбу съ сыновьями. Однако, въ немъ не было и слѣдовъ романтизма, отличавшаго гоголевскаго героя. Наоборотъ, онъ былъ отличный практикъ-помѣщикъ, всю жизнь превосходно ладившій съ крѣпостными отношеніями, а теперь, когда эта „неволя“ была уничтожена, сумѣвшій хорошо принорoвиться и къ новымъ условіямъ. Онъ зналъ народъ, какъ знали его помѣщики, т. е. онъ зналъ каждаго мужика своей деревни и у каждаго мужика зналъ каждую корову и чуть не каждый лишній карбованецъ въ мужицкой мошнѣ.

За то, если онъ и не дрался съ своими сыновьями на кулачки, какъ Бульба, то все же между ними происходили постоянныя и очень свирѣпыя стычки, которыя не ограничивались ни временемъ, ни мѣстомъ. Всюду, дома и въ гостяхъ, по самому ничтожному поводу, между старикомъ и молодежью вспыхивали нескончаемые споры.

Начиналось обыкновенно съ того, что старикъ, посмѣиваясь, дразнилъ „идеальныхъ паничей“; тѣ горячились, старикъ тоже разгорячался, и тогда подымался самый невообразимый галдежъ, въ которомъ обѣимъ сторонамъ доставалось не на шутку.

Это было отраженіе извѣстной розни „отцовъ и дѣтей“; только здѣсь это явленіе сказывалось въ значительно смягченной формѣ. Молодежь, съ дѣтства отданная въ школы, деревню видѣла только въ короткое каникулярное время, и потому у ней не было того конкретнаго знанія народа, какимъ отличались отцы-помѣщики. Когда поднялась въ обществѣ волна „народолюбія“, заставшая юношей въ высшихъ классахъ гимназіи, они обратились къ изученію родного народа, но начали это изученіе съ книжекъ. Второй шагъ привелъ ихъ къ непосредственному изученію проявленій „народнаго духа“ въ его творчествѣ. Хожденіе въ народъ паничей въ бѣлыхъ свиткахъ и расшитыхъ сорочкахъ было тогда сильно распространено въ юго-западномъ краѣ. На изученіе экономическихъ условій не обращалось особеннаго вниманія. Молодые люди записывали слова и музыку народныхъ думокъ и пѣсенъ, изучали преданія, свѣряли историческіе факты съ ихъ отраженіемъ въ народной памяти, — вообще смотрѣли на мужика сквозь поэтическую призму національнаго романтизма. Отъ этого, пожалуй, не прочь были и старики, но все же они никогда не могли договориться съ молодежью до какого-либо соглашенія.

— Вотъ, послушай ты его,—говорилъ Ставрученко

Максиму, лукаво поталкивая его локтемъ, когда студентъ ораторствовалъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и сверкающими глазами.—Вотъ, собачій сынъ, говоритъ, какъ пишетъ!.. Подумаешь, и въ самомъ дѣлѣ голова! А разскажи ты намъ, ученый человѣкъ, какъ тебя мой Нечипоръ надулъ, а?

Старикъ поводилъ усами и хохоталъ, разсказывая съ чисто-хохлацкимъ юморомъ соотвѣтствующій случай. Юноши краснѣли, но, въ свою очередь, не оставались въ долгу. „Если они не знаютъ Нечипора и Хведька изъ такой-то деревни, за то они изучаютъ весь народъ въ его общихъ проявленіяхъ; они смотрятъ съ высшей точки зрѣнія, при которой только и возможны выводы и широкія обобщенія. Они обнимаютъ однимъ взглядомъ далекія перспективы, тогда какъ старые и заматерѣлые въ рутинѣ практики изъ-за деревьевъ не видятъ всего лѣса".

Старику не было непріятно слушать мудреныя рѣчи сыновей.

— Таки видно, что не даромъ въ школѣ учились,— говаривалъ онъ, самодовольно поглядывая на слушателей.—А все же, я вамъ скажу, мой Хведько васъ обоихъ и введетъ, и выведетъ, какъ телятъ на веревочкѣ, вотъ что!.. Ну, а я и самъ его, шельму, въ свой кисетъ уложу и въ карманъ спрячу. Вотъ и значитъ, что вы передо мною все равно, что щенята передъ старымъ псомъ.

III.

Въ данную минуту одинъ изъ подобныхъ споровъ только-что затихъ. Старшее поколѣніе удалилось въ домъ, и сквозь открытыя окна слышно было по временамъ, какъ Ставрученко съ торжествомъ разсказывалъ разные комическіе эпизоды, и слушатели весело хохотали.

Молодые люди оставались въ саду. Студентъ, подостлавъ подъ себя свитку и заломивъ смушковую шапку, разлегся на травѣ съ нѣсколько тенденціозною непринужденностью. Его старшій братъ сидѣлъ на заваленкѣ рядомъ съ Эвелиной. Кадетъ въ аккуратно застегнутомъ мундирѣ помѣщался съ нимъ рядомъ, а нѣсколько въ сторонѣ, опершись на подоконникъ, сидѣлъ, опустивъ голову, слѣпой; онъ обдумывалъ только-что смолкшіе и глубоко взволновавшіе его споры.

— Что вы думаете обо всемъ, что здѣсь говорилось, панна Эвелина?—обратился къ своей сосѣдкѣ молодой Ставрученко. — Вы, кажется, не проронили ни одного слова.

— Все это очень хорошо, то-есть то, что вы говорили отцу. Но...

— Но... что же?

Дѣвушка отвѣтила не сразу. Она положила къ себѣ на колѣни свою работу, разгладила ее руками и, слегка наклонивъ голову, стала разсматривать ее съ задумчивымъ видомъ. Трудно было разобрать, думала ли она о томъ, что ей слѣдовало взять для вышивки канву покрупнѣе, или же обдумывала свой отвѣтъ.

Между тѣмъ, молодые люди съ нетерпѣніемъ ждали этого отвѣта. Студентъ приподнялся на локтѣ и повернулъ къ дѣвушкѣ свое лицо, оживленное любопытствомъ. Ея сосѣдъ уставился въ нее спокойнымъ, пытливымъ взглядомъ. Слѣпой перемѣнилъ свою непринужденную позу, выпрямился и потомъ вытянулъ голову, отвернувшись лицомъ отъ остальныхъ собесѣдниковъ.

— Но,—проговорила она тихо, все продолжая разглаживать рукой свою вышивку,—у всякаго человѣка, господа, своя дорога въ жизни.

— Господи!—рѣзко воскликнулъ студентъ, — какое благоразуміе! Да вамъ, моя панночка, сколько лѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Семнадцать,—отвѣтила Эвелина просто, но тотчасъ же прибавила съ наивно-торжествующимъ любопытствомъ:—а вѣдь вы думали, гораздо больше, не правда ли?

Молодые люди засмѣялись.

— Если-бъ у меня спросили мнѣніе насчетъ вашего возраста,—сказалъ ея сосѣдъ,—я сильно колебался бы между тринадцатью и двадцатью тремя. Правда, иногда вы кажетесь совсѣмъ-таки ребенкомъ, а разсуждаете порой, какъ опытная старушка.

— Въ серьезныхъ дѣлахъ, Гаврило Петровичъ, нужно и разсуждать серьезно,—произнесла маленькая женщина докторальнымъ тономъ, опять принимаясь за работу.

Всѣ на минуту смолкли. Иголка Эвелины опять мѣрно заходила по вышивкѣ, а молодые люди оглядывали съ любопытствомъ миніатюрную фигуру благоразумной особы.

IV.

Эвелина, конечно, значительно выросла и развилась со времени первой встрѣчи съ Петромъ, но замѣчаніе студента насчетъ ея вида было совершенно справедливо. При первомъ взглядѣ на это небольшое, худощавое созданьице казалось, что это еще дѣвочка, но въ ея неторопливыхъ, размѣренныхъ движеніяхъ сказывалась нерѣдко солидность женщины. То же впечатлѣніе производило и ея лицо. Такія лица бываютъ, кажется, только у славянокъ. Правильныя красивыя черты зарисованы плавными, холодными линіями; голубые глаза глядятъ ровно, спокойно; румянецъ рѣдко является на этихъ блѣдныхъ щекахъ, но это не та обычная блѣдность, которая ежеминутно готова вспыхнуть пламенемъ жгучей страсти—это скорѣе холодная бѣлизна снѣга. Прямые свѣтлые волосы Эвелины чуть-чуть оттѣнялись на мраморныхъ вискахъ и спадали тяжелою косой, какъ будто оттягивавшей назадъ ея голову при походкѣ.

Слѣпой тоже выросъ и возмужалъ. Всякому, кто посмотрѣлъ бы на него въ ту минуту, когда онъ сидѣлъ поодаль отъ описанной группы, блѣдный, взволнованный и красивый, сразу бросилось бы въ глаза это своеобразное лицо, на которомъ такъ рѣзко отражалось всякое душевное движеніе. Черные волосы красивою волной склонялись надъ выпуклымъ лбомъ, по которому прошли раннія морщинки. На щекахъ быстро вспыхивалъ густой румянецъ и такъ же быстро разливалась матовая блѣдность. Нижняя губа, чуть-чуть оттянутая углами внизъ,

по временамъ какъ-то напряженно вздрагивала, брови чутко настораживались и шевелились, а большіе красивые глаза, глядѣвшіе ровнымъ и неподвижнымъ взглядомъ, придавали лицу молодого человѣка какой-то не совсѣмъ обычный мрачный оттѣнокъ.

— Итакъ,—насмѣшливо заговорилъ студентъ послѣ нѣкотораго молчанія, — панна Эвелина полагаетъ, что все, о чемъ мы говорили, недоступно женскому уму, что удѣлъ женщины—узкая сфера дѣтской и кухни.

Въ голосѣ молодого человѣка слышалось самодовольство (тогда эти словечки были совсѣмъ новенькія) и вызывающая иронія; на нѣсколько секундъ всѣ смолкли, и на лицѣ дѣвушки проступилъ нервный румянецъ.

— Вы слишкомъ торопитесь со своими заключеніями,—сказала она.—Я понимаю все, о чемъ здѣсь говорилось,—значитъ, женскому уму это доступно. Я говорила только о себѣ лично.

Она смолкла и наклонилась надъ шитьемъ съ такимъ вниманіемъ къ работѣ, что у молодого человѣка не хватило рѣшимости продолжать дальнѣйшій допросъ.

— Странно,—пробормоталъ онъ.—Можно подумать, что вы распланировали уже свою жизнь до самой могилы.

— Что же тутъ страннаго, Гаврило Петровичъ? — тихо возразила дѣвушка.—Я думаю, даже Илья Ивановичъ (имя кадета) намѣтилъ уже свою дорогу, а вѣдь онъ моложе меня.

— Это правда, — сказалъ кадетъ, довольный этимъ вызовомъ.—Я недавно читалъ біографію N. N. Онъ тоже

поступалъ по ясному плану: въ двадцать лѣтъ женился, а въ тридцать пять командовалъ частью.

Студентъ ехидно засмѣялся, дѣвушка слегка покраснѣла.

— Ну, вотъ видите,—сказала она черезъ минуту съ какою-то холодною рѣзкостью въ голосѣ, — у всякаго своя дорога.

Никто не возражалъ больше. Среди молодой компаніи водворилась серьезная тишина, подъ которою чувствуется такъ ясно недоумѣлый испугъ: всѣ смутно поняли, что разговоръ перешелъ на деликатную личную почву, что подъ простыми словами зазвучала гдѣ-то чутко натянутая струна...

И среди этого молчанія слышался только шорохъ темнѣющаго и будто чѣмъ-то недовольнаго стараго сада.

V.

Всѣ эти бесѣды, эти споры, эта волна кипучихъ молодыхъ запросовъ, надеждъ, ожиданій и мнѣній,— все это нахлынуло на слѣпого неожиданно и бурно. Сначала онъ прислушивался къ нимъ съ выраженіемъ восторженнаго изумленія, но вскорѣ онъ не могъ не замѣтить, что эта живая волна катится мимо него, что ей до него нѣтъ дѣла. Къ нему не обращались съ вопросами, у него не спрашивали мнѣній, и скоро оказалось, что онъ стоитъ особнякомъ, въ какомъ-то гру-

стномъ уединеніи,—тѣмъ болѣе грустномъ, чѣмъ шумнѣе была теперь жизнь усадьбы.

Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ прислушиваться ко всему, что для него было такъ ново, и его крѣпко сдвинутыя брови, поблѣднѣвшее лицо выказывали усиленное вниманіе. Но это вниманіе было мрачно,—подъ нимъ таилась тяжелая и горькая работа мысли.

Мать смотрѣла на сына съ печалью въ глазахъ. Глаза Эвелины выражали сочувствіе и безпокойство. Одинъ Максимъ будто не замѣчалъ, какое дѣйствіе производитъ шумное общество на слѣпого, и радушно приглашалъ гостей навѣдываться почаще въ усадьбу, обѣщая молодымъ людямъ обильный этнографическій матеріалъ къ слѣдующему пріѣзду.

Гости обѣщали вернуться и уѣхали. Прощаясь, молодые люди радушно пожимали руки Петра. Онъ порывисто отвѣчалъ на эти пожатія и долго прислушивался, какъ стучали по дорогѣ колеса ихъ брички. Затѣмъ онъ быстро повернулся и ушелъ въ садъ.

Съ отъѣздомъ гостей въ усадьбѣ все стихло, но эта тишина показалась слѣпому какою-то особенной, необычной и странной. Въ ней слышалось какъ будто признаніе, что здѣсь прошло что-то особенно важное. Въ смолкшихъ аллеяхъ, отзывавшихся только шопотомъ буковъ и сирени, слѣпому чуялись отголоски недавнихъ разговоровъ. Онъ слышалъ также, въ открытое окно, какъ мать и Эвелина о чемъ-то спорили съ Максимомъ въ гостиной. Въ голосѣ матери онъ замѣтилъ мольбу и страданіе, голосъ Эвелины звучалъ не-

годованіемъ, а Максимъ, казалось, страстно, но твердо отражалъ нападеніе женщинъ. Съ приближеніемъ Петра эти разговоры мгновенно смолкали.

Максимъ сознательно, безпощадною рукой пробилъ первую брешь въ стѣнѣ, окружавшей до сихъ поръ міръ слѣпого. Гулкая безпокойная первая волна уже хлынула въ проломъ, и душевное равновѣсіе юноши дрогнуло подъ этимъ первымъ ударомъ.

Теперь ему казалось уже тѣсно въ его заколдованномъ кругѣ. Его тяготила спокойная тишь усадьбы, лѣнивый шопотъ и шорохъ стараго сада, однообразіе юнаго душевнаго сна. Тьма заговорила съ нимъ своими новыми обольстительными голосами, заколыхалась новыми смутными образами, тѣснясь, съ тоскливою суетой заманчиваго оживленія.

Она звала его, манила, будила дремавшіе въ душѣ запросы, и уже эти первые призывы сказались въ его лицѣ блѣдностью, а въ душѣ—тупымъ, хотя еще смутнымъ страданіемъ.

Отъ женщинъ не ускользнули эти тревожные признаки. Мы, зрячіе, видимъ отраженіе душевныхъ движеній на чужихъ лицахъ и потому пріучаемся скрывать свои собственныя. Слѣпые въ этомъ отношеніи совершенно беззащитны, и потому на поблѣднѣвшемъ лицѣ Петра можно было читать, какъ въ интимномъ дневникѣ, оставленномъ открытымъ въ гостиной... На немъ была написана мучительная тревога. Женщины видѣли, что Максимъ тоже замѣчаетъ все это, но это входитъ въ какіе-то планы старика. Обѣ онѣ считали

это жестокостью, и мать хотѣла бы своими руками оградить сына. „Теплица?—что жъ такое, если ея ребенку до сихъ поръ было хорошо въ теплицѣ? Пусть будетъ такъ и дальше, навсегда... Спокойно, тихо, невозмутимо“... Эвелина не высказывала, повидимому, всего, что было у нея на душѣ, но съ нѣкоторыхъ поръ она перемѣнилась къ Максиму и стала возражать противъ нѣкоторыхъ, иногда совсѣмъ незначительныхъ его предложеній съ небывалою рѣзкостью.

Старикъ смотрѣлъ на нее изъ-подъ бровей пытливыми глазами, которые встрѣчались порой съ гнѣвнымъ, сверкающимъ взглядомъ молодой дѣвушки. Максимъ покачивалъ головой, бормоталъ что-то и окружалъ себя особенно густыми клубами дыма, что было признакомъ усиленной работы мысли; но онъ твердо стоялъ на своемъ и порой, ни къ кому не обращаясь, отпускалъ презрительныя сентенціи насчетъ неразумной женской любви и короткаго бабьяго ума, который, какъ извѣстно, гораздо короче волоса; поэтому женщина не можетъ видѣть дальше минутнаго страданія и минутной радости. Онъ мечталъ для Петра не о спокойствіи, а о возможной полнотѣ жизни. Говорятъ, всякій воспитатель стремится сдѣлать изъ питомца свое подобіе. Максимъ мечталъ о томъ, что пережилъ самъ и чего такъ рано лишился: о кипучихъ кризисахъ и о борьбѣ. Въ какой формѣ,— онъ не зналъ и самъ, но упорно стремился расширить для Петра кругъ живыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, доступныхъ слѣпому, рискуя даже потрясеніями и

душевными переворотами. Онъ чувствовалъ, что обѣ женщины хотятъ совсѣмъ другого...

— Насѣдка!—говорилъ онъ иногда сестрѣ, сердито стуча по комнатѣ своими костылями... Но онъ сердился рѣдко; большею же частью на доводы сестры онъ возражалъ мягко и съ снисходительнымъ сожалѣніемъ, тѣмъ болѣе, что она каждый разъ уступала въ спорѣ, когда оставалась наединѣ съ братомъ; это, впрочемъ, не мѣшало ей вскорѣ опять возобновлять разговоръ. Но когда при этомъ присутствовала Эвелина, дѣло становилось серьезнѣе; въ этихъ случаяхъ старикъ предпочиталъ отмалчиваться. Казалось, между нимъ и молодою дѣвушкой завязывалась какая-то борьба, и оба они еще только изучали противника, тщательно скрывая свои карты.

VI.

Когда, черезъ двѣ недѣли молодые люди опять вернулись вмѣстѣ съ отцомъ, Эвелина встрѣтила ихъ съ холодною сдержанностью. Однако, ей было трудно устоять противъ обаятельнаго молодого оживленія. Цѣлые дни молодежь шаталась по деревнѣ, охотилась, записывала въ поляхъ пѣсни жницъ и жнецовъ, а вечеромъ вся компанія собиралась на заваленкѣ усадьбы, въ саду.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Эвелина не успѣла спохватиться, какъ разговоръ опять перешелъ на щекотливыя темы. Какъ это случилось, кто началъ первый,—ни она, да и никто не могъ бы сказать. Это вы-

шло такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно потухла заря и по саду расползлись вечернія тѣни, какъ незамѣтно завелъ соловей въ кустахъ свою вечернюю пѣсню.

Студентъ говорилъ пылко, съ тою особенною юношескою страстью, которая кидается на встрѣчу неизвѣстному будущему безразсчетно и безразсудно. Была въ этой вѣрѣ въ будущее съ его чудесами какая-то особенная чарующая сила, почти неодолимая сила призыва...

Молодая дѣвушка вспыхнула, понявъ, что этотъ вызовъ, быть можетъ, безъ сознательнаго разсчета, былъ обращенъ теперь прямо къ ней.

Она слушала, низко наклонясь надъ работой. Ея глаза заискрились, щеки загорѣлись румянцемъ, сердце стучало... Потомъ блескъ глазъ потухъ, губы сжались, а сердце застучало еще сильнѣе, и въ поблѣднѣвшемъ лицѣ появилось выраженіе испуга.

Она испугалась оттого, что передъ ея глазами будто раздвинулась вдругъ темная стѣна, и въ этотъ просвѣтъ блеснули далекія перспективы обширнаго, кипучаго и дѣятельнаго міра.

Да, онъ манитъ ее уже давно. Она не сознавала этого ранѣе, но въ тѣни стараго сада, на уединенной скамейкѣ, она нерѣдко просиживала цѣлые часы, отдаваясь небывалымъ мечтамъ. Воображеніе рисовало ей яркія, далекія картины, и въ нихъ не было мѣста слѣпому...

Теперь этотъ міръ приблизился къ ней; онъ не только манитъ ее, онъ предъявляетъ на нее какое-то право.

Она кинула быстрый взглядъ въ сторону Петра, и что-то кольнуло ей сердце. Онъ сидѣлъ неподвижный, за-

думчивый; вся его фигура казалась отяжелѣвшей и осталась въ ея памяти мрачнымъ пятномъ. „Онъ понимаетъ... все“,—мелькнула у нея мысль, быстрая, какъ молнія, и дѣвушка почувствовала какой-то холодъ. Кровь отлила къ сердцу, а на лицѣ она сама ощутила внезапную блѣдность. Ей представилось на мгновеніе, что она уже тамъ, въ этомъ далекомъ мірѣ, а онъ сидитъ вотъ здѣсь одинъ, съ опущенною головой, или нѣтъ... Онъ тамъ, на холмикѣ, надъ рѣчкой, этотъ слѣпой мальчикъ, надъ которымъ она плакала въ тотъ вечеръ...

И ей стало страшно. Ей показалось, что кто-то готовится вынуть ножъ изъ ея давнишней раны.

Она вспомнила долгіе взгляды Максима. Такъ вотъ что значили эти молчаливые взгляды! Онъ лучше ея самой зналъ ея настроеніе, онъ угадалъ, что въ ея сердцѣ возможна еще борьба и выборъ, что она въ себѣ не увѣрена... Но нѣтъ, — онъ ошибается! Она знаетъ свой первый шагъ, а тамъ она посмотритъ, что можно будетъ взять у жизни еще...

Она вздохнула трудно и тяжело, какъ бы переводя дыханіе послѣ тяжелой работы, и оглянулась кругомъ. Она не могла бы сказать, долго ли длилось молчаніе, давно ли смолкъ студентъ, говорилъ ли онъ еще что-нибудь... Она посмотрѣла туда, гдѣ за минуту сидѣлъ Петръ...

Его не было на прежнемъ мѣстѣ.

VII.

Тогда, спокойно сложивъ работу, она тоже поднялась.

— Извините, господа, — сказала она, обращаясь къ гостямъ.—Я васъ на время оставлю однихъ.

И она пошла вдоль темной аллеи.

Этотъ вечеръ былъ исполненъ тревоги не для одной Эвелины. На поворотѣ аллеи, гдѣ стояла скамейка, дѣвушка услыхала взволнованные голоса. Максимъ разговаривалъ съ сестрой.

— Да, о ней я думалъ въ этомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ о немъ, — говорилъ старикъ сурово. — Подумай, вѣдь она еще ребенокъ, не знающій жизни! Я не хочу вѣрить, что ты желала бы воспользоваться невѣдѣніемъ ребенка.

Въ голосѣ Анны Михайловны, когда она отвѣтила, слышались слезы.

— А что же, Максъ, если... если она... Что же будетъ тогда съ моимъ мальчикомъ?

— Будь, что будетъ! — твердо и угрюмо отвѣтилъ старый солдатъ. — Тогда посмотримъ; во всякомъ случаѣ, на немъ не должно тяготѣть сознаніе чужой, испорченной жизни... Да и на нашей совѣсти тоже... Подумай объ этомъ, Аня,—добавилъ онъ мягче.

Старикъ взялъ руку сестры и нѣжно поцѣловалъ ее. Анна Михайловна склонила голову.

— Мой бѣдный мальчикъ, бѣдный... Лучше бы ему никогда не встрѣчаться съ нею...

Дѣвушка скорѣе угадала эти слова, чѣмъ разслышала: такъ тихо вырвался этотъ стонъ изъ устъ матери.

Краска залила лицо Эвелины. Она невольно остановилась на поворотѣ аллеи... Теперь, когда она выйдетъ, оба они увидятъ, что она подслушала ихъ тайныя мысли...

Но черезъ нѣсколько мгновеній она гордо подняла голову. Она не хотѣла подслушивать, и, во всякомъ случаѣ, не ложный стыдъ можетъ остановить ее на ея дорогѣ. Къ тому же, этотъ старикъ беретъ на себя слишкомъ много. Она сама сумѣетъ распорядиться своею жизнью.

Она вышла изъ-за поворота дорожки и прошла мимо обоихъ говорившихъ, спокойно и съ высоко поднятою головой. Максимъ съ невольной торопливостью подобралъ свой костыль, чтобы дать ей дорогу, а Анна Михайловна посмотрѣла на нее съ какимъ-то подавленнымъ выраженіемъ любви, почти обожанія и страха.

Мать будто чувствовала, что эта гордая бѣлокурая дѣвушка, которая только-что прошла съ такимъ гнѣвно-вызывающимъ видомъ, пронесла съ собой счастье или несчастье всей жизни ея ребенка.

VIII.

Въ дальнемъ концѣ сада стояла старая, заброшенная мельница. Колеса давно уже не вертѣлись, валы обросли мхомъ, и сквозь старые шлюзы просачивалась вода нѣсколькими тонкими, неумолчно звенѣвшими

струйками. Это было любимое мѣсто слѣпого. Здѣсь онъ просиживалъ цѣлые часы на парапетѣ плотины, прислушиваясь къ говору сочившейся воды, и умѣлъ прекрасно передавать на фортепіано этотъ говоръ. Но теперь ему было не до того... Теперь онъ быстро ходилъ по дорожкѣ съ переполненнымъ горечью сердцемъ, съ искаженнымъ отъ внутренней боли лицомъ.

Заслышавъ легкіе шаги дѣвушки, онъ остановился; Эвелина положила ему на плечо руку и спросила серьезно:

— Скажи мнѣ, Петръ, что это съ тобой? Отчего ты такой грустный?

Быстро повернувшись, онъ опять зашагалъ по дорожкѣ. Дѣвушка пошла съ нимъ рядомъ.

Она поняла его рѣзкое движеніе и его молчаніе и на минуту опустила голову. Отъ усадьбы слышалась пѣсня:

Зъ за крутой горы
Вылiталы орлы,
Вылiталы, гуркоталы
Роскоши шукалы...

Смягченный разстояніемъ, молодой, сильный голосъ пѣлъ о любви, о счастіи, о просторѣ, и эти звуки неслись въ тишинѣ ночи, покрывая лѣнивый шопотъ сада...

Тамъ были счастливые люди, которые говорили объ яркой и полной жизни; она еще нѣсколько минутъ назадъ была съ ними, опьяненная мечтами объ этой жизни, въ которой *ему* не было мѣста. Она даже не замѣтила его ухода, а кто знаетъ, какими долгими показались ему эти минуты одинокаго горя...

Эти мысли прошли въ головѣ молодой дѣвушки, пока она ходила рядомъ съ Петромъ по аллеѣ. Никогда еще не было такъ трудно заговорить съ нимъ, овладѣть его настроеніемъ. Однако, она чувствовала, что ея присутствіе понемногу смягчаетъ его мрачное раздумье.

Дѣйствительно, его походка стала тише, лицо спокойнѣе. Онъ слышалъ рядомъ ея шаги, и понемногу острая душевная боль стихала, уступая мѣсто другому чувству. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ чувствѣ, но оно было ему знакомо, и онъ легко подчинялся его благотворному вліянію.

— Что съ тобой?—повторила она свой вопросъ.

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ онъ съ горечью.— Мнѣ только кажется, что я совсѣмъ лишній на свѣтѣ.

Пѣсня около дома на время смолкла и черезъ минуту послышалась другая. Она доносилась чуть слышно; теперь студентъ пѣлъ старую „думу“, подражая тихому напѣву бандуристовъ. Иногда голосъ, казалось, совсѣмъ смолкалъ, воображеніемъ овладѣвала смутная мечта, и затѣмъ тихая мелодія опять пробивалась сквозь шорохъ листьевъ...

Петръ невольно остановился, прислушиваясь.

— Знаешь,—заговорилъ онъ грустно,—мнѣ кажется иногда, что старики правы, когда говорятъ, что на свѣтѣ становится съ годами все хуже. Въ старые годы было лучше даже слѣпымъ. Вмѣсто фортепіано, тогда бы я выучился играть на бандурѣ и ходилъ бы по городамъ и селамъ... Ко мнѣ собирались бы толпы людей, и я

пѣлъ бы имъ о дѣлахъ ихъ отцовъ, о подвигахъ и славѣ. Тогда и я былъ бы чѣмъ-нибудь въ жизни. А теперь? Даже этотъ кадетикъ съ такимъ рѣзкимъ голосомъ, и тотъ,—ты слышала?—говоритъ: жениться и командовать частью. Надъ нимъ смѣялись, а я... а мнѣ даже и это недоступно.

Голубые глаза дѣвушки широко открылись отъ испуга, и въ нихъ сверкнула слеза.

— Это ты наслушался рѣчей молодого Ставрученка,—сказала она въ смущеніи, стараясь придать голосу тонъ беззаботной шутки.

— Да,—задумчиво отвѣтилъ Петръ и прибавилъ,— у него очень пріятный голосъ. Красивъ онъ?

— Да, онъ хорошій,—задумчиво подтвердила Эвелина, но вдругъ, какъ-то гнѣвно спохватившись, прибавила рѣзко:—Нѣтъ, онъ мнѣ вовсе не нравится! Онъ слишкомъ самоувѣренъ, и голосъ у него непріятный и рѣзкій.

Петръ выслушалъ съ удивленіемъ эту гнѣвную вспышку. Дѣвушка топнула ногой и продолжала:

— И все это глупости! Это все, я знаю, подстраиваетъ Максимъ. О, какъ я ненавижу теперь этого Максима!

— Что ты это, Веля?—спросилъ удивленно слѣпой.— Что подстраиваетъ?

— Ненавижу, ненавижу Максима!—упрямо повторяла дѣвушка.—Онъ со своими разсчетами истребилъ въ себѣ всякіе признаки сердца... Не говори, не говори мнѣ о нихъ... И откуда они присвоили себѣ право распоряжаться чужою судьбой?

Она вдругъ порывисто остановилась, сжала свои

тонкія руки, такъ что на нихъ хрустнули пальцы и какъ-то по-дѣтски заплакала.

Слѣпой взялъ ее за руки съ удивленіемъ и участіемъ. Эта вспышка со стороны его спокойной и всегда выдержанной подруги была такъ неожиданна и необъяснима! Онъ прислушивался одновременно къ ея плачу и къ тому странному отголоску, какимъ отзывался этотъ плачъ въ его собственномъ сердцѣ. Ему вспомнились давніе годы. Онъ сидѣлъ на холмѣ, съ такою же грустью, а она плакала надъ нимъ, такъ же, какъ и теперь...

Но вдругъ она высвободила руку, и слѣпой опять удивился: дѣвушка смѣялась.

— Какая я, однако, глупая! И о чемъ это я плачу?

Она вытерла глаза и потомъ заговорила растроганнымъ и добрымъ голосомъ:

— Нѣтъ, будемъ справедливы: оба они хорошіе... И то, что онъ говорилъ сейчасъ,—хорошо. Но вѣдь это же не для всѣхъ.

— Для всѣхъ, кто можетъ,—сказалъ слѣпой.

— Какіе пустяки!—отвѣтила она ясно, хотя въ ея голосѣ вмѣстѣ съ улыбкой слышались еще недавнія слезы.—Вѣдь вотъ и Максимъ, воевалъ, пока могъ, а теперь живетъ, какъ можетъ. Ну, и мы...

— Не говори: *мы*! Ты—совсѣмъ другое дѣло...

— Нѣтъ, не другое.

— Почему?

— Потому что... Ну да потому, что вѣдь ты на мнѣ женишься, и, значитъ, наша жизнь будетъ одинакова.

Петръ остановился въ изумленіи.

— Я?.. На тебѣ?.. Значитъ, ты за меня... замужъ?

— Ну да, ну да, конечно!—отвѣтила она съ торопливымъ волненіемъ.—Какой ты глупый! Неужели тебѣ никогда не приходило это въ голову? Вѣдь это же такъ просто! На комъ же тебѣ и жениться, какъ не на мнѣ?

— Конечно,—согласился онъ съ какимъ-то страннымъ эгоизмомъ, но тотчасъ спохватился.

— Послушай, Веля,—заговорилъ онъ, взявъ ее за руку.—Тамъ сейчасъ говорили: въ большихъ городахъ дѣвушки учатся всему, передъ тобой тоже могла бы открыться широкая дорога... А я...

— Что же ты?

— А я... слѣпой!—закончилъ онъ совершенно нелогично.

И опять ему вспомнилось дѣтство, тихій плескъ рѣки, первое знакомство съ Эвелиной и ея горькія слезы при словѣ „слѣпой“... Инстинктивно почувствовалъ онъ, что теперь опять причиняетъ ей такую же рану, и остановился. Нѣсколько секундъ стояла тишина, только вода тихо и ласково звенѣла въ шлюзахъ. Эвелины совсѣмъ не было слышно, какъ будто она исчезла. По ея лицу, дѣйствительно пробѣжала судорога, но дѣвушка овладѣла собой и, когда она заговорила, голосъ ея звучалъ безпечно и шутливо:

— Такъ что же, что слѣпой?—сказала она,—но вѣдь если дѣвушка полюбитъ слѣпого, такъ и выходить надо за слѣпого... Это ужъ всегда такъ бываетъ, что же намъ дѣлать?

— Полюбитъ...—сосредоточенно повторилъ онъ, и

брови его сдвинулись,—онъ вслушивался въ новые для него звуки знакомаго слова...—Полюбитъ?—переспросилъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ...

— Ну да! Ты и я, мы оба любимъ другъ друга.. Какой ты глупый! Ну, подумай самъ: могъ ли бы ты остаться здѣсь одинъ, безъ меня?..

Лицо его сразу поблѣднѣло, и незрячіе глаза остановились, большіе и неподвижные.

Было тихо: только вода все говорила о чемъ-то, журча и звеня. Временами казалось, что этотъ говоръ ослабѣваетъ и вотъ-вотъ стихнетъ; но тотчасъ же онъ опять повышался и опять звенѣлъ безъ конца и перерыва. Густая черемуха шептала темною листвой; пѣсня около дома смолкла, но за то надъ прудомъ соловей заводилъ свою...

— Я бы умеръ,—сказалъ онъ глухо.

Ея губы задрожали, какъ въ тотъ день ихъ перваго знакомства, и она сказала съ трудомъ, слабымъ, дѣтскимъ голосомъ:

— И я тоже... Безъ тебя, одна... въ далекомъ свѣтѣ...

Онъ сжалъ ея маленькую руку въ своей. Ему казалось страннымъ, что ея тихое отвѣтное пожатіе такъ непохоже на прежнія: слабое движеніе ея маленькихъ пальцевъ отражалось теперь въ глубинѣ его сердца. Вообще, кромѣ прежней Эвелины, друга его дѣтства, теперь онъ чувствовалъ въ ней еще какую-то другую, новую дѣвушку. Самъ онъ показался себѣ могучимъ и сильнымъ, а она представилась ему плачущей и слабой.

Тогда, подъ вліяніемъ глубокой нѣжности, онъ привлекъ ее одною рукой, а другою сталъ гладить ея шелковистые волосы.

И ему казалось, что все горе смолкло въ глубинѣ сердца и что у него нѣтъ никакихъ порывовъ и желаній, а есть только настоящая минута.

Соловей, нѣкоторое время пробовавшій свой голосъ защелкалъ и разсыпался по молчаливому саду неистовою трелью. Дѣвушка встрепенулась и застѣнчиво отвела руку Петра.

Онъ не противился и, отпустивъ ее, вздохнулъ полною грудью. Онъ слышалъ, какъ она оправляетъ свои волосы. Его сердце билось сильно, но ровно и пріятно; онъ чувствовалъ, какъ горячая кровь разноситъ по всему тѣлу какую-то новую сосредоточенную силу. Когда черезъ минуту она сказала ему обычнымъ тономъ: „Ну, теперь вернемся къ гостямъ“, онъ съ удивленіемъ вслушивался въ этотъ милый голосъ, въ которомъ звучали совершенно новыя ноты.

IX.

Гости и хозяева собрались въ маленькой гостиной; недоставало только Петра и Эвелины. Максимъ разговаривалъ со своимъ старымъ товарищемъ, молодые люди сидѣли молча у открытыхъ оконъ; въ небольшомъ обществѣ господствовало то особенное тихое настроеніе, въ глубинѣ котораго ощущается какая-то, не для

всѣхъ ясная, но всѣми сознаваемая драма. Отсутствіе Эвелины и Петра было какъ-то особенно замѣтно. Максимъ среди разговора кидалъ короткіе, выжидающіе взгляды по направленію къ дверямъ. Анна Михайловна съ грустнымъ и какъ будто виноватымъ лицомъ явно старалась быть внимательною и любезною хозяйкой, и только одинъ панъ Попельскій, значительно округлѣвшій и, какъ всегда, благодушный, дремалъ на своемъ стулѣ въ ожиданіи ужина.

Когда на террасѣ, которая вела изъ сада въ гостиную, раздались шаги, всѣ глаза повернулись туда. Въ темномъ четыреугольникѣ широкихъ дверей показалась фигура Эвелины, а за нею тихо подымался по ступенькамъ слѣпой.

Молодая дѣвушка почувствовала на себѣ эти сосредоточенные, внимательные взгляды, однако, это ее не смутило. Она прошла черезъ комнату своею обычною ровною поступью, и только на одно мгновеніе, встрѣтивъ короткій изъ-подъ бровей взглядъ Максима, она чуть-чуть улыбнулась, и ея глаза сверкнули вызовомъ и усмѣшкой. Пани Попельская вглядывалась въ своего сына.

Молодой человѣкъ, казалось, шелъ вслѣдъ за дѣвушкой, не сознавая хорошо, куда она ведетъ его. Когда въ дверяхъ показалось его блѣдное лицо и тонкая фигура, онъ вдругъ пріостановился на порогѣ этой освѣщенной комнаты. Но затѣмъ онъ перешагнулъ черезъ порогъ и быстро, хотя съ тѣмъ же полуразсѣяннымъ, полусосредоточеннымъ видомъ подошелъ къ фортепіано.

Хотя музыка была обычнымъ элементомъ въ жизни

тихой усадьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ элементъ интимный, такъ сказать, чисто домашній. Въ тѣ дни, когда усадьба наполнялась говоромъ и пѣніемъ пріѣзжей молодежи, Петръ ни разу не подходилъ къ фортепіано, на которомъ игралъ лишь старшій изъ сыновей Ставрученко, музыкантъ по профессіи. Это воздержаніе дѣлало слѣпого еще болѣе незамѣтнымъ въ оживленномъ обществѣ, и мать съ сердечной болью слѣдила за темной фигурой сына, терявшагося среди общаго блеска и оживленія. Теперь, въ первый еще разъ Петръ смѣло и какъ будто даже не вполнѣ сознательно подходилъ къ своему обычному мѣсту... Казалось, онъ забылъ о присутствіи чужихъ. Впрочемъ, при входѣ молодыхъ людей въ гостиной стояла такая тишина, что слѣпой могъ считать комнату пустою...

Открывъ крышку, онъ слегка тронулъ клавиши и пробѣжалъ по нимъ нѣсколькими быстрыми, легкими аккордами. Казалось, онъ о чемъ то спрашивалъ не то у инструмента, не то у собственнаго настроенія.

Потомъ, вытянувъ на клавишахъ руки, онъ глубоко задумался, и тишина въ маленькой гостиной стала еще глубже.

Ночь глядѣла въ черныя отверстія оконъ; кое-гдѣ изъ сада заглядывали съ любопытствомъ зеленыя группы листьевъ, освѣщенныхъ свѣтомъ лампы. Гости, подготовленные только-что смолкшимъ смутнымъ рокотомъ піанино, отчасти охваченные вѣяніемъ страннаго вдохновенія, витавшаго надъ блѣднымъ лицомъ слѣпого, сидѣли въ молчаливомъ ожиданіи.

А Петръ все молчалъ, приподнявъ кверху слѣпые глаза, и все будто прислушивался къ чему-то. Въ его душѣ подымались, какъ расколыхавшіяся волны, самыя разнообразныя ощущенія. Приливъ невѣдомой жизни подхватывалъ его, какъ подхватываетъ волна на морскомъ берегу долго и мирно стоявшую на пескѣ лодку... На лицѣ виднѣлось удивленіе, вопросъ,—и еще какое-то особенное возбужденіе проходило по немъ быстрыми тѣнями. Слѣпые глаза казались глубокими и темными.

Одну минуту можно было подумать, что онъ не находитъ въ своей душѣ того, къ чему прислушивается съ такимъ жаднымъ вниманіемъ. Но потомъ, хотя все съ тѣмъ же удивленнымъ видомъ и все какъ будто не дождавшись чего-то, онъ дрогнулъ, тронулъ клавиши и, подхваченный новою волной нахлынувшаго чувства, отдался весь плавнымъ, звонкимъ и пѣвучимъ аккордамъ...

X.

Пользоваться нотами слѣпому вообще очень трудно. Онѣ отдавливаются, какъ и буквы, рельефомъ, при чемъ тоны обозначаются отдѣльными знаками и ставятся въ одинъ рядъ, какъ строчки книги. Чтобы обозначить тоны, соединенные въ аккордъ, между ними ставятся восклицательные знаки. Понятно, что слѣпому приходится заучивать ихъ наизусть, при томъ отдѣльно для каждой руки. Такимъ образомъ, это—очень сложная и трудная работа; однако, Петру и въ этомъ случаѣ по-

могала любовь къ отдѣльнымъ составнымъ частямъ этой работы. Заучивъ на память по нѣскольку аккордовъ для каждой руки, онъ садился за фортепьяно, и когда изъ соединенія этихъ выпуклыхъ іероглифовъ вдругъ, неожиданно для него самого, складывались стройныя созвучія, это доставляло ему такое наслажденіе и представляло столько живого интереса, что этимъ сухая работа скрашивалась и даже завлекала.

Тѣмъ не менѣе, между изображенною на бумагѣ пьесой и ея исполненіемъ ложилось, въ этомъ случаѣ, слишкомъ много промежуточныхъ процессовъ. Пока знакъ воплощался въ мелодію, онъ долженъ былъ пройти черезъ руки, закрѣпиться въ памяти и затѣмъ совершить обратный путь къ концамъ играющихъ пальцевъ. При этомъ сильно развитое музыкальное воображеніе слѣпого вмѣшивалось въ сложную работу заучиванія и налагало на чужую пьесу замѣтный личный отпечатокъ. Формы, въ какія успѣло отлиться музыкальное чувство Петра, были именно тѣ, въ какихъ ему впервые явилась мелодія, въ какія отливалась затѣмъ игра его матери. Это были формы народной музыки, которыя звучали постоянно въ его душѣ, которыми говорила этой душѣ родная природа.

И теперь, когда онъ игралъ какую-то итальянскую пьесу съ трепещущимъ сердцемъ и переполненною душой, въ его игрѣ съ первыхъ же аккордовъ сказалось что-то до такой степени своеобразное, что на лицахъ постороннихъ слушателей появилось удивленіе. Однако, черезъ нѣсколько минутъ очарованіе овладѣло всѣми

безраздѣльно, и только старшій изъ сыновей Ставру-ченка, музыкантъ по профессіи, долго еще вслушивался въ игру, стараясь уловить знакомую пьесу и анализи-руя своеобразную манеру піаниста.

Струны звенѣли и рокотали, наполняя гостиную и разносясь по смолкшему саду... Глаза молодежи свер-кали оживленіемъ и любопытствомъ. Ставрученко-отецъ сидѣлъ, свѣсивъ голову, и молчаливо слушалъ, но по-томъ сталъ воодушевляться все больше и больше, по-талкивалъ Максима локтемъ и шепталъ:

— Вотъ этотъ играетъ, такъ ужъ играетъ. Что? Не правду я говорю?

По мѣрѣ того, какъ звуки росли, старый спорщикъ сталъ вспоминать что-то, должно быть, свою молодость, потому что глаза его заискрились, лицо покраснѣло, весь онъ выпрямился и, приподнявъ руку, хотѣлъ даже ударить кулакомъ по столу, но удержался и опустилъ кулакъ безъ всякаго звука. Оглядѣвъ своихъ молод-цовъ быстрымъ взглядомъ, онъ погладилъ усы и, на-клонившись къ Максиму, прошепталъ:

— Хотятъ стариковъ въ архивъ... Брешутъ!.. Въ свое время и мы съ тобой, братику, тоже... Да и теперь еще... Правду я говорю или нѣтъ?

Максимъ, довольно равнодушный къ музыкѣ, на этотъ разъ чувствовалъ что-то новое въ игрѣ своего питомца и, окруживъ себя клубами дыма, слушалъ, качалъ голо-вой и переводилъ глаза съ Петра на Эвелину. Еще разъ какой-то порывъ непосредственной жизненной силы вры-вался въ его систему совсѣмъ не такъ, какъ онъ думалъ...

Анна Михайловна тоже кидала на дѣвушку вопросительные взгляды, спрашивая себя: что это,—счастіе или горе звучитъ въ игрѣ ея сына... Эвелина сидѣла въ тѣни отъ абажура, и только ея глаза, большіе и потемнѣвшіе, выдѣлялись въ полумракѣ. Она одна понимала эти звуки по своему: ей слышался въ нихъ звонъ воды въ старыхъ шлюзахъ и шопотъ черемухи въ потемнѣвшей аллеѣ.

XI.

Мотивъ давно уже измѣнился. Оставивъ итальянскую пьесу, Петръ отдался своему воображенію. Тутъ было все, что тѣснилось въ его воспоминаніи, когда онъ, за миниту передъ тѣмъ, молча и опустивъ голову, прислушивался къ впечатлѣніямъ изъ пережитого прошлаго. Тутъ были голоса природы, шумъ вѣтра, шопотъ лѣса, плескъ рѣки и смутный говоръ, смолкающій въ безвѣстной дали. Все это сплеталось и звенѣло на фонѣ того особеннаго глубокаго и расширяющаго сердце ощущенія, которое вызывается въ душѣ таинственнымъ говоромъ природы и которому такъ трудно подыскать настоящее опредѣленіе... Тоска?.. Но отчего же она такъ пріятна?.. Радость?.. Но зачѣмъ же она такъ глубока, такъ безконечно-грустна?

По временамъ звуки усиливались, выростали, крѣпли. Лицо музыканта дѣлалось странно суровымъ. Онъ какъ будто самъ удивлялся новой и для него силѣ этихъ неожиданныхъ мелодій и ждалъ еще чего-то... Казалось,

вотъ-вотъ нѣсколькими ударами все это сольется въ стройный потокъ могучей и прекрасной гармоніи, и въ такія минуты слушатели замирали отъ ожиданія. Но, не успѣвъ подняться, мелодія вдругъ падала съ какимъ-то жалобнымъ ропотомъ, точно волна, разсыпавшаяся въ пѣну и брызги, и еще долго звучали, замирая, ноты горькаго недоумѣнія и вопроса.

Слѣпой смолкалъ на минуту, и опять въ гостиной стояла тишина, нарушаемая только шопотомъ листьевъ въ саду. Обаяніе, овладѣвавшее слушателями и уносившее ихъ далеко за эти скромныя стѣны, разрушалось, и маленькая комната сдвигалась вокругъ нихъ, и ночь глядѣла къ нимъ въ темныя окна, пока, собравшись съ силами, музыкантъ не ударялъ вновь по клавишамъ.

И опять звуки крѣпли и искали чего-то, подымаясь въ своей полнотѣ, выше, сильнѣе... Въ неопредѣленный перезвонъ и говоръ аккордовъ вплетались мелодіи народной пѣсни, звучавшей то любовью и грустью, то воспоминаніемъ о минувшихъ страданіяхъ и славѣ, то молодою удалью разгула и надежды. Это слѣпой пробовалъ вылить свое чувство въ готовыя и хорошо знакомыя формы.

Но и пѣсня смолкала, дрожа въ тишинѣ маленькой гостиной тою же жалобною нотой неразрѣшеннаго вопроса.

XII.

Когда послѣднія ноты дрогнули смутнымъ недовольствомъ и жалобой, Анна Михайловна, взглянувъ въ лицо сына, увидала на немъ выраженіе, которое показалось ей знакомымъ; въ ея памяти всталъ солнечный день давней весны, когда ея ребенокъ лежалъ на берегу рѣки, подавленный слишкомъ яркими впечатлѣніями отъ возбуждающей весенней природы.

Но это выраженіе замѣтила только она. Въ гостиной поднялся шумный говоръ. Ставрученко-отецъ что-то громко кричалъ Максиму, молодые люди, еще взволнованные и возбужденные, пожимали руки музыканта, предсказывали ему широкую извѣстность артиста.

— Да, это вѣрно!—подтвердилъ старшій братъ.— Вамъ удалось удивительно усвоить самый характеръ народной мелодіи. Вы сжились съ нею и овладѣли ею въ совершенствѣ. Но, скажите, пожалуйста, какую это пьесу играли вы вначалѣ?

Петръ назвалъ итальянскую пьесу.

— Я такъ и думалъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.— Мнѣ она нѣсколько знакома... У васъ удивительно своеобразная манера. Многіе играютъ лучше вашего, но такъ, какъ вы, ее не исполнялъ еще никто. Это... какъ будто переводъ съ итальянскаго музыкальнаго языка на малорусскій. Вамъ нужна серьезная школа и тогда...

Слѣпой слушалъ внимательно. Впервые еще онъ сталъ центромъ этихъ оживленныхъ разговоровъ, и въ его душѣ зарождалось гордое сознаніе своей силы. Неужели эти

звуки, доставившіе ему на этотъ разъ столько неудовлетворенности и страданія, какъ еще никогда въ жизни,— могутъ производить на другихъ такое дѣйствіе? Итакъ, онъ можетъ тоже что-нибудь сдѣлать въ жизни. Онъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, съ рукой, еще вытянутой на клавіатурѣ, и подъ шумъ разговоровъ внезапно почувствовалъ на этой рукѣ чье-то горячее прикосновеніе. Это Эвелина подошла къ нему и, незамѣтно сжимая его пальцы, прошептала съ радостнымъ возбужденіемъ:

— Ты слышалъ? У тебя тоже будетъ своя работа.. Если бы ты видѣлъ, если бы зналъ, что ты можешь сдѣлать со всѣми нами...

Слѣпой вздрогнулъ и выпрямился.

Никто не замѣтилъ этой короткой сцены, кромѣ матери. Ея лицо вспыхнуло, какъ будто это ей былъ данъ первый поцѣлуй молодой любви.

Слѣпой все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ. Онъ боролся съ нахлынувшими на него впечатлѣніями новаго счастія, а можетъ быть, ощущалъ также приближеніе грозы, которая вставала уже безформенною и тяжелою тучей откуда-то изъ глубины мозга.

Глава VI.

I.

На другой день Петръ проснулся рано. Въ комнатѣ было тихо, въ домѣ тоже не начиналось еще движенiе дня. Въ окно, которое оставалось открытымъ па ночь, вливалась изъ сада свѣжесть ранняго утра. Не смотря на свою слѣпоту, Петръ отлично чувствовалъ природу. Онъ зналъ, что еще рано, что его окно открыто—шорохъ вѣтвей раздавался отчетливо и близко, ничѣмъ не отдѣленный и не прикрытый. Сегодня Петръ чувствовалъ все это особенно ясно: онъ зналъ даже, что въ комнату смотритъ солнце, и что если онъ протянетъ руку въ окно—то съ кустовъ посыплется роса. Кромѣ того, онъ чувствовалъ еще, что все его существо переполнено какимъ-то новымъ, неизвѣданнымъ ощущенiемъ.

Нѣсколько минутъ онъ лежалъ въ постели, прислушиваясь къ тихому щебетанью какой то пташки въ саду и къ странному чувству, нароставшему въ его сердцѣ.

„Что это было со мной?—подумалъ онъ и въ то же мгновенiе въ его памяти прозвучали слова, которыя она сказала вчера, въ сумерки, у старой мельницы: „Не-

ужели ты никогда не думалъ объ этомъ?.. Какой ты глупый!..“

Да, онъ никогда объ этомъ не думалъ. Ея близость доставляла ему наслажденіе, но до вчерашняго дня онъ не сознавалъ этого, какъ мы не ощущаемъ воздуха, которымъ дышимъ. Эти простыя слова упали вчера въ его душу, какъ падаетъ съ высоты камень на зеркальную поверхность воды: еще за минуту она была ровна и спокойно отражала свѣтъ солнца и синее небо... одинъ ударъ—и она всколебалась до самаго дна.

Теперь онъ проснулся съ обновленною душой, и она, его давняя подруга, являлась ему въ новомъ свѣтѣ. Вспоминая все, что произошло вчера, до малѣйшихъ подробностей, онъ прислушивался съ удивленіемъ къ тону ея „новаго“ голоса, который возстановило въ его памяти воображеніе. „Полюбила“... Какой ты глупый!..“

Онъ быстро вскочилъ, одѣлся и по росистымъ дорожкамъ сада побѣжалъ къ старой мельницѣ. Вода журчала, какъ вчера, и такъ же шептались кусты черемухи, только вчера было темно, а теперь стояло яркое солнечное утро. И никогда еще онъ „не чувствовалъ“ свѣта такъ ясно. Казалось, вмѣстѣ съ душистою сыростью, съ ощущеніемъ утренней свѣжести въ него проникли эти смѣющіеся лучи веселаго дня, щекотавшіе его нервы.

II.

Во всей усадьбѣ стало какъ-то свѣтлѣе и радостнѣе. Анна Михайловна какъ будто помолодѣла сама, Максимъ чаще шутилъ, хотя все же по временамъ изъ облаковъ дыма, точно раскаты проходящей стороною грозы, раздавалось его ворчаніе. Онъ говорилъ о томъ, что многіе, повидимому, считаютъ жизнь чѣмъ-то въ родѣ плохого романа, кончающагося свадьбой, и что есть на свѣтѣ много такого, о чемъ инымъ людямъ не мѣшало бы подумать. Панъ Попельскій, ставшій очень интереснымъ круглымъ человѣкомъ, съ ровно и красиво сѣдѣющими волосами и румянымъ лицомъ, всегда въ этихъ случаяхъ соглашался съ Максимомъ, вѣроятно, принимая эти слова на свой счетъ, и тотчасъ же отправлялся по хозяйству, которое у него, впрочемъ, шло отлично. Молодые люди усмѣхались и строили какіе-то планы. Петру предстояло доканчивать серьезно свое музыкальное образованіе.

Однажды, осенью, когда жнива были уже закончены и надъ полями, сверкая золотыми нитками на солнцѣ, лѣниво и томно носилось „бабье лѣто", Попельскіе всей семьей отправились къ Ставрученкамъ. Имѣніе Ставруково лежало верстахъ въ 70 отъ Попельскихъ, но мѣстность на этомъ разстояніи сильно мѣнялась: послѣдніе отроги Карпатъ, еще видные на Волыни и въ Прибужьи, исчезли и мѣстность переходила въ степную Украйну. На этихъ равнинахъ, перерѣзанныхъ кое-гдѣ оврагами, лежали, утопая въ садахъ и левадахъ, села, и кое-гдѣ

по горизонту, давно запаханныя и охваченная желтыми жнивами, рисовались высокія могилы.

Такія далекія путешествія были вообще не въ обычаѣ семьи. За предѣлами знакомаго села и ближайшихъ полей, которыя онъ изучилъ въ совершенствѣ, Петръ терялся, больше чувствовалъ свою слѣпоту и становился раздражителенъ и безпокоенъ. Теперь, впрочемъ, онъ охотно принялъ приглашеніе. Послѣ памятнаго вечера, когда онъ созналъ сразу свое чувство и просыпающуюся силу таланта, онъ какъ-то смѣлѣе относился къ темной и неопредѣленной дали, которою охватывалъ его внѣшній міръ. Она начинала тянуть его, все расширяясь въ его воображеніи.

Нѣсколько дней промелькнули очень живо. Петръ чувствовалъ себя теперь гораздо свободнѣе въ молодомъ обществѣ. Онъ съ жаднымъ вниманіемъ слушалъ умѣлую игру старшаго Ставрученка и разсказы о консерваторіи, о столичныхъ концертахъ. Его лицо вспыхивало каждый разъ, когда молодой хозяинъ переходилъ къ восторженнымъ похваламъ его собственному, необработанному, но сильному музыкальному чувству. Теперь онъ уже не стушевывался въ дальнихъ углахъ, а, какъ равный, хотя и нѣсколько сдержанно, вмѣшивался въ общіе разговоры. Недавняя еще холодная сдержанность и какъ бы настороженность Эвелины тоже исчезла. Она держала себя весело и непринужденно, восхищая всѣхъ небывалыми прежде вспышками неожиданнаго и яркаго веселья.

Верстахъ въ десяти отъ имѣнія находился старый N—скій монастырь, очень извѣстный въ томъ краѣ.

Когда-то онъ игралъ значительную роль въ мѣстной исторіи; не разъ его осаждали, какъ саранча, загоны татаръ, посылавшихъ черезъ стѣны тучи своихъ стрѣлъ, порой пестрые отряды поляковъ отчаянно лѣзли на стѣны, или, наоборотъ, казаки бурно кидались на приступъ, чтобы отбить твердыню у завладѣвшихъ ею королевскихъ жолнеровъ... Теперь старыя башни осыпались, стѣны кое-гдѣ замѣнились простымъ частоколомъ, защищавшимъ лишь монастырскіе огороды отъ нашествія предпріимчивой мужицкой скотины, а въ глубинѣ широкихъ рвовъ росло просо.

Однажды, въ ясный день ласковой и поздней осени хозяева и гости отправились въ этотъ монастырь. Максимъ и женщины ѣхали въ широкой старинной коляскѣ, качавшейся, точно большая ладья, на своихъ высокихъ рессорахъ. Молодые люди и Петръ въ томъ числѣ—отправились верхами.

Слѣпой ѣздилъ ловко и свободно, привыкнувъ прислушиваться къ топоту другихъ коней и къ шуршанію колесъ ѣдущаго впереди экипажа. Глядя на его свободную, смѣлую посадку, трудно было бы угадать, что этотъ всадникъ не видитъ дороги и лишь привыкъ такъ смѣло отдаваться инстинкту лошади. Анна Михайловна сначала робко оглядывалась, боясь чужой лошади и незнакомыхъ дорогъ, Максимъ посматривалъ искоса съ гордостью ментора и съ насмѣшкой мужчины надъ бабьими страхами.

— Знаете ли... — сказалъ, подъѣзжая къ коляскѣ, студентъ.—Мнѣ вотъ сейчасъ вспомнилась очень интересная могила, исторію которой мы узнали, роясь въ

монастырскомъ архивѣ. Если хотите, мы свернемъ туда. Это недалеко, на краю села.

— Отчего-же это вамъ приходятъ въ нашемъ обществѣ такія грустныя воспоминанія?—весело засмѣялась Эвелина.

— На этотъ вопросъ отвѣчу послѣ! Сворачивай къ Колоднѣ, къ левадѣ Остапа; тутъ у перелаза остановишься,—крикнулъ онъ кучеру и, повернувъ лошадь, поскакалъ къ своимъ отставшимъ товарищамъ.

Черезъ минуту, когда рыдванъ, шурша колесами въ мягкой пыли и колыхаясь, ѣхалъ узкимъ проселкомъ, молодые люди пронеслись мимо него и спѣшились впереди, привязавъ лошадей у плетня. Двое изъ нихъ пошли на встрѣчу, чтобы помочь дамамъ, а Петръ стоялъ, опершись на луку сѣдла и, по обыкновенію, склонивъ голову, прислушивался, стараясь по возможности опредѣлить свое положеніе въ незнакомомъ мѣстѣ.

Для него этотъ свѣтлый осенній день былъ темною ночью, только оживленною яркими звуками дня. Онъ слышалъ на дорогѣ шуршаніе приближающейся кареты и веселыя шутки встрѣчавшей ее молодежи. Около него лошади, звеня стальными наборами уздечекъ, тянули головы за плетень, къ высокому бурьяну огорода... Гдѣ-то, недалеко, вѣроятно надъ грядами, слышалась тихая пѣсня, лѣниво и задумчиво вѣявшая по легкому вѣтру. Шелестѣли листья сада, гдѣ-то скрипѣлъ аистъ, слышалось хлопанье крыльевъ и крикъ какъ-будто внезапно о чемъ-то вспомнившаго пѣтуха, легкій визгъ „журавля“ надъ колодцемъ—во всемъ этомъ сказывалась близость деревенскаго рабочаго дня.

И дѣйствительно, они остановились у плетня крайняго сада... Изъ болѣе отдаленныхъ звуковъ господствующимъ былъ размѣренный звонъ монастырскаго колокола, высокій и тонкій. По звуку ли этого колокола, по тому ли, какъ тянулъ вѣтеръ, или еще по какимъ-то, можетъ быть и ему самому неизвѣстнымъ, признакамъ, Петръ чувствовалъ, что гдѣ-то въ той сторонѣ, за монастыремъ, мѣстность внезапно обрывается, быть можетъ надъ берегомъ рѣчки, за которой далеко раскинулась равнина съ неопредѣленными, трудно уловимыми звуками тихой жизни. Звуки эти долетали до него отрывочно и слабо, давая ему слуховое ощущеніе дали, въ которой мелькаетъ что-то затянутое, неясное, какъ для насъ мелькаютъ очертанія далей въ вечернемъ туманѣ...

Вѣтеръ шевелилъ прядь волосъ, свѣсившуюся изъ-подъ его шляпы и тянулся мимо его уха, какъ протяжный звонъ эоловой арфы. Какія то смутныя воспоминанія бродили въ его памяти; минуты изъ далекаго дѣтства, которыя воображеніе выхватывало изъ забвенія прошлаго, оживали въ видѣ вѣяній, прикосновеній и звуковъ... Ему казалось, что этотъ вѣтеръ, смѣшанный съ дальнимъ звономъ и обрывками пѣсни, говоритъ ему какую-то грустную старую сказку о прошломъ этой земли или о его собственномъ прошломъ, или о его будущемъ, неопредѣленномъ и темномъ.

Черезъ минуту подъѣхала коляска, всѣ вышли и, переступивъ черезъ перелазъ въ плетнѣ, пошли въ леваду. Здѣсь, въ углу, заросшая травой и бурьяномъ, лежала широкая, почти вросшая въ землю каменная плита. Зе-

леные листья репейника съ пламенно-розовыми головками цвѣтовъ, широкій лопухъ, высокій куколь на тонкихъ стебляхъ, выдѣлялись изъ травы и тихо качались отъ вѣтра, и Петру былъ слышенъ ихъ смутный шопотъ надъ заросшею могилой.

— Мы только недавно узнали о существованіи этого памятника,—сказалъ молодой Ставрученко,—а между тѣмъ, знаете ли, кто лежитъ подъ нимъ?—Славный когда-то „лыцарь“, старый ватажко Игнатъ Карый...

— Такъ вотъ ты гдѣ успокоился, старый разбойникъ?—сказалъ Максимъ задумчиво.—Какъ онъ попалъ сюда въ Колодню?

— Въ 17... году казаки съ татарами осаждали этотъ монастырь, занятый польскими войсками... Вы знаете, татары были всегда опасными союзниками... Вѣроятно, осажденнымъ удалось какъ-нибудь подкупить мирзу, и ночью татары кинулись на казаковъ, одновременно съ поляками. Здѣсь, около Колодни, произошла въ темнотѣ жестокая сѣча. Кажется, что татары были разбиты и монастырь все-таки взятъ, но казаки потеряли въ ночномъ бою своего атамана.

— Въ этой исторіи,—продолжалъ молодой человѣкъ задумчиво,—есть еще другое лицо, хоть мы напрасно искали здѣсь другой плиты. Судя по старой записи, которую мы нашли въ монастырѣ, рядомъ съ Каримъ похороненъ молодой бандуристъ... слѣпой, сопровождавшій атамана въ походахъ...

— Слѣпой? въ походахъ?—испуганно произнесла

Анна Михайловна, которой сейчасъ же представился ея мальчикъ въ страшной ночной сѣчѣ.

— Да, слѣпой. Повидимому, это былъ славный на Запорожьи пѣвецъ... такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ о немъ запись, излагающая на своеобразномъ польско-малорусско-церковномъ языкѣ всю эту исторію. Позвольте, я, кажется, помню ее на память: „А съ нимъ славетный поэта козацкій, Юрко, нигды ни оставлявшій Караго и отъ щирого сердца онымъ любимый. Котораго убивши сила поганьская и того Юрко посѣкла нечестно, обычаемъ своей поганьской вѣры, не маючи зваги на колѣцтво и великій талентъ до складу пѣсеннаго и до гры струннои, одъ якои даже и волцы на степу размягчиться могли-бъ, но поганьцы не пошановали въ ночномъ нападѣ. И ту положены рядомъ пѣвецъ и рыцарь, коимъ по честнымъ концѣ незаводная и вѣчная слава вовѣки аминь“...

— Плита довольно широкая,—сказалъ кто-то.—Можетъ быть, они лежатъ здѣсь оба...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, но надписи съѣдены мхами... Посмотрите, вотъ вверху булава и бунчукъ. А дальше все зелено отъ лишаевъ.

— Постойте,—сказалъ Петръ, слушавшій весь разсказъ съ захватывающимъ волненіемъ.

Онъ подошелъ къ плитѣ, нагнулся надъ нею, и его тонкіе пальцы впились въ зеленый слой лишайниковъ на поверхности плиты. Сквозь него онъ прощупывалъ твердые выступы камня.

Такъ онъ сидѣлъ съ минуту, съ поднятымъ лицомъ и сдвинутыми бровями. Потомъ онъ началъ читать:

...„Игнатій прозваніемъ Карій... року божого... постръленъ изъ сайдака стрѣлою татарскою“...

— Это и мы могли еще разобрать,—сказалъ студентъ. Пальцы слѣпого, нервно напряженные и изогнутые въ суставахъ, спускались все ниже.

— „Котораго убивши“...

— „Сила поганьская“... — живо подхватилъ студентъ,—эти слова стояли въ описаніи смерти Юрка... значитъ, правда: и онъ тутъ-же подъ одной плитой...

— Да, — „сила поганьская“ — прочиталъ Петръ,— дальше все исчезло... постойте, вотъ еще: „порубанъ шаблями татарскими“... кажется, еще какое-то слово... но нѣтъ, больше ничего не сохранилось.

Дѣйствительно, дальше всякая память о бандуристѣ терялась въ широкой язвѣ полуторастолѣтней плиты...

Нѣсколько секундъ стояло глубокое молчаніе, нарушаемое только шорохомъ листьевъ. Оно было прервано протяжнымъ, благоговѣйнымъ вздохомъ. Это Остапъ, хозяинъ левады и собственникъ по праву давности послѣдняго жилища стараго атамана, подошелъ къ господамъ и съ великимъ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ молодой человѣкъ съ неподвижными глазами, устремленными кверху, разбиралъ ощупью слова, скрытыя отъ зрячихъ сотнями годовъ, дождями и непогодами.

— Сыла господняя,—сказалъ онъ, глядя на Петра съ благоговѣніемъ.—Сыла божая открывае сліпенькому, чего зрячіи не бачуть очіма.

— Понимаете ли теперь, панночка, почему мнѣ вспомнился этотъ Юрко-бандуристъ, — спросилъ студентъ, когда старая коляска опять тихо двигалась по пыльной дорогѣ, направляясь къ монастырю.—Мы съ братомъ удивлялись, какъ могъ слѣпой сопровождать Карого съ его летучими отрядами. Допустимъ, что въ то время онъ былъ уже не кошевой, а простой ватажко. Извѣстно, однако, что онъ всегда начальствовалъ отрядомъ конныхъ казаковъ-охотниковъ, а не простыми гайдамаками. Обыкновенно бандуристы были старцы нищіе, ходившіе отъ села къ селу съ сумой и пѣсней... Только сегодня, при взглядѣ на вашего Петра, въ моемъ воображеніи какъ-то сразу встала фигура слѣпого Юрка, съ бандурой, вмѣсто рушницы за спиной, и верхомъ на лошади...

— И можетъ быть онъ участвовалъ въ битвахъ... Въ походахъ во всякомъ случаѣ, и въ опасностяхъ также...—продолжалъ молодой человѣкъ задумчиво.— Какія бывали времена на нашей Украйнѣ!

— Какъ это ужасно,—вздохнула Анна Михайловна.

— Какъ это было хорошо,—возразилъ молодой человѣкъ...

— Теперь ничего подобнаго не бываетъ,—рѣзко сказалъ Петръ, подъѣхавшій тоже къ экипажу. Поднявъ брови и насторожившись къ топоту сосѣднихъ лошадей, онъ заставилъ свою лошадь идти рядомъ къ коляской... Его лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, выдавая глубокое внутреннее волненіе...—Теперь все это уже исчезло,—повторилъ онъ.

— Что должно было исчезнуть—исчезло,—сказалъ

Максимъ какъ-то холодно...—Они жили по своему, вы ищите своего..

— Вамъ хорошо говорить,—отвѣтилъ студентъ,—вы взяли свое у жизни...

— Ну, и жизнь взяла у меня мое,—усмѣхнулся старый гарибальдіецъ, глядя на свои костыли.

Потомъ, помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Вздыхалъ и я когда-то о сѣчи, объ ея бурной поэзіи и волѣ... Былъ даже у Садыка въ Турціи *).

— И что-же?—спросили молодые люди живо.

— Вылѣчился, когда увидѣлъ ваше „вольное казачество" на службѣ у турецкаго деспотизма... Историческій маскарадъ и шарлатанство!.. Я понялъ, что исторія выкинула уже всю эту ветошь на задворки и что главное не въ этихъ красивыхъ формахъ, а въ цѣляхъ... Тогда-то я и отправился въ Италію. Даже не зная языка этихъ людей, я былъ готовъ умереть за ихъ стремленія.

Максимъ говорилъ серьезно и съ какою-то искренней важностью. Въ бурныхъ спорахъ, которые происходили у отца Ставрученка съ сыновьями, онъ обыкновенно не принималъ участія и только посмѣивался, благодушно улыбаясь на апелляціи къ нему молодежи, считавшей его своимъ союзникомъ. Теперь, самъ затронутый отголосками этой трогательной драмы, такъ внезапно ожившей для всѣхъ надъ старымъ мшистымъ

---

*) Чайковскій, украинецъ-романтикъ, извѣстный подъ имонемъ Садыка-паши, мечталъ организовать казачество, какъ самостоятельную политическую силу въ Турціи...

камнемъ, онъ чувствовалъ, кромѣ того, что этотъ эпизодъ изъ прошлаго страннымъ образомъ коснулся въ лицѣ Петра близкаго имъ всѣмъ настоящаго.

На этотъ разъ молодые люди не возражали,--можетъ быть, подъ вліяніемъ живого ощущенія, пережитаго за нѣсколько минутъ въ левадѣ Остапа,—могильная плита такъ ясно говорила о смерти прошлаго, — а быть можетъ, подъ вліяніемъ импонирующей искренности стараго ветерана...

— Что же остается намъ?—спросилъ студентъ послѣ минутнаго молчанія.

— Та же вѣчная борьба.

— Гдѣ? Въ какихъ формахъ?

— Ищите,—отвѣтилъ Максимъ кратко.

Разъ оставивъ свой обычный, слегка насмѣшливый тонъ, Максимъ, очевидно, былъ расположенъ говорить серьезно. А для серьезнаго разговора на эту тему теперь уже не оставалось времени... Коляска подъѣхала къ воротамъ монастыря, и студентъ, наклонясь, придержалъ за поводъ лошадь Петра, на лицѣ котораго, какъ въ открытой книгѣ, виднѣлось глубокое волненіе.

III.

Въ монастырѣ обыкновенно смотрѣли старинную церковь и взбирались на колокольню, откуда открывался далекій видъ. Въ ясную погоду старались увидѣть бѣлыя пятнышки губернскаго города и излучины Днѣпра на горизонтѣ.

Солнце уже склонялось, когда маленькое общество подошло къ запертой двери колокольни, оставивъ Максима на крыльцѣ одной изъ монашескихъ келій. Молодой, тонкій послушникъ, въ рясѣ и остроконечной шапкѣ, стоялъ подъ сводомъ, держась одной рукой за замокъ запертой двери... Невдалекѣ, точно распуганная стая птицъ, стояла кучка дѣтей; было видно, что между молодымъ послушникомъ и этой стайкой рѣзвыхъ ребятъ происходило недавно какое-то столкновеніе. По его нѣсколько воинственной позѣ и по тому, какъ онъ держался за замокъ, можно было заключить, что дѣти хотѣли проникнуть на колокольню, вслѣдъ за господами, а послушникъ отгонялъ ихъ. Его лицо было сердито и блѣдно, только на щекахъ пятнами выдѣлялся румянецъ.

Глаза молодого послушника были какъ-то странно неподвижны... Анна Михайловна первая замѣтила выраженіе этого лица и глазъ и нервно схватила за руку Эвелину.

— Слѣпой,—прошептала дѣвушка съ легкимъ испугомъ.

— Тише,—отвѣтила мать,—и еще... Ты замѣчаешь?

— Да...

Трудно было не замѣтить въ лицѣ послушника страннаго сходства съ Петромъ. Та же нервная блѣдность, тѣ же чистые, но неподвижные зрачки, то же безпокойное движеніе бровей, настороживавшихся при каждомъ новомъ звукѣ и бѣгавшихъ надъ глазами, точно щупальцы у испуганнаго насѣкомаго... Его черты были грубѣе, вся фигура угловатѣе,—но тѣмъ рѣзче

выступало сходство. Когда онъ глухо закашлялся, схватившись руками за впалую грудь,—Анна Михайловна смотрѣла на него широко раскрытыми глазами, точно передъ ней вдругъ появился призракъ...

Переставъ кашлять, онъ отперъ дверь и, остановясь на порогѣ, спросилъ нѣсколько надтреснутымъ голосомъ:

— Ребятъ нѣтъ? Кышь, проклятые!—мотнулся онъ въ ихъ сторону всѣмъ тѣломъ и потомъ, пропуская впередъ молодыхъ людей, сказалъ голосомъ, въ которомъ слышалась какая-то вкрадчивость и жадность:

— Звонарю пожертвуете сколько-нибудь?.. Идите осторожно,—темно...

Все общество стало подыматься по ступенямъ. Анна Михайловна, которая прежде колебалась передъ неудобнымъ и крутымъ подъемомъ, теперь съ какою-то покорностью пошла за другими.

Слѣпой звонарь заперъ дверь... Свѣтъ исчезъ, и лишь черезъ нѣкоторое время Анна Михайловна, робко стоявшая внизу, пока молодежь, толкаясь, подымалась по извилинамъ лѣстницы,—могла разглядѣть тусклую струйку сумеречнаго свѣта, лившуюся изъ какого-то косого пролета въ толстой каменной кладкѣ. Противъ этого луча слабо свѣтилось нѣсколько пыльныхъ, неправильной формы камней.

— Дядько, дядюшка, пустить,—раздались изъ-за двери тонкіе голоса дѣтей. - Пустить, дядюшка, хорошій!

Звонарь сердито кинулся къ двери и неистово застучалъ кулаками по желѣзной обшивкѣ.

— Пошли, пошли, проклятые... Чтобъ васъ гро-

момъ убило, — кричалъ онъ, хрипя и какъ-то захлебываясь отъ злости...

— Слѣпой чортъ,—отвѣтили вдругъ нѣсколько звонкихъ голосовъ, и за дверью раздался быстрый топотъ десятка босыхъ ногъ...

Звонарь прислушался и перевелъ духъ.—Погибели на васъ нѣтъ... на проклятыхъ... чтобъ васъ всѣхъ передушила хвороба... Охъ, Господи! Господи ты Боже мой! Вскую мя оставилъ еси... — сказалъ онъ вдругъ совершенно другимъ голосомъ, въ которомъ слышалось отчаяніе изстрадавшагося и глубоко измученнаго человѣка.

— Кто здѣсь?.. Зачѣмъ остался? — рѣзко спросилъ онъ, наткнувшись на Анну Михайловну, застывшую у первыхъ ступенекъ.

— Идите, идите. Ничего,—прибавилъ онъ мягче. — Постойте, держитесь за меня... Пожертвованіе съ вашей стороны звонарю будетъ? — опять спросилъ онъ прежнимъ непріятно вкрадчивымъ тономъ.

Анна Михайловна вынула изъ кошелька и въ темнотѣ подала ему бумажку. Слѣпой быстро выхватилъ ее изъ протянутой къ нему руки и, подъ тусклымъ лучомъ, къ которому они уже успѣли подняться, она видѣла, какъ онъ приложилъ бумажку къ щекѣ и сталъ водить по ней пальцемъ. Странно освѣщенное и блѣдное лицо, такъ похожее на лицо ея сына, исказилось вдругъ выраженіемъ наивной и жадной радости.

— Вотъ за это спасибо, вотъ спасибо. Столбовка настоящая... Я думалъ—вы на смѣхъ... посмѣяться надъ слѣпенькимъ... Другіе, бываетъ, смѣются...

Все лицо бѣдной женщины было залито слезами. Она быстро отерла ихъ и пошла кверху, гдѣ, точно паденіе воды за стѣной, слышались гулкіе шаги и смѣшанные голоса опередившей ее компаніи.

На одномъ изъ поворотовъ молодые люди остановились. Они поднялись уже довольно высоко, и въ узкое окно, вмѣстѣ съ болѣе свѣжимъ воздухомъ, проникала болѣе чистая, хотя и разсѣянная струйка свѣта. Подъ ней, на стѣнѣ, довольно гладкой въ этомъ мѣстѣ, роились какія-то надписи. Это были по большей части имена посѣтителей.

Обмѣниваясь веселыми замѣчаніями, молодые люди находили фамиліи своихъ знакомыхъ.

— А вотъ и сентенція,—замѣтилъ студентъ и прочиталъ съ нѣкоторымъ трудомъ: „Мнози суть начинающіи, кончающіи же вмалѣ“... — Очевидно, дѣло идетъ объ этомъ восхожденіи,—прибавилъ онъ шутливо.

— Понимай, какъ хочешь,—грубо отвѣтилъ звонарь, поворачиваясь къ нему ухомъ, и его брови заходили быстро и тревожно.—Тутъ еще стихъ есть, пониже. Вотъ бы тебѣ прочитать...

— Гдѣ стихъ? Нѣтъ никакого стиха.

— Ты вотъ знаешь, что нѣтъ, а я тебѣ говорю, что есть. Отъ васъ, зрячихъ, тоже сокрыто многое...

Онъ спустился на двѣ ступеньки внизъ и, пошаривъ рукой въ темнотѣ, гдѣ уже терялись послѣдніе слабые отблески дневного луча, сказалъ:

— Вотъ тутъ. Хорошій стихъ, да безъ фонаря не прочитаете...

Петръ поднялся къ нему и, проведя рукой по стѣнѣ, легко разыскалъ суровый афоризмъ, врѣзанный въ стѣну какимъ-то, можетъ быть, болѣе столѣтія уже умершимъ человѣкомъ:

Помни смертный часъ,
Помни трубный гласъ,
Помни съ жизнію разлуку,
Помни вѣчную муку...

— Тоже сентенція,—попробовалъ пошутить студентъ Ставрученко, но шутка какъ-то не вышла.

— Не нравится,—ехидно сказалъ звонарь.—Конечно, ты еще человѣкъ молодой, а тоже... кто знаетъ. Смертный часъ приходитъ, яко тать въ нощи... — Хорошій стихъ,—прибавилъ онъ опять, какъ-то по другому... — „Помни смертный часъ, помни трубный гласъ...“ Да, что-то вотъ тамъ будетъ,—закончилъ онъ опять довольно злобно.

Еще нѣсколько ступеней, и они всѣ вышли на первую площадку колокольни. Здѣсь было уже довольно высоко, но отверстіе въ стѣнѣ вело еще болѣе неудобнымъ проходомъ выше. Съ послѣдней площадки видъ открылся широкій и восхитительный. Солнце склонилось на западъ къ горизонту, по низинѣ легла длинная тѣнь, на востокѣ лежала тяжелая туча, даль терялась въ вечерней дымкѣ, и только кое-гдѣ косые лучи выхватывали у синихъ тѣней то бѣлую стѣну мазаной хатки, то загорѣвшееся рубиномъ оконце, то живую искорку на крестѣ дальней колокольни.

Всѣ притихли. Высокій вѣтеръ, чистый и свободный

отъ испареній земли, тянулся въ пролеты, шевеля веревки и, заходя въ самые колокола, вызывалъ по временамъ протяжные отголоски. Они тихо шумѣли глубокимъ металлическимъ шумомъ, за которымъ ухо ловило что-то еще, точно отдаленную невнятную музыку или глубокіе вздохи мѣди. Отъ всей разстилавшейся внизу картины вѣяло тихимъ спокойствіемъ и глубокимъ миромъ.

Но тишина, водворившаяся среди небольшого общества, имѣла еще другую причину. По какому-то общему побужденію, вѣроятно вытекавшему изъ ощущенія высоты и своей безпомощности, оба слѣпые подошли къ угламъ пролетовъ и стали, опершись на нихъ обѣими руками, повернувъ лица на встрѣчу тихому вечернему вѣтру.

Теперь ни отъ кого уже не ускользнуло странное сходство. Звонарь былъ нѣсколько старше; широкая ряса висѣла складками на тощемъ тѣлѣ, черты лица были грубѣе и рѣзче. При внимательномъ взглядѣ въ нихъ проступали и различія: звонарь былъ блондинъ, носъ у него былъ нѣсколько горбатый, губы тоньше, чѣмъ у Петра. Надъ губами пробивались усы и кудрявая бородка окаймляла подбородокъ. Но въ жестахъ, въ нервныхъ складкахъ губъ, въ постоянномъ движеніи бровей было то удивительное, какъ бы родственное сходство, вслѣдствіе котораго многіе горбуны тоже напоминаютъ другъ друга лицомъ, какъ братья.

Лицо Петра было нѣсколько спокойнѣе. Въ немъ виднѣлась привычная грусть, которая у звонаря усили-

валась острою желчностію и порой озлобленіемъ. Впрочемъ, теперь и онъ видимо успокаивался. Ровное вѣяніе вѣтра какъ бы разглаживало на его лицѣ всѣ морщины, разливая по немъ тихій міръ, лежавшій на всей скрытой отъ незрячихъ взоровъ картинѣ... Брови шевелились все тише и тише.

Но вотъ, онѣ опять дрогнули, одновременно у обоихъ, какъ будто оба заслышали внизу какой-то звукъ изъ долины, неслышный никому другому.

— Звонятъ,—сказалъ Петръ.

— Это у Егорья за пятнадцать верстъ,—пояснилъ звонарь.—У нихъ всегда на полчаса раньше нашего вечерня... А ты слышишь? Я тоже слышу,—другіе не слышатъ...

— Хорошо тутъ,—продолжалъ онъ мечтательно.—Особливо въ праздникъ. Слыхали вы, какъ я звоню?

Въ вопросѣ звучало наивное тщеславіе.

— Пріѣзжайте послушать. Отецъ Памфилій... Вы не знаете отца Памфилія? Онъ для меня нарочито эти два подголоска выписалъ.

Онъ отдѣлился отъ стѣны и любовно погладилъ рукой два небольшихъ колокола, еще не успѣвшихъ потемнѣть, какъ другіе.

— Славные подголоски... Такъ тебѣ и поютъ, такъ и поютъ... Особливо подъ Пасху...

Онъ взялъ въ руки веревки и быстрыми движеніями пальцевъ заставилъ задрожать оба колокола мелкою мелодическою дробью; прикосновенія языковъ были такъ слабы и вмѣстѣ такъ отчетливы, что перезвонъ былъ

слышенъ всѣмъ, но звукъ навѣрное не распространялся дальше площадки колокольни.

— А тутъ тебѣ вотъ этотъ — бу-ухъ, бу-ухъ, бу-ухъ...

Теперь его лицо освѣтилось дѣтскою радостью, въ которой, однако, было что-то жалкое и больное.

— Колокола-то вотъ выписалъ,—сказалъ онъ со вздохомъ,—а шубу новую не сошьетъ. Скупой! Простылъ я на колокольнѣ... Осенью всего хуже... Холодно...

Онъ остановился и, прислушавшись, сказалъ:

— Хромой васъ кличетъ снизу. Ступайте, пора вамъ.

— Пойдемъ,—первая поднялась Эвелина, до тѣхъ поръ неподвижно глядѣвшая на звонаря, точно завороженная.

Молодые люди двинулись къ выходу, звонарь остался наверху. Петръ, шагнувшій было вслѣдъ за матерью, круто остановился.

— Идите,—сказалъ онъ ей повелительно.—Я сейчасъ.

Шаги стихли, только Эвелина, пропустившая впередъ Анну Михайловну, осталась, прижавшись къ стѣнѣ и затаивъ дыханіе.

Слѣпые считали себя одинокими на вышкѣ. Нѣсколько секундъ они стояли, неловкіе и неподвижные, къ чему-то прислушиваясь.

— Кто здѣсь?—спросилъ затѣмъ звонарь.

— Я...

— Ты тоже слѣпой?

— Слѣпой. А ты давно ослѣпъ?—спросилъ Петръ.

— Родился такимъ,—отвѣтилъ звонарь.—Вотъ другой,

есть у насъ, Романъ—тотъ семи лѣтъ ослѣпъ... А ты ночь ото дня отличить можешь-ли?

— Могу.

— И я могу. Чувствую, брезжитъ. Романъ не можетъ, а ему всетаки легче.

— Почему легче?—живо спросилъ Петръ.

— Почему? Не знаешь почему? Онъ свѣтъ видалъ, свою матку помнитъ. Понялъ ты: заснетъ ночью, она къ нему во снѣ и приходитъ... Только она старая теперь, а снится ему все молодая... А тебѣ снится-ли?

— Нѣтъ,—глухо отвѣтилъ Петръ.

— То-то нѣтъ. Это дѣло бываетъ, когда кто ослѣпъ А кто ужъ такъ родился!..

Петръ стоялъ сумрачный и потемнѣвшій, точно на лицо его надвинулась туча. Брови звонаря тоже вдругъ поднялись высоко надъ глазами, въ которыхъ виднѣлось такъ знакомое Эвелинѣ выраженіе слѣпого страданія...

— И то согрѣшаешь не однажды. Господи, Создателю, Божья матерь, Пречистая!.. Дайте вы мнѣ хотъ во снѣ одинъ разъ свѣтъ-радость увидать...

Лицо его передернулось судорогой, и онъ сказалъ съ прежнимъ желчнымъ выраженіемъ:

— Такъ нѣтъ, не даютъ... Приснится что-то, забрезжитъ, а встанешь, не помнишь...

Онъ вдругъ остановился и прислушался. Лицо его поблѣднѣло, и какое-то судорожно злое выраженіе исказило всѣ черты.

— Чертенятъ впустили,—сказалъ онъ со злостію въ голосѣ.

Дѣйствительно, снизу изъ узкаго прохода, точно шумъ наводненія, неслись шаги и крики дѣтей. На одно мгновеніе все стихло, вѣроятно толпа выбѣжала на среднюю площадку, и шумъ выливался наружу. Но затѣмъ темный проходъ загудѣлъ, какъ труба, и мимо Эвелины, перегоняя другъ друга, пронеслась веселая гурьба дѣтей. У верхней ступеньки они остановились на мгновеніе, но затѣмъ одинъ за другимъ стали шмыгать мимо слѣпого звонаря, который съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ совалъ наудачу сжатыми кулаками, стараясь попасть въ кого нибудь изъ бѣжавшихъ.

Въ проходѣ вынырнуло вдругъ изъ темноты новое лицо. Это былъ, очевидно, Романъ. Лицо его было широко, изрыто оспой и чрезвычайно добродушно. Закрытыя вѣки скрывали впадины глазъ, на губахъ играла добродушная улыбка. Пройдя мимо прижавшейся къ стѣнѣ дѣвушки, онъ поднялся на площадку. Размахнувшаяся рука его товарища попала ему сбоку въ шею.

— Братъ! — окликнулъ онъ пріятнымъ, груднымъ голосомъ.—Егорій,—опять воюешь?

Они столкнулись и ощупали другъ друга.

— Зачѣмъ бісенятъ впустивъ? — спросилъ Егорій по-малорусски, все еще со злостью въ голосѣ.

— Нехай собі,—благодушно отвѣтилъ Романъ...— Пташки божіи. Ось якъ ты ихъ налякавъ. Де вы тутъ бісенята...

Дѣти сидѣли по угламъ у рѣшотокъ, притаившись,

и ихъ глаза сверкали лукавствомъ, а отчасти страхомъ.

Эвелина, неслышно ступая въ темнотѣ, сошла уже до половины перваго прохода, когда за ней раздались увѣренные шаги обоихъ слѣпыхъ, а сверху донесся радостный визгъ и крики ребятъ, кинувшихся цѣлою стаей на оставшагося съ ними Романа.

Компанія тихо выѣзжала изъ монастырскихъ воротъ, когда съ колокольни раздался первый ударъ. Это Романъ зазвонилъ къ вечернѣ.

Солнце сѣло, коляска катилась по потемнѣвшимъ полямъ, провожаемая ровными, меланхолическими ударами, замиравшими въ синихъ сумеркахъ вечера.

Всѣ молчали всю дорогу до самаго дома. Вечеромъ долго не было видно Петра. Онъ сидѣлъ гдѣ-то въ темномъ углу сада, не откликаясь на призывы даже Эвелины, и прошелъ ощупью въ комнату, когда всѣ легли...

IV.

Попельскіе прожили еще нѣсколько дней у Ставрученковъ. Къ Петру по временамъ возвращалось его недавнее настроеніе, онъ бывалъ оживленъ и по своему веселъ, пробовалъ играть на новыхъ для него инструментахъ, коллекція которыхъ у старшаго изъ сыновей Ставрученка была довольно обширна и которые очень занимали Петра—каждый со своимъ особеннымъ голосомъ, способнымъ выражать особенные оттѣнки чувства. Но все-же въ немъ была замѣтна какая-то омра-

ченность, и минуты обычнаго состоянія духа казались вспышками, на общемъ все болѣе темнѣющемъ фонѣ.

Точно по безмолвному уговору никто не возвращался къ эпизоду въ монастырѣ, и вся эта поѣздка какъ будто выпала у всѣхъ изъ памяти и забылась. Однако, было замѣтно, что она запала глубоко въ сердце слѣпого. Всякій разъ, оставшись наединѣ или въ минуты общаго молчанія, когда его не развлекали разговоры окружающихъ, Петръ глубоко задумывался, и на лицѣ его ложилось выраженіе какой-то горечи. Это было знакомое всѣмъ выраженіе, но теперь оно казалось болѣе рѣзкимъ и... сильно напоминало слѣпого звонаря.

За фортепіано, въ минуты наибольшей непосредственности, въ его игру часто вплетался теперь мелкій перезвонъ колоколовъ и протяжные вздохи мѣди на высокой колокольнѣ... И то, о чемъ никто не рѣшался заговорить,—ясно вставало у всѣхъ въ воображеніи: мрачные переходы, тонкая фигура звонаря съ чахоточнымъ румянцемъ, его злые окрики и желчный ропотъ на судьбу... А затѣмъ оба слѣпца въ одинаковыхъ позахъ на вышкѣ, съ одинаковымъ выраженіемъ лицъ, съ одинаковыми движеніями чуткихъ бровей... То, что близкіе до сихъ поръ считали личной особенностью Петра, теперь являлось общей печатью темной стихіи, простиравшей свою таинственную власть одинаково на всѣхъ своихъ жертвъ.

— Послушай, Аня,—спросилъ Максимъ у сестры по возвращеніи домой.—Не знаешь ли ты, что случилось во время нашей поѣздки?.. Я вижу, что мальчикъ измѣнился именно съ этого дня.

— Ахъ, это все изъ-за встрѣчи со слѣпымъ,—отвѣтила Анна Михайловна со вздохомъ.

Она недавно еще отослала въ монастырь двѣ теплыхъ бараньи шубы и деньги съ письмомъ къ отцу Памфилію, прося его облегчить по возможности участь обоихъ слѣпцовъ. У нея, вообще, было доброе сердце, но сначала она забыла о Романѣ, и только Эвелина напомнила ей, что слѣдовало позаботиться объ обоихъ. „Ахъ, да, да, конечно“,—отвѣтила Анна Михайловна, но было видно, что ея мысли заняты однимъ. Къ ея жгучей жалости примѣшивалось отчасти суевѣрное чувство: ей казалось, что этой жертвой она умилостивитъ какую-то темную силу, уже надвигающуюся мрачною тѣнью надъ головой ея ребенка...

— Съ какимъ слѣпымъ?—переспросилъ Максимъ съ удивленіемъ.

— Да съ этимъ... на колокольнѣ...

Максимъ сердито стукнулъ костылемъ.

— Какое проклятье—быть безногимъ чурбаномъ? Ты забываешь, что я не лазаю по колокольнямъ, а отъ бабъ видно не добьешься толку. Эвелина, попробуй хоть ты сказать разумно, что-же такое было на колокольнѣ?

— Тамъ,—тихо отвѣтила тоже поблѣднѣвшая за эти дни дѣвушка,—есть слѣпой звонарь... И онъ...

Она остановилась. Анна Михайловна закрыла ладонями пылающее лицо, по которому текли слезы.

— И онъ очень похожъ на Петра...

— И вы мнѣ ничего не сказали! Ну, что-же дальше?

Это еще не достаточная причина для трагедій, Аня,— прибавилъ онъ съ мягкимъ укоромъ.

— Ахъ, это такъ ужасно, — отвѣтила Анна Михайловна тихо.

— Что-же ужасно? Что онъ похожъ на твоего сына?

Эвелина многозначительно посмотрѣла на старика, и онъ смолкъ. Черезъ нѣсколько минутъ Анна Михайловна вышла, а Эвелина осталась со своей всегдашней работой въ рукахъ.

— Ты сказала не все?—спросилъ Максимъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да. Когда всѣ сошли внизъ, Петръ остался. Онъ велѣлъ тетѣ Анѣ (она такъ называла Попельскую съ дѣтства) уйти за всѣми, а самъ остался со слѣпымъ. И я... тоже осталась.

— Подслушивать?—сказалъ старый педагогъ почти машинально.

— Я не могла... уйти...—отвѣтила Эвелина тихо.— Они разговаривали другъ съ другомъ, какъ...

— Какъ товарищи по несчастію?

— Да, какъ слѣпые... Потомъ Егоръ спросилъ у Петра, видитъ-ли онъ во снѣ мать? Петръ говоритъ: „не вижу". И тотъ тоже не видитъ. А другой слѣпецъ, Романъ, видитъ во снѣ свою мать молодою, хотя она уже старая...

— Такъ! Что-же дальше?

Эвелина задумалась и потомъ, поднимая на старика свои синіе глаза, въ которыхъ теперь виднѣлась борьба и страданіе, сказала:

— Тотъ, Романъ, добрый и спокойный. Лицо у него грустное, но не злое... Онъ родился зрячимъ... А другой... Онъ очень страдаетъ,—вдругъ свернула она.

— Говори, пожалуйста, прямо,—нетерпѣливо перебилъ Максимъ,—другой озлобленъ?..

— Да. Онъ хотѣлъ прибить дѣтей и проклиналъ ихъ. А Романа дѣти любятъ...

— Золъ и похожъ на Петра... понимаю,—задумчиво сказалъ Максимъ.

Эвелина еще помолчала и затѣмъ, какъ будто эти слова стоили ей тяжелой внутренней борьбы, проговорила совсѣмъ тихо:

— Лицомъ оба не похожи... черты другія. Но въ выраженіи... Мнѣ казалось, что прежде у Петра бывало выраженіе немножко, какъ у Романа, а теперь все чаще виденъ тотъ, другой... и еще... Я боюсь, я думаю...

— Чего ты боишься? Поди сюда, моя умная крошка,—сказалъ Максимъ съ необычной нѣжностью. И когда она, ослабѣвая отъ этой ласки, подошла къ нему со слезами на глазахъ, онъ погладилъ ея шелковистые волосы своей большой рукой и сказалъ:

— Что же ты думаешь? Скажи. Ты, я вижу, умѣешь думать.

— Я думаю, что... онъ считаетъ теперь, что... всѣ слѣпорожденные злые. И онъ увѣрилъ себя, что онъ тоже... непремѣнно...

— Да, вотъ что... — проговорилъ Максимъ, вдругъ отнимая руку...—Дай мнѣ мою трубку, голубушка... Вонъ она тамъ, на окнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ надъ его головой взвились синіе клубы табачнаго дыма.

— Гм... да... плохо, — ворчалъ онъ про себя... — Я ошибся. Аня была права: можно грустить и страдать о томъ, чего не испыталъ ни разу. А теперь къ инстинкту присоединилось сознаніе, и оба пойдутъ въ одномъ направленіи. Проклятый случай... А впрочемъ, шила, какъ говорится, въ мѣшкѣ не спрячешь... Все гдѣ нибудь выставится...

Онъ совсѣмъ потонулъ въ сизыхъ облакахъ... Въ квадратной головѣ старика кипѣли какія-то мысли и новыя рѣшенія...

V.

Пришла зима. Выпалъ глубокій снѣгъ и покрылъ дороги, поля, деревни. Усадьба стояла вся бѣлая, на деревьяхъ лежали пушистые хлопья, точно садъ опять распустился бѣлыми листьями... Въ большомъ каминѣ потрескивалъ огонь, каждый входящій со двора вносилъ съ собою свѣжесть и запахъ мягкаго снѣга...

Поэзія перваго зимняго дня была по своему доступна слѣпому. Просыпаясь утромъ, онъ ощущалъ всегда особенную бодрость и узнавалъ приходъ зимы по топанью людей, входящихъ въ кухню, по скрипу дверей, по острымъ едва уловимымъ струйкамъ, разбѣгавшимся по всему дому, по скрипу шаговъ на дворѣ, по особенной „холодности“ всѣхъ наружныхъ звуковъ. И когда онъ выѣзжалъ съ Іохимомъ по первопутку въ поле,—то слушалъ

съ наслажденіемъ звонкій скрипъ саней и какія-то гулкія щелканья, которыми лѣсъ изъ-за рѣчки обмѣнивался съ дорогой и полемъ.

На этотъ разъ первый бѣлый день повѣялъ на него только большею грустью. Надѣвъ съ утра высокіе сапоги, онъ пошелъ, прокладывая рыхлый слѣдъ по дѣвственнымъ еще дорожкамъ,—къ мельницѣ.

Въ саду было совершенно тихо. Смерзшаяся земля, покрытая пушистымъ мягкимъ слоемъ, совершенно смолкла, не отдавая звуковъ: за то воздухъ сталъ какъ-то особенно чутокъ, отчетливо и полно перенося на далекія разстоянія и крикъ вороны, и ударъ топора, и легкій трескъ обломавшейся вѣтки... По временамъ слышался странный звонъ, точно отъ стекла, переходившій на самыя высокія ноты и замиравшій, какъ будто въ огромномъ удаленіи. Это мальчишки кидали камни на деревенскомъ пруду, покрывшемся къ утру тонкой пленкой перваго льда.

Въ усадьбѣ прудъ тоже замерзъ, но рѣчка у мельницы, отяжелѣвшая и темная, все еще сочилась въ своихъ пушистыхъ берегахъ и шумѣла на шлюзахъ.

Петръ подошелъ къ плотинѣ и остановился, прислушиваясь. Звонъ воды былъ другой—тяжелѣе и безъ мелодіи. Въ немъ какъ будто чувствовался холодъ помертвѣвшихъ окрестностей...

Въ душѣ Петра тоже было холодно и сумрачно. Темное чувство, которое еще въ тотъ счастливый вечеръ поднималось изъ глубины души какимъ-то опасеніемъ, неудовлетворенностью и вопросомъ, теперь разрослись и

заняло въ душѣ мѣсто, прежде принадлежавшее ощущеніямъ радости и счастья.

Эвелины въ усадьбѣ не было. Яскульскіе собрались съ осени къ „благодѣтельницѣ“, старой графинѣ Потоцкой, которая непремѣнно требовала, чтобы старики привезли также дочь. Эвелина сначала противилась, но потомъ уступила настояніямъ отца, къ которымъ очень энергично присоединился и Максимъ.

Теперь Петръ, стоя у мельницы, вспоминалъ свои прежнія ощущенія, старался возстановить ихъ прежнюю полноту и цѣльность и спрашивалъ себя, чувствуетъ ли онъ ея отсутствіе. Онъ его чувствовалъ, но сознавалъ также, что и присутствіе ея не даетъ ему счастія, а приноситъ особенное страданіе, которое безъ нея нѣсколько притупилось.

Еще такъ недавно въ его ушахъ звучали ея слова, вставали всѣ подробности перваго объясненія, онъ чувствовалъ подъ руками ея шелковистые волосы, слышалъ у своей груди удары ея сердца. И изъ всего этого складывался какой-то образъ, наполнявшій его радостью. Теперь что-то безформенное, какъ тѣ призраки, которые населяли его темное воображеніе, ударило въ этотъ образъ мертвящимъ дуновеніемъ, и онъ разлетѣлся. Онъ уже не могъ соединить свои воспоминанія въ ту гармоничную цѣльность чувства, которая переполняла его въ первое время. Ужъ съ самаго начала на днѣ этого чувства лежало зернышко чего-то другого, и теперь это „другое“ разстилалось надъ нимъ, какъ стелется грозовая туча по горизонту.

Звуки ея голоса угасли, и на мѣстѣ яркихъ впечатлѣній счастливаго вечера зіяла пустота. А на встрѣчу этой пустотѣ изъ самой глубины души слѣпого подымалось что-то съ тяжелымъ усиліемъ, чтобы ее заполнить.

Онъ хотѣлъ ее видѣть!

Прежде онъ только чувствовалъ тупое душевное страданіе, но оно откладывалось въ душѣ неясно, тревожило смутно, какъ ноющая зубная боль, на которую мы еще не обращаемъ вниманія.

Встрѣча съ слѣпымъ звонаремъ придала этой боли остроту сознаннаго страданія...

Онъ ее полюбилъ и хотѣлъ ее видѣть!

Такъ шли дни за днями въ притихшей и занесенной снѣгомъ усадьбѣ.

По временамъ, когда мгновенія счастья вставали передъ нимъ, живыя и яркія, Петръ нѣсколько оживлялся, и лицо его прояснялось. Но это бывало не надолго, а современемъ даже эти свѣтлыя минуты приняли какой-то безпокойный характеръ: казалось, слѣпой боялся, что онѣ улетятъ и никогда уже не вернутся. Это дѣлало его обращеніе неровнымъ: минуты порывистой нѣжности и сильнаго нервнаго возбужденія смѣнялись днями подавленной безпросвѣтной печали. Въ темной гостиной по вечерамъ рояль плакала и надрывалась глубокою и болѣзненною грустью, и каждый ея звукъ отзывался болью въ сердцѣ Анны Михайловны. Наконецъ, худшія ея опасенія сбылись: къ юношѣ вернулись тревожные сны его дѣтства.

Однимъ утромъ Анна Михайловна вошла въ комнату

сына. Онъ еще спалъ, но его сонъ былъ какъ-то странно тревоженъ: глаза полуоткрылись и тускло глядѣли изъ-подъ приподнятыхъ вѣкъ, лицо было блѣдно и на немъ виднѣлось выраженіе безпокойства.

Мать остановилась, окидывая сына внимательнымъ взглядомъ, стараясь открыть причину странной тревоги. Но она видѣла только, что эта тревога все выростаетъ, и на лицѣ спящаго обозначается все яснѣе выраженіе напряженнаго усилія.

Вдругъ ей почудилось надъ постелью какое-то едва уловимое движеніе. Яркій лучъ ослѣпительнаго зимняго солнца, ударявшій въ стѣну надъ самымъ изголовьемъ, будто дрогнулъ и слегка скользнулъ внизъ. Еще и еще... свѣтлая полоска тихо прокрадывалась къ полуоткрытымъ глазамъ, и по мѣрѣ ея приближенія безпокойство спящаго все возрастало.

Анна Михайловна стояла неподвижно, въ состояніи, близкомъ къ кошмару, и не могла оторвать испуганнаго взгляда отъ огненной полосы, которая, казалось ей, легкими, но все же замѣтными толчками все ближе надвигается къ лицу ея сына. И это лицо все больше блѣднѣло, вытягивалось, застывало въ выраженіи тяжелаго усилія. Вотъ желтоватый отблескъ заигралъ въ волосахъ, затеплился на лбу юноши. Мать вся подалась впередъ, въ инстинктивномъ стремленіи защитить его, но ноги ея не двигались, точно въ настоящемъ кошмарѣ. Между тѣмъ, вѣки спящаго совсѣмъ приподнялись, въ неподвижныхъ зрачкахъ заискрились лучи, и голова замѣтно отдѣлилась отъ подушки, на встрѣчу свѣта. Что-

то въ родѣ улыбки или плача пробѣжало судорожною вспышкой по губамъ, и все лицо опять застыло въ неподвижномъ порывѣ.

Наконецъ, мать побѣдила оковавшую ея члены неподвижность и, подойдя къ постели, положила руку на голову сына. Онъ вздрогнулъ и проснулся.

— Ты, мама?—спросилъ онъ.

— Да, это я.

Онъ приподнялся. Казалось, тяжелый туманъ застилалъ его сознаніе. Но черезъ минуту онъ сказалъ:

— Я опять видѣлъ сонъ... Я теперь часто вижу сны, но... ничего не помню...

VI.

Безпросвѣтная грусть смѣнялась въ настроеніи юноши раздражительною нервностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастала замѣчательная тонкость его ощущеній. Слухъ его чрезвычайно обострился; свѣтъ онъ ощущалъ всѣмъ своимъ организмомъ, и это было замѣтно даже ночью: онъ могъ отличать лунныя ночи отъ темныхъ и нерѣдко долго ходилъ по двору, когда всѣ въ домѣ спали, молчаливый и грустный, отдаваясь странному дѣйствію мечтательнаго и фантастическаго луннаго свѣта. При этомъ его блѣдное лицо всегда поворачивалось за плывшимъ по синему небу огненнымъ шаромъ, и глаза отражали искристый отблескъ холодныхъ лучей.

Когда же этотъ шаръ, все выроставшій по мѣрѣ приближенія къ землѣ, подергивался тяжелымъ краснымъ

туманомъ и тихо скрывался за снѣжнымъ горизонтомъ, лицо слѣпого становилось спокойнѣе и мягче, и онъ уходилъ въ свою комнату.

О чемъ онъ думалъ въ эти долгія ночи, трудно сказать. Въ извѣстномъ возрастѣ каждый, кто только извѣдалъ радости и муки вполнѣ сознательнаго существованія, переживаетъ въ большей или меньшей степени состояніе душевнаго кризиса Останавливаясь на рубежѣ дѣятельной жизни, человѣкъ старается опредѣлить свое мѣсто въ природѣ, свое значеніе, свои отношенія къ окружающему міру. Это своего рода „мертвая точка", и благо тому, кого размахъ жизненной силы проведетъ черезъ нее безъ крупной ломки У Петра этотъ душевный кризисъ еще осложнялся: къ вопросу: „зачѣмъ жить на свѣтѣ?"—онъ прибавлялъ: „зачѣмъ жить именно слѣпому?" Наконецъ, въ самую эту работу нерадостной мысли вдвигалось еще что-то постороннее, какое-то почти физическое давленіе неутоленной потребности, и это отражалось на складѣ его характера.

Передъ Рождествомъ Яскульскіе вернулись, и Эвелина, живая и радостная, со снѣгомъ въ волосахъ и вся обвѣянная свѣжестью и холодомъ, прибѣжала изъ посессорскаго хутора въ усадьбу и кинулась обнимать Анну Михайловну, Петра и Максима. Въ первыя минуты лицо Петра освѣтилось неожиданною радостію, но затѣмъ на немъ появилось опять выраженіе какой-то упрямой грусти.

— Ты думаешь, я люблю тебя?—рѣзко спросилъ онъ въ тотъ же день, оставшись наединѣ съ Эвелиной.

— Я въ этомъ увѣрена,—отвѣтила дѣвушка.

Ну, а я не знаю,—угрюмо возразилъ слѣпой.—Да, я не знаю. Прежде и я былъ увѣренъ, что люблю тебя больше всего на свѣтѣ, но теперь не знаю. Оставь меня, послушайся тѣхъ, кто зоветъ тебя къ жизни, пока не поздно.

— Зачѣмъ ты мучишь меня? — вырвалась у нея тихая жалоба.

— Мучу?—переспросилъ юноша, и опять на его лицѣ появилось выраженіе упрямаго эгоизма.

— Ну да, мучу. И буду мучить такимъ образомъ всю жизнь, и не могу не мучить. Я самъ не зналъ этого, а теперь знаю. И я не виноватъ. Та самая рука, которая лишила меня зрѣнія, когда я еще не родился, вложила въ меня эту злобу... Мы всѣ такіе, рожденные слѣпыми. Оставь меня... бросьте меня всѣ, потому что я могу дать одно страданіе взамѣнъ любви... Я хочу видѣть—понимаешь? хочу видѣть и не могу освободиться отъ этого желанія. Если бъ я могъ хоть разъ, хоть во снѣ увидѣть небо и землю, солнце... Если бъ я могъ увидѣть такимъ образомъ мать, отца, тебя и Максима, я былъ бы доволенъ... Я запомнилъ бы, унесъ бы это воспоминаніе въ темноту всей остальной жизни...

И онъ съ замѣчательнымъ упорствомъ возвращался къ этой идеѣ. Оставаясь наединѣ, онъ бралъ въ руки различные предметы, ощупывалъ ихъ съ небывалою внимательностью и потомъ, отложивъ ихъ въ сторону, старался вдумываться въ изученныя формы. Точно такъ же вдумывался онъ въ тѣ различія яркихъ цвѣтныхъ

поверхностей, которыя, при напряженной чуткости нервной системы, онъ смутно улавливалъ посредствомъ осязанія. Но все это проникало въ его сознаніе именно только какъ различія, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но безъ опредѣленнаго чувственнаго содержанія. Теперь даже солнечный день онъ отличалъ отъ ночной темноты лишь потому, что дѣйствіе яркаго свѣта, проникавшаго къ мозгу недоступными сознанію путями, только сильнѣе раздражало его мучительные порывы.

VII.

Однажды, войдя въ гостиную, Максимъ засталъ тамъ Эвелину и Петра. Дѣвушка казалась смущенной. Лицо юноши было мрачно. Казалось, разыскивать новыя причины страданія и мучить ими себя и другихъ стало для него чѣмъ-то въ родѣ потребности.

— Вотъ онъ спрашиваетъ, — сказала Эвелина Максиму, — что можетъ означать выраженіе „красный звонъ“? Я не могу ему объяснить.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Максимъ коротко, обращаясь къ Петру.

Тотъ пожалъ плечами.

— Ничего особеннаго. Но если у звуковъ есть цвѣта, и я ихъ не вижу, то, значитъ, даже звуки недоступны мнѣ во всей полнотѣ.

— Пустяки и ребячество, отвѣтилъ Максимъ рѣзко.— И ты самъ хорошо знаешь, что это неправда. Звуки доступны тебѣ въ большей полнотѣ, чѣмъ намъ.

— Но что же значитъ это выраженіе?.. Вѣдь должно же оно обозначать что-нибудь?

Максимъ задумался.

— Это простое сравненіе,—сказалъ онъ.—Такъ какъ и звукъ, и свѣтъ, въ сущности, сводятся къ движенію, то у нихъ должно быть много общихъ свойствъ.

— Какія же тутъ разумѣются свойства?—продолжалъ упрямо допрашивать слѣпой.—„Красный“ звонъ... какой онъ именно?

Максимъ задумался.

Ему пришло въ голову объясненіе, сводящееся къ относительнымъ цифрамъ колебаній, но онъ зналъ, что юношѣ нужно не это. При томъ же, тотъ, кто первый употребилъ свѣтовой эпитетъ въ примѣненіи къ звуку, навѣрное не зналъ физики, а, между тѣмъ, уловилъ какое-то сходство. Въ чемъ же оно заключается?

Въ умѣ старика зародилось нѣкоторое представленіе.

— Погоди,—сказалъ онъ.—Не знаю, впрочемъ, удастся ли мнѣ объяснить тебѣ, какъ слѣдуетъ... Что такое красный звонъ, ты можешь узнать не хуже меня: ты слышалъ его не разъ въ городахъ, въ большіе праздники, только въ нашемъ краю не принято это выраженіе...

— Да, да, погоди,—сказалъ Петръ, быстро открывая піанино.

Онъ ударилъ своею умѣлою рукой по клавишамъ, подражая праздничному колокольному трезвону. Иллюзія была полная. Аккордъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ тоновъ составлялъ какъ бы фонъ поглубже, а на немъ

выдѣлялись, прыгая и колеблясь, высшія ноты, болѣе подвижныя и яркія. Въ общемъ это былъ именно тотъ высокій и возбужденно-радостный гулъ, который заполняетъ собою праздничный воздухъ.

— Да,—сказалъ Максимъ,—это очень похоже, и мы, съ открытыми глазами, не сумѣли бы усвоить это лучше тебя. Вотъ, видишь ли... когда я смотрю на большую красную поверхность, она производитъ на мой глазъ такое же безпокойное впечатлѣніе чего-то упруго-волнующагося. Кажется, будто эта краснота мѣняется: оставляя подъ собой болѣе глубокій, темный фонъ, она кое-гдѣ выдѣляется болѣе свѣтлыми, быстро всплывающими и такъ же быстро упадающими взмахами, волнами, которыя очень сильно дѣйствуютъ на глазъ,—по крайней мѣрѣ, на мой глазъ.

— Это вѣрно, вѣрно! — живо сказала Эвелина.—Я чувствую то же самое и не могу долго смотрѣть на красную суконную скатерть...

— Такъ же, какъ иные не выносятъ праздничнаго трезвона. Пожалуй, что мое сравненіе и вѣрно, и мнѣ даже приходитъ въ голову дальнѣйшее сопоставленіе: существуетъ также „малиновый“ звонъ, какъ и малиновый цвѣтъ. Оба они очень близки къ красному, но только глубже, ровнѣе и мягче. Когда колокольчикъ долго былъ въ употребленіи, то онъ, какъ говорятъ, любители, вызванивается. Въ его звукѣ исчезаютъ неровности, рѣжущія ухо, и тогда то звонъ этотъ зовутъ малиновымъ. Того же эффекта достигаютъ умѣлымъ подборомъ нѣсколькихъ подголосковъ.

Подъ руками Петра піанино зазвенѣло взмахами почтовыхъ колокольчиковъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Максимъ.—Я бы сказалъ, что это слишкомъ красно...

— А, помню!

И инструментъ зазвенѣлъ ровнѣе. Начавшись высоко, оживленно и ярко, звуки становились все глубже и мягче. Такъ звонитъ наборъ колокольцовъ подъ дугой русской тройки, удаляющейся по пыльной дорогѣ въ вечернюю безвѣстную даль, тихо, ровно, безъ громкихъ вздоховъ, все тише и тише, пока послѣднія ноты не замрутъ въ молчаніи спокойныхъ полей.

— Вотъ-вотъ!—сказалъ Максимъ.—Ты понялъ разницу. Когда-то—ты былъ еще ребенкомъ,—мать пыталась объяснить тебѣ звуками краски.

— Да, я помню... Зачѣмъ ты запретилъ намъ тогда продолжать? Можетъ быть, мнѣ удалось бы понять.

— Нѣтъ,—задумчиво отвѣтилъ старикъ,—ничего бы не вышло. Впрочемъ, я думаю, что вообще на извѣстной душевной глубинѣ впечатлѣнія отъ цвѣтовъ и отъ звуковъ откладываются уже, какъ однородныя. Мы говоримъ: онъ видитъ все въ розовомъ свѣтѣ. Это значитъ, что человѣкъ настроенъ радостно. То же настроеніе можетъ быть вызвано извѣстнымъ сочетаніемъ звуковъ. Вообще, звуки и цвѣта являются символами одинаковыхъ душевныхъ движеній.

Старикъ закурилъ свою трубку и внимательно посмотрѣлъ на Петра. Слѣпой сидѣлъ неподвижно и, оче-

видно, жадно ловилъ слова Максима. „Продолжать ли?"— подумалъ старикъ, но черезъ минуту началъ какъ-то задумчиво, будто невольно отдаваясь странному направленію своихъ мыслей:

— Да, да! Странныя мысли приходятъ мнѣ въ голову... Случайность это или нѣтъ, что кровь у насъ красная. Видишь ли... когда въ головѣ твоей рождается мысль, когда ты видишь свои сны, отъ которыхъ, проснувшись, дрожишь и плачешь, когда человѣкъ весь вспыхиваетъ отъ страсти,—это значитъ, что кровь бьетъ изъ сердца сильнѣе и приливаетъ алыми ручьями къ мозгу. Ну, и она у насъ красная...

— Красная... горячая... — сказалъ юноша вдумчиво.

— Именно—красная и горячая. И вотъ, красный цвѣтъ, какъ и „красные" звуки, оставляютъ въ нашей душѣ свѣтъ, возбужденіе и представленія о страсти, которую такъ и называютъ „горячею", кипучею, жаркою. Замѣчательно что и художники считаютъ красноватые тоны „горячими".

Затянувшись и окруживъ себя клубами дыма, Максимъ продолжалъ:

— Если ты взмахнешь рукой надъ своею головой, ты очертишь надъ ней полукругъ. Теперь представь себѣ, что рука у тебя безконечно длинна. Если бы ты могъ тогда взмахнуть ею, то очертилъ бы полукругъ въ безконечномъ отдаленіи... Такъ же далеко видимъ мы надъ собой полушаровой сводъ неба; оно ровно, безконечно и сине... Когда мы видимъ его такимъ, въ душѣ является ощущеніе спокойствія и ясности. Когда же небо закро-

ютъ тучи взволнованными и мутными очертаніями, тогда и наша душевная ясность возмущается неопредѣленнымъ волненіемъ. Ты вѣдь чувствуешь, когда приближается грозная туча...

— Да, я чувствую, какъ будто что-то смущаетъ душу...

— Это вѣрно. Мы ждемъ, когда изъ-за тучъ проглянетъ опять эта глубокая синева. Гроза пройдетъ, а небо надъ нею останется все то же: мы это знаемъ и потому спокойно пережидаемъ грозу. Такъ вотъ, небо синее... Море тоже сине, когда спокойно. У твоей матери синіе глаза, у Эвелины тоже.

— Какъ небо...—сказалъ слѣпой съ внезапно проснувшейся нѣжностію.

— Да. Голубые глаза считаются признакомъ ясной души. Теперь я скажу тебѣ о зеленомъ цвѣтѣ. Земля сама по себѣ черна, черны или сѣры стволы деревьевъ весной; но какъ только теплые и свѣтлые лучи разогрѣютъ темныя поверхности, изъ нихъ ползутъ кверху зеленая трава, зеленые листья. Для зелени нужны свѣтъ и тепло, но только не слишкомъ много тепла и свѣта. Оттого зелень такъ пріятна для глаза. Зелень— это какъ будто тепло въ смѣшеніи съ сырою прохладой: она возбуждаетъ представленіе о спокойномъ довольствѣ, здоровьи, но не о страсти и не о томъ, что люди называютъ счастіемъ.. Понялъ-ли ты?

— Н-нѣтъ... не ясно... но все же, пожалуйста, говори дальше.

— Ну, что же дѣлать!.. Слушай дальше. Когда лѣто разгорается все жарче, зелень какъ будто изнемогаетъ

отъ избытка жизненной силы, листья въ истомѣ опускаются книзу и, если солнечный зной не умѣряется сырою прохладой дождя, зелень можетъ совсѣмъ поблекнуть. За то къ осени, среди усталой листвы наливается и алѣетъ плодъ. Плодъ краснѣе на той сторонѣ, гдѣ больше свѣта; въ немъ какъ будто сосредоточена вся сила жизни, вся страсть растительной природы. Ты видишь, что красный цвѣтъ и здѣсь—цвѣтъ страсти и онъ служитъ ея символомъ. Это цвѣтъ упоенія, грѣха, ярости, гнѣва и мести. Народныя массы во времена мятежей ищутъ выраженія общаго чувства въ красномъ знамени, которое развѣвается надъ ними, какъ пламя...

Но вѣдь ты опять не понимаешь.

— Все равно, продолжай!

— Наступаетъ поздняя осень. Плодъ отяжелѣлъ; онъ срывается и падаетъ на землю... Онъ умираетъ, но въ немъ живетъ сѣмя, а въ этомъ сѣмени живетъ въ „возможности“ и все будущее растеніе, съ его будущею роскошною листвой и съ его новымъ плодомъ. Сѣмя падаетъ на землю; а надъ землей низко подымается уже холодное солнце, бѣжитъ холодный вѣтеръ, несутся холодныя тучи... Не только страсть, но и самая жизнь замираютъ тихо, незамѣтно... Земля все больше проступаетъ изъ-подъ зелени своей чернотой, въ небѣ господствуютъ холодные тоны... И вотъ наступаетъ день, когда на эту смирившуюся и притихшую, будто овдовѣвшую землю падаютъ милліоны снѣжинокъ, и вся она становится ровна, одноцвѣтна, холодна и... бѣла. Бѣлый цвѣтъ—это цвѣтъ холоднаго снѣга, цвѣтъ высочайшихъ

облаковъ, которыя плывутъ въ недосягаемомъ холодѣ поднебесныхъ высотъ, — цвѣтъ величавыхъ и безплодныхъ горныхъ вершинъ... Это — эмблема безстрастія и холодной, высокой святости, эмблема будущей безплотной жизни Что же касается чернаго цвѣта...

— Знаю, — перебилъ слѣпой. — Это — нѣтъ звуковъ, нѣтъ движеній... ночь...

— Да, и потому, это—эмблема печали и смерти...

Петръ вздрогнулъ и сказалъ глухо:

— Ты самъ сказалъ: смерти. А вѣдь для меня все черно... всегда и всюду черно!

— Неправда,—рѣзко отвѣтилъ Максимъ, — для тебя существуютъ звуки, тепло, движеніе... ты окруженъ любовью... Многіе отдали бы свѣтъ очей за то, чѣмъ ты пренебрегаешь, какъ безумецъ... Но ты слишкомъ эгоистично носишься со своимъ горемъ...

— Да!—воскликнулъ Петръ страстно,—я ношусь съ нимъ поневолѣ: куда же мнѣ уйти отъ него, когда оно всюду со мной?

— Если бы ты могъ понять, что на свѣтѣ есть горе во сто разъ больше твоего, — такое горе, въ сравненіи съ которымъ твоя жизнь, обезпеченная и окруженная участіемъ, можетъ быть названа блаженствомъ,—тогда...

— Неправда, неправда! — гнѣвно перебилъ слѣпой тѣмъ же тономъ страстнаго возбужденія.—Я помѣнялся бы съ послѣднимъ нищимъ, потому что онъ счастливѣе меня. Да и слѣпыхъ вовсе не нужно окружать заботой: это большая ошибка... Слѣпыхъ нужно выводить на дорогу и оставлять тамъ, — пусть просятъ милостыню.

Если бъ я былъ просто нищимъ, я былъ бы менѣе несчастенъ. Съ утра я думалъ бы о томъ, чтобы достать обѣдъ, считалъ бы подаваемыя копѣйки и боялся бы, что ихъ мало. Потомъ радовался бы удачному сбору, потомъ старался бы собрать на ночлегъ. А если бъ это не удалось, я страдалъ бы отъ голода и холода... и все это не оставляло бы мнѣ ни минуты и... и... отъ лишеній я страдалъ бы менѣе, чѣмъ страдаю теперь...

— Ты думаешь?—спросилъ Максимъ холодно и посмотрѣлъ въ сторону Эвелины. Во взглядѣ старика мелькнуло сожалѣніе и участіе. Дѣвушка сидѣла серьезная и блѣдная.

— Увѣренъ, — отвѣтилъ Петръ упрямо и жестко.— Я теперь часто завидую Егору, тому, что на колокольнѣ. Часто, просыпаясь подъ утро, особенно, когда на дворѣ метель и вьюга, я вспоминаю Егора: вотъ онъ подымается на свою вышку...

— Ему холодно,—подсказалъ Максимъ.

— Да ему холодно, онъ дрожитъ и кашляетъ. И онъ проклинаетъ Памфилія, который не заведетъ ему шубы. Потомъ онъ беретъ иззябшими руками веревки и звонитъ къ заутренѣ. И забываетъ, что онъ слѣпой... Потому что тутъ было бы холодно и не слѣпому... А я не забываю и мнѣ...

— И тебѣ не за что проклинать!..

— Да! мнѣ не за что проклинать! Моя жизнь наполнена одной слѣпотой. Никто не виноватъ, но я несчастнѣе всякаго нищаго...

— Не стану спорить,—холодно сказалъ старикъ.—

Можетъ быть, это и правда. Во всякомъ случаѣ, если тебѣ и было бы хуже, то, можетъ быть, самъ ты былъ бы лучше.

Онъ еще разъ бросилъ взглядъ сожалѣнія въ сторону дѣвушки и вышелъ изъ комнаты, стуча костылями.

Душевное состояніе Петра послѣ этого разговора еще обострилось, и онъ еще болѣе погрузился въ свою мучительную работу.

Иногда ему удавалось: онъ находилъ на мгновеніе тѣ ощущенія, о которыхъ говорилъ Максимъ, и они присоединялись къ его пространственнымъ представленіямъ. Темная и грустная земля уходила куда-то вдаль: онъ мѣрялъ ее и не находилъ ей конца. А надъ нею было что-то другое... Въ воспоминаніи прокатывался гулкій громъ, вставало представленіе о шири и небесномъ просторѣ. Потомъ громъ смолкалъ, но что-то тамъ, вверху, оставалось — что-то, рождавшее въ душѣ ощущеніе величія и ясности. Порой это ощущеніе опредѣлялось: къ нему присоединялся голосъ Эвелины и матери, „у которыхъ глаза, какъ небо“; тогда возникающій образъ, выплывшій изъ далекой глубины воображенія и слишкомъ опредѣлившійся, вдругъ исчезалъ, переходя въ другую область.

Всѣ эти темныя представленія мучили и неудовлетворяли. Они стоили большихъ усилій и были такъ неясны, что въ общемъ онъ чувствовалъ лишь неудовлетворенность и тупую душевную боль, которая сопровождала всѣ потуги больной души, тщетно стремившейся возстановить полноту своихъ ощущеній.

VIII.

Подошла весна.

Верстахъ въ шестидесяти отъ усадьбы Попельскихъ въ сторону, противоположную отъ Ставрученковъ, въ небольшомъ городишкѣ, была чудотворная католическая икона. Знатоки дѣла опредѣлили съ полною точностью ея чудодѣйственную силу: всякій, кто приходилъ къ иконѣ въ день ея праздника пѣшкомъ, пользовался „двадцатью днями отпущенія", т. е. всѣ его беззаконія, совершонныя въ теченіе двадцати дней, должны были идти на томъ свѣтѣ на смарку. Поэтому каждый годъ, ранней весной, въ извѣстный день небольшой городокъ оживлялся и становился неузнаваемъ. Старая часовня принаряжалась къ своему празднику первою зеленью и первыми весенними цвѣтами, надъ городомъ стоялъ радостный звонъ колокола, грохотали „брички" пановъ, и богомольцы располагались густыми толпами по улицамъ, на площадяхъ и даже далеко въ полѣ. Тутъ были не одни католики. Слава N—ской иконы гремѣла далеко, и къ ней приходили также недугующіе и огорченные православные, преимущественно изъ городского класса.

Въ самый день праздника по обѣ стороны „каплицы" народъ вытянулся по дорогѣ несмѣтною пестрою вереницей. Тому, кто посмотрѣлъ бы на это зрѣлище съ вершины одного изъ холмовъ, окружавшихъ мѣстечко, могло бы показаться, что это гигантскій змѣй растянулся по дорогѣ около часовни и лежитъ тутъ неподвижно, по временамъ только пошевеливая матовою чешуей раз-

ныхъ цвѣтовъ. По обѣимъ сторонамъ занятой народомъ дороги въ два ряда вытянулось цѣлое полчище нищихъ, протягивавшихъ руки за подаяніемъ.

Максимъ на своихъ костыляхъ и рядомъ съ нимъ Петръ объ руку съ Іохимомъ тихо двигались вдоль улицы, которая вела къ выходу въ поле.

Говоръ многоголосной толпы, выкрикиванія евреевъ-факторовъ, стукъ экипажей, — весь этотъ грохотъ, катившійся какою-то гигантскою волной, остался сзади, сливаясь въ одно безпрерывное, колыхавшееся, подобно волнѣ, рокотаніе. Но и здѣсь, хотя толпа была рѣже, все же то и дѣло слышался топотъ пѣшеходовъ, шуршаніе колесъ, людской говоръ. Цѣлый обозъ чумаковъ выѣзжалъ со стороны поля и, поскрипывая, грузно сворачивалъ въ ближайшій переулокъ.

Петръ разсѣянно прислушивался къ тому оживленному шуму, послушне слѣдуя за Максимомъ; онъ то и дѣло запахивалъ пальто, такъ какъ было холодно, и продолжалъ на ходу ворочать въ головѣ свои тяжелыя мысли.

Но вдругъ, среди этой эгоистической сосредоточенности, что-то поразило его вниманіе такъ сильно, что онъ вздрогнулъ и внезапно остановился.

Послѣдніе ряды городскихъ зданій кончались здѣсь, и широкая трактовая дорога входила въ городъ среди заборовъ и пустырей. У самаго выхода въ поле благочестивыя руки воздвигли когда-то каменный столбъ съ иконой и фонаремъ, который, впрочемъ, скрипѣлъ только вверху отъ вѣтра, но никогда не зажигался. У самаго подножія этого столба расположились кучкой слѣпые

нищіе, оттертые своими зрячими конкуррентами съ болѣе выгодныхъ мѣстъ. Они сидѣли съ деревянными чашками въ рукахъ и по временамъ кто-нибудь затягивалъ жалобную пѣсню:

— Под-дайте сліпенькимъ... ра-а-ди Христа...

День былъ холодный, нищіе сидѣли здѣсь съ утра, открытые свѣжему вѣтру, налетавшему съ поля. Они не могли двигаться среди этой толпы, чтобы согрѣться, и въ ихъ голосахъ, тянувшихъ по очереди протяжную пѣсню, слышалась безотчетная жалоба физическаго страданія и полной безпомощности. Первыя ноты слышались еще довольно отчетливо, но затѣмъ изъ сдавленныхъ грудей вырывался только какой-то жалобный ропотъ, замиравшій тихою дрожью озноба. Тѣмъ не менѣе, даже послѣдніе, самые тихіе звуки пѣсни, почти терявшіеся среди уличнаго шума, достигая человѣческаго слуха, поражали всякаго громадностью заключеннаго въ нихъ непосредственнаго страданія.

Петръ остановился, и его лицо исказилось, точно какой-то слуховой призракъ явился передъ нимъ въ видѣ этого страдальческаго вопля.

— Что же ты испугался?—спросилъ Максимъ.—Это тѣ самые счастливцы, которымъ ты недавно завидовалъ,—слѣпые нищіе, которые просятъ здѣсь милостыню... Имъ немного холодно, конечно. Но вѣдь отъ этого, по твоему, имъ только лучше.

— Уйдемъ!—сказалъ Петръ, хватая за руку.

— А, ты хочешь уйти! У тебя въ душѣ не найдется другого побужденія при видѣ чужихъ страданій! По-

стой, я хочу поговорить съ тобой серьезно и радъ, что это будетъ именно здѣсь. Ты вотъ сердишься, что времена измѣнились, что теперь слѣпыхъ не рубятъ въ ночныхъ сѣчахъ, какъ Юрка-бандуриста, ты досадуешь, что тебѣ некого проклинать, какъ Егору, а самъ проклинаешь въ душѣ своихъ близкихъ за то, что они отняли у тебя счастливую долю этихъ слѣпыхъ. Клянусь честью, ты можетъ быть правъ! Да, клянусь честью стараго солдата, всякій человѣкъ имѣетъ право располагать своей судьбой, а ты уже человѣкъ. Слушай же теперь, что я скажу тебѣ: если ты захочешь исправить нашу ошибку, если ты швырнешь судьбѣ въ глаза всѣ преимущества, которыми жизнь окружила тебя съ колыбели, и захочешь испытать участь вотъ этихъ несчастныхъ... я, Максимъ Яценко, обѣщаю тебѣ свое уваженіе, помощь и содѣйствіе... Слышишь ты меня, Петръ, Яценко? Я былъ немногимъ старше тебя, когда понесъ свою голову въ огонь и сѣчу... Обо мнѣ тоже плакала мать, какъ будетъ о тебѣ. Но, чортъ возьми! я полагаю, что былъ въ своемъ правѣ, какъ и ты теперь въ своемъ!.. Разъ въ жизни къ каждому человѣку приходитъ судьба и говоритъ: выбирай! Итакъ, тебѣ стоитъ захотѣть... Хведоръ Кандыба, ты здѣсь?—крикнулъ онъ по направленію къ слѣпымъ.

Одинъ голосъ отдѣлился отъ скрипучаго хора и отвѣтилъ:

— Тутъ я... Это вы кличете, Максимъ Михайловичъ?

— Я! Приходи черезъ недѣлю, куда я сказалъ.

— Приду, паночку.—И голосъ слѣпца опять примкнулъ къ хору.

— Вотъ, ты увидишь человѣка, — сказалъ, сверкая глазами, Максимъ,—который вправѣ роптать на судьбу и на людей. Поучись у него переносить свою долю .. А ты...

— Пойдемъ, паничу, — сказалъ злобно Іохимъ, кидая на старика сердитый взглядъ.

— Нѣтъ, постой!—гнѣвно крикнулъ Максимъ.—Никто еще не прошелъ мимо слѣпыхъ, не кинувъ имъ хоть пятака. Неужели ты убѣжишь, не сдѣлавъ даже этого? Ты умѣешь только кощунствовать, со своею сытою завистью къ чужому голоду!..

Петръ поднялъ голову, точно подъ впечатлѣніемъ удара. Вынувъ изъ кармана свой кошелекъ, онъ пошелъ по направленію къ слѣпымъ. Нащупавъ палкою передняго, онъ разыскалъ рукой деревянную чашку съ мѣдью и бережно положилъ туда свои деньги. Нѣсколько прохожихъ остановились и смотрѣли съ удивленіемъ на богато одѣтаго и красиваго панича, который ощупью подавалъ милостыню слѣпому, принимавшему ее также ощупью.

Между тѣмъ, Максимъ круто повернулся и заковылялъ по улицѣ. Его лицо было красно, глаза горѣли... Съ нимъ была, очевидно, одна изъ тѣхъ вспышекъ, которыя были хорошо извѣстны всѣмъ, знавшимъ его въ молодости. И теперь это былъ уже не педагогъ, взвѣшивающій каждое слово, а страстный человѣкъ, давшій волю пламенному гнѣву. Только кинувъ искоса взглядъ на Петра, старикъ какъ будто смягчился. Петръ былъ блѣденъ, какъ бумага, но брови его были сжаты, а лицо глубоко взволнованно.

Холодный вѣтеръ взметалъ за ними пыль на улицахъ

мѣстечка. Сзади, среди слѣпыхъ поднялся говоръ и ссоры изъ-за данныхъ Петромъ денегъ...

IX.

Было ли это слѣдствіемъ простуды, или разрѣшеніемъ долгаго душевнаго кризиса, или, наконецъ, то и другое соединилось вмѣстѣ, но только на другой день Петръ лежалъ въ своей комнатѣ въ нервной горячкѣ. Онъ метался въ постели съ искаженнымъ лицомъ, по временамъ къ чему-то прислушиваясь, и куда-то порывался бѣжать. Старый докторъ изъ мѣстечка щупалъ пульсъ и говорилъ о холодномъ осеннемъ вѣтрѣ; Максимъ хмурилъ брови и не глядѣлъ на сестру.

Болѣзнь была упорна. Когда наступилъ кризисъ, больной лежалъ нѣсколько дней почти безъ движенія. Наконецъ, молодой организмъ побѣдилъ.

Разъ, свѣтлымъ осеннимъ утромъ, яркій лучъ прорвался въ окно и упалъ къ изголовью больного. Замѣтивъ это, Анна Михайловна обратилась къ Эвелинѣ:

— Задерни занавѣску... Я такъ боюсь этого свѣта...

Дѣвушка поднялась, чтобъ исполнить приказаніе, но неожиданно раздавшійся, въ первый разъ, голосъ больного остановилъ ее:

— Нѣтъ, ничего. Пожалуйста... оставьте такъ...

Обѣ женщины радостно склонились надъ нимъ.

— Ты слышишь?.. Я здѣсь!..—сказала мать.

— Да!—отвѣтилъ онъ и потомъ смолкъ, будто стараясь что-то припомнить.

— Ахъ, да!..—заговорилъ онъ тихо и вдругъ попытался подняться.—Тотъ... Өедоръ приходилъ уже?—спросилъ онъ.

Эвелина переглянулась съ Анной Михайловной, и та закрыла ему ротъ рукой.

— Тише, тише! Не говори; тебѣ вредно.

Онъ прижалъ руку матери къ губамъ и покрылъ ее поцѣлуями. На его глазахъ стояли слезы. Онъ долго плакалъ, и это его облегчило.

Нѣсколько дней онъ былъ какъ-то кротко задумчивъ, и на лицѣ его появлялось выраженіе тревоги всякій разъ, когда мимо комнаты проходилъ Максимъ. Женщины замѣтили это и просили Максима держаться подальше. Но однажды Петръ самъ попросилъ позвать его и оставить ихъ вдвоемъ.

Войдя въ комнату, Максимъ взялъ его за руку и ласково погладилъ ее.

— Ну-ну, мой мальчикъ,—сказалъ онъ.—Я, кажется, долженъ попросить у тебя прощенія...

— Я понимаю,—тихо сказалъ Петръ, отвѣчая на пожатіе.—Ты далъ мнѣ урокъ, и я тебѣ за него благодаренъ.

— Къ чорту уроки!—отвѣтилъ Максимъ съ гримасой нетерпѣнія.—Слишкомъ долго оставаться педагогомъ,—это ужасно оглупляетъ. Нѣтъ, этотъ разъ я не думалъ ни о какихъ урокахъ, а просто очень разсердился на тебя и на себя...

— Значитъ, ты, дѣйствительно, хотѣлъ чтобы?..

— Хотѣлъ, хотѣлъ!.. Кто знаетъ, чего хочетъ человѣкъ, когда взбѣсится... Я хотѣлъ, чтобы ты почув-

ствовалъ чужое горе и пересталъ такъ носиться со своимъ...

Оба замолчали...

— Эта пѣсня,—черезъ минуту сказалъ Петръ,—я помнилъ ее даже во время бреда... А кто этотъ Ѳедоръ, котораго ты звалъ?

— Ѳедоръ Кандыба, мой старый знакомый.

— Онъ тоже... родился слѣпымъ?

— Хуже: ему выжгло глаза на войнѣ.

— И онъ ходитъ по свѣту и поетъ эту пѣсню?

— Да, и кормитъ ею цѣлый выводокъ сиротъ племянниковъ. И еще находитъ для каждаго веселое слово и шутку...

— Да?—задумчиво переспросилъ Петръ.—Какъ хочешь, въ этомъ есть какая-то тайна. И я хотѣлъ бы...

— Что ты хотѣлъ бы, мой мальчикъ?..

Черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги, и Анна Михайловна вошла въ комнату, тревожно вглядываясь въ ихъ лица, видимо взволнованныя разговоромъ, который оборвался съ ея приходомъ...

Молодой организмъ, разъ побѣдивъ болѣзнь, быстро справлялся съ ея остатками. Недѣли черезъ двѣ Петръ былъ уже на ногахъ.

Онъ сильно измѣнился, измѣнились даже черты лица,—въ нихъ не было замѣтно прежнихъ припадковъ остраго внутренняго страданія. Рѣзкое нравственное потрясеніе перешло теперь въ тихую задумчивость и спокойную грусть.

Максимъ боялся, что это только временная перемѣна, вызванная тѣмъ, что нервная напряженность ослаблена

болѣзнью. Однажды, въ сумерки, подойдя въ первый разъ послѣ болѣзни къ фортепіано, Петръ сталъ по обыкновенію фантазировать. Мелодіи звучали грустныя и ровныя, какъ его настроеніе. Но вотъ, внезапно, среди звуковъ, полныхъ тихой печали, прорвались первыя ноты пѣсни слѣпыхъ. Мелодія сразу распалась... Петръ быстро поднялся, его лицо было искажено и на глазахъ стояли слезы. Видимо, онъ не могъ еще справиться съ сильнымъ впечатлѣніемъ жизненнаго диссонанса, явившагося ему въ формѣ этой скрипучей и тяжкой жалобы.

Въ этотъ вечеръ Максимъ опять долго говорилъ съ Петромъ наединѣ. Послѣ этого проходили недѣли, и настроеніе слѣпого оставалось все тѣмъ же. Казалось, слишкомъ острое и эгоистическое сознаніе личнаго горя, вносившее въ душу пассивность и угнетавшее врожденную энергію, теперь дрогнуло и уступило мѣсто чему-то другому. Онъ опять ставилъ себѣ цѣли, строилъ планы; жизнь зарождалась въ немъ, надломленная душа давала побѣги, какъ захирѣвшее деревцо, на которое весна пахнула живительнымъ дыханіемъ... Было, между прочимъ, рѣшено, что еще этимъ лѣтомъ Петръ поѣдетъ въ Кіевъ, чтобы съ осени начать уроки у извѣстнаго піаниста. При этомъ оба они съ Максимомъ настояли, что они поѣдутъ только вдвоемъ.

X.

Теплою іюльскою ночью, бричка, запряженная парою лошадей, остановилась на ночлегъ въ полѣ, у опушки лѣса. Утромъ, на самой зарѣ, двое слѣпыхъ прошли шля-

хомъ. Одинъ вертѣлъ рукоятку примитивнаго инструмента: деревянный валикъ кружился въ отверстіи пустого ящика и терся о туго натянутыя струны, издававшія однотонное и печальное жужжаніе. Нѣсколько гнусавый, но пріятный старческій голосъ пѣлъ утреннюю молитву.

Проѣзжавшіе дорогой хохлы съ таранью видѣли, какъ слѣпцовъ подозвали къ бричкѣ, около которой, на разостланномъ коврѣ, сидѣли ночевавшіе въ степи господа. Когда черезъ нѣкоторое время обозчики остановились на водопой у криницы, то мимо нихъ опять прошли слѣпцы, но на этотъ разъ ихъ ужъ было трое. Впереди, постукивая передъ собою длинной палкой, шелъ старикъ съ развѣвающимися сѣдыми волосами и длинными бѣлыми усами. Лобъ его былъ покрытъ старыми язвами, какъ будто отъ обжога; вмѣсто глазъ были только впадины. Черезъ плечо у него была надѣта широкая тесьма, привязанная къ поясу слѣдующаго. Второй былъ рослый дѣтина, съ желчнымъ лицомъ, сильно изрытымъ оспой. Оба они шли привычнымъ шагомъ, поднявъ незрячія лица кверху, какъ будто разыскивая тамъ свою дорогу. Третій былъ совсѣмъ юноша, въ новой крестьянской одеждѣ, съ блѣднымъ и какъ будто слегка испуганнымъ лицомъ; его шаги были неувѣренны и по временамъ онъ останавливался, какъ будто прислушиваясь къ чему-то назади и мѣшая движенію товарищей.

Часамъ къ десяти они ушли далеко. Лѣсъ остался синей полосой на горизонтѣ. Кругомъ была степь, и впереди слышался звонъ разогрѣваемой солнцемъ проволоки на шоссе, пересѣкавшемъ пыльный шляхъ.

Слѣпцы вышли на него и повернули вправо, когда сзади послышался топотъ лошадей и сухой стукъ кованныхъ колесъ по щебню. Слѣпцы выстроились у края дороги. Опять зажужжало деревянное кольцо по струнамъ, и старческій голосъ затянулъ:

— Под-дайте слі-пенькимъ...—Къ жужжанію колеса присоединился тихій переборъ струнъ подъ пальцами юноши.

Монета зазвенѣла у самыхъ ногъ стараго Кандыбы. Стукъ колесъ смолкъ, видимо проѣзжающіе остановились, чтобы посмотрѣть, найдутъ-ли слѣпые монету. Кандыба сразу нашелъ ее, и на лицѣ появилось довольное выраженіе.

— Богъ спасетъ,—сказалъ онъ, по направленію къ бричкѣ, въ сидѣньи которой виднѣлась квадратная фигура сѣдого господина, и два костыля торчали сбоку.

Старикъ внимательно смотрѣлъ на юношу слѣпца... Тотъ стоялъ блѣдный, но уже успокоившійся. При первыхъ-же звукахъ пѣсни, его руки нервно забѣгали по струнамъ, какъ будто покрывая ихъ звономъ ея рѣзкія ноты... Бричка опять тронулась, но старикъ долго оглядывался назадъ.

Вскорѣ стукъ колесъ замолкъ въ отдаленіи. Слѣпцы опять вытянулись въ линію и пошли по шоссе...

— У тебя, Юрій, легкая рука,—сказалъ старикъ.— И играешь славно...

Черезъ нѣсколько минутъ средній слѣпецъ спросилъ:

— По обѣщанію идешь въ Почаевъ?.. Для Бога?

— Да,—тихо отвѣтилъ юноша.

— Думаешь, прозришь?..—спросилъ тотъ опять съ горькой улыбкой...

— Бываетъ,—мягко сказалъ старикъ.

— Давно хожу, а не встрѣчалъ,—угрюмо возразилъ рябой, и они опять пошли молча. Солнце подымалось все выше, виднѣлась только бѣлая линія шоссе, прямого, какъ стрѣла, темныя фигуры слѣпыхъ и впереди черная точка проѣхавшаго экипажа. Затѣмъ дорога раздѣлилась. Бричка направилась къ Кіеву, слѣпцы опять свернули проселками на Почаевъ.

Вскорѣ изъ Кіева пришло въ усадьбу письмо отъ Максима. Онъ писалъ, что оба они здоровы и что все устраивается хорошо.

А въ это время трое слѣпыхъ двигались все дальше. Теперь всѣ шли уже согласно. Впереди, все также постукивая палкой, шелъ Кандыба, отлично знавшій дороги и поспѣвавшій въ большія села къ праздникамъ и базарамъ. Народъ собирался на стройные звуки маленькаго оркестра, и въ шапкѣ Кандыбы то и дѣло звякали монеты.

Волненіе и испугъ на лицѣ юноши давно исчезли, уступая мѣсто другому выраженію. Съ каждымъ новымъ шагомъ на встрѣчу ему лились новые звуки невѣдомаго, широкаго, необъятнаго міра, смѣнившаго теперь лѣнивый и убаюкивающій шорохъ тихой усадьбы... Незрячіе глаза расширялись, ширилась грудь, слухъ еще обострялся; онъ узнавалъ своихъ спутниковъ, добродушнаго Кандыбу и желчнаго Кузьму, долго брелъ за скрипучими возами чумаковъ, ночевалъ въ степи у огней, слушалъ гомонъ ярмарокъ и базаровъ, узнавалъ

горе, слѣпое и зрячее, отъ котораго не разъ больно сжималось его сердце... И странное дѣло—теперь онъ находилъ въ своей душѣ мѣсто для всѣхъ этихъ ощущеній. Онъ совершенно одолѣлъ пѣсню слѣпыхъ, и, день за днемъ, подъ гулъ этого великаго моря все болѣе стихали на днѣ души личныя порыванія къ невозможному... Чуткая память ловила всякую новую пѣсню и мелодію, а когда дорогой онъ начиналъ перебирать свои струны, то даже на лицѣ желчнаго Кузьмы появлялось спокойное умиленіе. По мѣрѣ приближенія къ Почаеву, банда слѣпыхъ все росла.

Позднею осенью, по дорогѣ, занесенной снѣгами, къ великому удивленію всѣхъ въ усадьбѣ,—паничъ неожиданно вернулся съ двумя слѣпцами въ нищенской одеждѣ. Кругомъ говорили, что онъ ходилъ въ Почаевъ по обѣту, чтобы вымолить у Почаевской Богоматери исцѣленіе.

Впрочемъ, глаза его оставались попрежнему чистыми и попрежнему незрячими. Но душа, несомнѣнно, исцѣлилась. Какъ будто страшный кошмаръ навсегда исчезъ изъ усадьбы... Когда Максимъ, продолжавшій писать изъ Кіева, наконецъ, вернулся тоже, Анна Михайловна встрѣтила его фразой: „Я никогда, никогда не прощу тебѣ этого“. Но лицо ея противорѣчило суровымъ словамъ...

Долгими вечерами Петръ разсказывалъ о своихъ странствіяхъ, и въ сумерки фортепіано звучало новыми мелодіями, какихъ никто не слышалъ у него раньше... Поѣздка въ Кіевъ была отложена на годъ, вся семья жила надеждами и планами Петра...

ГЛАВА VII.

I.

Въ ту-же осень Эвелина объявила старикамъ Яскульскимъ свое неизмѣнное рѣшеніе выйти за слѣпого „изъ усадьбы“. Старушка мать заплакала, а отецъ, помолившись передъ иконами, объявилъ, что, по его мнѣнію, именно такова воля божія относительно даннаго случая.

Сыграли свадьбу. Для Петра началось молодое тихое счастье, но сквозь это счастье все-же пробивалась какая-то тревога: въ самыя свѣтлыя минуты онъ улыбался такъ, что сквозь эту улыбку виднѣлось грустное сомнѣніе, какъ будто онъ не считалъ этого счастья законнымъ и прочнымъ. Когда же ему сообщили, что, быть можетъ, онъ станетъ отцомъ, онъ встрѣтилъ это сообщеніе съ выраженіемъ испуга.

Тѣмъ не менѣе, настоящая его жизнь, проходившая въ серьезной работѣ надъ собой, въ тревожныхъ думахъ о женѣ и будущемъ ребенкѣ, не позволяла ему сосредоточиваться на прежнихъ безплодныхъ потугахъ. По временамъ также, среди этихъ заботъ, въ его душѣ

поднимались воспоминанія о жалобномъ воплѣ слѣпыхъ. Тогда онъ отправлялся въ село, гдѣ на краю стояла теперь новая изба Ѳедора Кандыбы. Тотъ бралъ свою кобзу, или они долго разговаривали, и мысли Петра принимали спокойное направленіе, а его планы опять крѣпли.

Теперь онъ сталъ менѣе чувствителенъ къ внѣшнимъ свѣтовымъ побужденіямъ, а прежняя внутренняя работа улеглась. Тревожныя органическія силы уснули: онъ не будилъ ихъ сознательнымъ стремленіемъ воли—слить въ одно цѣлое разнородныя ощущенія. На мѣстѣ этихъ безплодныхъ потугъ стояли живыя воспоминанія и надежды. Но, кто знаетъ,—быть можетъ, душевное затишье только способствовало безсознательной органической работѣ, и эти смутныя, разрозненныя ощущенія тѣмъ успѣшнѣе прокладывали въ его мозгу пути по направленію другъ къ другу. Такъ, во снѣ мозгъ часто свободно творитъ идеи и образы, которыхъ ему никогда бы не создать при участіи воли.

II.

Въ той самой комнатѣ, гдѣ нѣкогда родился Петръ, стояла тишина, среди которой раздавался только всхлипывающій плачъ ребенка. Со времени его рожденія прошло уже нѣсколько дней, и Эвелина быстро поправлялась. Но за то Петръ всѣ эти дни казался подавленнымъ сознаніемъ какого-то близкаго несчастія.

Докторъ, взявъ ребенка на руки, перенесъ и уло-

жилъ его поближе къ окну. Быстро отдернувъ занавѣску, онъ пропустилъ въ комнату лучъ яркаго свѣта и наклонился надъ мальчикомъ съ своими инструментами. Петръ сидѣлъ тутъ же съ опущенной головой, все такой же подавленный и безучастный. Казалось, онъ не придавалъ дѣйствіямъ доктора ни малѣйшаго значенія, предвидя впередъ результаты.

— Онъ, навѣрное, слѣпъ,—твердилъ онъ.—Ему не слѣдовало бы родиться.

Молодой докторъ не отвѣчалъ и молча продолжалъ свои наблюденія. Наконецъ, онъ положилъ офтальмоскопъ, и въ комнатѣ раздался его увѣренный, спокойный голосъ:

— Зрачокъ сокращается. Ребенокъ видитъ несомнѣнно.

Петръ вздрогнулъ и быстро сталъ на ноги. Это движеніе показывало, что онъ слышалъ слова доктора, но, судя по выраженію его лица, онъ какъ будто не понялъ ихъ значенія. Опершись дрожащею рукой на подоконникъ, онъ застылъ на мѣстѣ съ блѣднымъ, приподнятымъ кверху лицомъ и неподвижными чертами.

До этой минуты онъ находился въ состояніи страннаго возбужденія. Онъ будто не чувствовалъ себя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ фибры въ немъ жили и трепетали, отъ ожиданія.

Онъ сознавалъ темноту, которая его окружала. Онъ ее выдѣлилъ, чувствовалъ ее внѣ себя, во всей ея необъятности. Она надвигалась на него, онъ охватывалъ ее воображеніемъ, какъ будто мѣряясь съ нею. Онъ вста-

валъ ей на встрѣчу, желая защитить своего ребенка отъ этого необъятнаго, колеблющагося океана непроницаемой тьмы.

И, пока докторъ въ молчаніи дѣлалъ свои приготовленія, онъ все находился въ этомъ состояніи. Онъ боялся и прежде, но прежде въ его душѣ жили еще признаки надежды. Теперь страхъ, томительный и ужасный, достигъ крайняго напряженія, овладѣвъ возбужденными до послѣдней степени нервами, а надежда замерла, скрывшись гдѣ-то въ глубокихъ тайникахъ его сердца. И вдругъ эти два слова: „ребенокъ видитъ!“— перевернули его настроеніе. Страхъ мгновенно схлынулъ, надежда также мгновенно превратилась въ увѣренность, освѣтивъ чутко приподнятый душевный строй слѣпого. Это былъ внезапный переворотъ, настоящій ударъ, ворвавшійся въ темную душу поражающимъ, яркимъ, какъ молнія, лучомъ. Два слова доктора будто прожгли въ его мозгу огненную дорогу... Будто искра вспыхнула гдѣ-то внутри и освѣтила послѣдніе тайники его организма... все въ немъ дрогнуло, и самъ онъ задрожалъ, какъ дрожитъ туго натянутая струна подъ внезапнымъ ударомъ.

И вслѣдъ за этой молніей передъ его потухшими еще до рожденія глазами вдругъ зажглись странные призраки. Были ли это лучи, или звуки, онъ не отдавалъ себѣ отчета. Это были звуки, которые оживали, принимали формы и двигались лучами. Они сіяли, какъ куполъ небеснаго свода, они катились, какъ яркое солнце по небу, они волновались, какъ волнуется шо-

потъ и шелестъ зеленой степи, они качались, какъ вѣтви задумчивыхъ буковъ.

Это было только первое мгновеніе, и только смѣшанныя ощущенія этого мгновенія остались у него въ памяти. Все остальное онъ впослѣдствіи забылъ. Онъ только упорно утверждалъ, что въ эти нѣсколько мгновеній онъ видѣлъ.

Что именно онъ видѣлъ, и какъ видѣлъ, и видѣлъ ли дѣйствительно,—осталось совершенно неизвѣстнымъ. Многіе говорили ему, что это невозможно, но онъ стоялъ на своемъ, увѣряя, что видѣлъ небо и землю, мать, жену и Максима.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ стоялъ съ приподнятымъ кверху и просвѣтлѣвшимъ лицомъ. Онъ былъ такъ страненъ, что всѣ невольно обратились къ нему и кругомъ все смолкло. Всѣмъ казалось, что человѣкъ, стоявшій среди комнаты, былъ не тотъ, котораго они такъ хорошо знали, а какой-то другой, незнакомый. А тотъ прежній исчезъ, окруженный внезапно опустившеюся на него тайной.

И онъ былъ съ этою тайной наединѣ нѣсколько краткихъ мгновеній... Впослѣдствіи отъ нихъ осталось только чувство какого-то удовлетворенія и странная увѣренность, что тогда онъ видѣлъ.

Могло ли это быть на самомъ дѣлѣ?

Могло ли быть, чтобы смутныя и неясныя свѣтовыя ощущенія, пробивавшіяся къ темному мозгу неизвѣстными путями въ тѣ минуты, когда слѣпой весь трепеталъ и напрягался на встрѣчу солнечному дню,—теперь,

въ минуту внезапнаго экстаза, всплыли въ мозгу, какъ проявляющійся туманный негативъ?..

И передъ незрячими глазами встало синее небо и яркое солнце, и прозрачная рѣка съ холмикомъ, на которомъ онъ пережилъ такъ много и такъ часто плакалъ еще ребенкомъ... И потомъ и мельница, и звѣздныя ночи, въ которыя онъ такъ мучился, и молчаливая, грустная луна... И пыльный шляхъ, и линія шоссе, и обозы съ сверкающими шинами колесъ, и пестрая толпа, среди которой онъ самъ пѣлъ пѣсню слѣпыхъ...

Или въ его мозгу зароились фантастическими призраками невѣдомыя горы, и легли вдаль невѣдомыя равнины, и чудныя призрачныя деревья качались надъ гладью невѣдомыхъ рѣкъ, и прозрачное солнце заливало эту картину яркимъ свѣтомъ,—солнце, на которое смотрѣли безчисленныя поколѣнія его предковъ?

Или все это роилось безформенными ощущеніями въ той глубинѣ темнаго мозга, о которой говорилъ Максимъ, и гдѣ лучи и звуки откладываются одинаково весельемъ или грустью, радостью или тоской?..

И онъ только вспоминалъ впослѣдствіи стройный аккордъ, прозвучавшій на мгновеніе въ его душѣ, — аккордъ, въ которомъ сплелись въ одно цѣлое всѣ впечатлѣнія его жизни, ощущенія природы и живая любовь.

Кто знаетъ?

Онъ помнилъ только, какъ на него спустилась эта тайна, и какъ она его оставила. Въ это послѣднее мгновеніе образы-звуки сплелись и смѣшались, звеня и ко-

леблясь, дрожа и смолкая, какъ дрожитъ и смолкаетъ упругая струна: сначала выше и громче, потомъ все тише, чуть слышно... казалось, что-то скатывается по гигантскому радіусу въ безпросвѣтную тьму...

Вотъ оно скатилось и смолкло.

Тьма и молчаніе... Какіе-то смутные призраки пытаются еще возродиться изъ глубокаго мрака, но они не имѣютъ уже ни формы, ни тона, ни цвѣта... Только гдѣ-то далеко, внизу зазвенѣли переливы гаммы, пестрыми рядами прорѣзали тьму и тоже скатились въ пространство. . . . .

Тогда вдругъ внѣшніе звуки достигли его слуха въ своей обычной формѣ. Онъ будто проснулся, но все еще стоялъ, озаренный и радостный, сжимая руки матери и Максима.

— Что это съ тобой? — спросила мать встревоженнымъ голосомъ.

— Ничего... мнѣ кажется, что я... видѣлъ васъ всѣхъ. Я вѣдь... не сплю?

— А теперь?— взволнованно спросила она.—Помнишь ли ты, будешь ли помнить?

Слѣпой глубоко вздохнулъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ съ усиліемъ. — Но это ничего, потому что... я отдалъ все это... ему... ребенку и... и всѣмъ...

Онъ пошатнулся и потерялъ сознаніе. Его лицо поблѣднѣло, но на немъ все еще блуждалъ отблескъ радостнаго удовлетворенія.

Эпилогъ.

Прошло три года.

Многочисленная публика собралась въ Кіевѣ, во время „Контрактовъ“ *), слушать оригинальнаго музыканта. Онъ былъ слѣпъ, но молва передавала чудеса объ его музыкальномъ талантѣ и о его личной судьбѣ. Говорили, будто въ дѣтствѣ онъ былъ похищенъ изъ зажиточной семьи бандой слѣпцовъ, съ которыми бродилъ, пока извѣстный профессоръ не обратилъ вниманія на его замѣчательный музыкальный талантъ. Другіе передавали, что онъ самъ ушелъ изъ семьи къ нищимъ изъ какихъ-то романтическихъ побужденій. Какъ бы то ни было, контрактовая зала была набита биткомъ, и сборъ (имѣвшій неизвѣстное публикѣ благотворительное назначеніе) былъ полный.

Въ залѣ настала глубокая тишина, когда на эстрадѣ появился молодой человѣкъ съ красивыми большими глазами и блѣднымъ лицомъ. Никто не призналъ бы его слѣпымъ, если бъ эти глаза не были такъ неподвижны

---

*) Напомнимъ, что „Контрактами“ называютъ кіевскую ярмарку.

и если бъ его не вела молодая бѣлокурая дама, какъ говорили, жена музыканта.

— Немудрено, что онъ производитъ такое потрясающее впечатлѣніе,—говорилъ въ толпѣ какой-то зоилъ своему сосѣду.—У него замѣчательно драматическая наружность.

Дѣйствительно, и это блѣдное лицо съ выраженіемъ вдумчиваго вниманія, и неподвижные глаза, и вся его фигура предрасполагали къ чему-то особенному, непривычному.

Южно-русская публика вообще любитъ и цѣнитъ свои родныя мелодіи, но здѣсь даже разношерстная „контрактовая“ толпа была сразу захвачена глубокой искренностью выраженія. Живое чувство родной природы, чуткая оригинальная связь съ непосредственными источниками народной мелодіи сказывались въ импровизаціи, которая лилась изъ подъ рукъ слѣпого музыканта. Богатая красками, гибкая и пѣвучая, она бѣжала звонкою струей, то поднимаясь торжественнымъ гимномъ, то разливаясь задушевнымъ грустнымъ напѣвомъ. Казалось по временамъ: то буря гулко гремитъ въ небесахъ, раскатываясь въ безконечномъ просторѣ, то лишь степной вѣтеръ звенитъ въ травѣ, на курганѣ, навѣвая смутныя грезы о минувшемъ.

Когда онъ смолкъ, громъ рукоплесканій охваченной восторгомъ толпы наполнилъ громадную залу. Слѣпой сидѣлъ съ опущенною головой, удивленно прислушиваясь къ этому грохоту. Но вотъ онъ опять поднялъ

руки и ударилъ по клавишамъ. Многолюдная зала мгновенно притихла.

Въ эту минуту вошелъ Максимъ. Онъ внимательно оглядѣлъ эту толпу, охваченную однимъ чувствомъ, направившую на слѣпого жадные, горящіе взгляды.

Старикъ слушалъ и ждалъ. Онъ больше, чѣмъ кто-нибудь другой въ этой толпѣ, понималъ живую драму этихъ звуковъ. Ему казалось, что эта могучая импровизація, такъ свободно льющаяся изъ души музыканта, вдругъ оборвется, какъ прежде, тревожнымъ, болѣзненнымъ вопросомъ, который откроетъ новую рану въ душѣ его слѣпого питомца. Но звуки росли, крѣпли, полнѣли, становились все болѣе и болѣе властными, захватывали сердце объединенной и замиравшей толпы.

И чѣмъ больше прислушивался Максимъ, тѣмъ яснѣе звучалъ для него въ игрѣ слѣпого знакомый мотивъ.

Да, это она, шумная улица. Свѣтлая, гремучая, полная жизни волна катится, дробясь, сверкая и разсыпаясь тысячью звуковъ. Она то поднимается, возрастаетъ, то падаетъ опять къ отдаленному, но неумолчному рокоту, оставаясь все время спокойной, красиво-безстрастной, холодной и безучастной.

И вдругъ сердце Максима упало. Изъ-подъ рукъ музыканта опять, какъ и нѣкогда, вырвался стонъ.

Вырвался, прозвенѣлъ и замеръ. И опять живой рокотъ, все ярче и сильнѣе, сверкающій и подвижный, счастливый и свѣтлый.

Это уже не одни стоны личнаго горя, не одно слѣ-

пое страданіе. На глазахъ старика появились слезы. Слезы были и на глазахъ его сосѣдей.

— Онъ прозрѣлъ, да это правда,—онъ прозрѣлъ,— думалъ Максимъ.

Среди яркой и оживленной мелодіи, счастливой и свободной, какъ степной вѣтеръ, и какъ онъ беззаботной, среди пестраго и широкаго гула жизни, среди то грустнаго, то величаваго напѣва народной пѣсни, все чаще, все настойчивѣе и сильнѣе прорывалась какая-то за душу хватающая нота.

— Такъ-такъ, мой мальчикъ,—мысленно ободрялъ Максимъ,—настигай ихъ среди веселья и счастія...

Черезъ минуту надъ заколдованной толпой въ огромной залѣ, властная и захватывающая, стояла уже одна только пѣсня слѣпыхъ.

— Подайте сліпенькимъ... р-ради Христа.

Но это уже была не просьба о милостынѣ и не жалкій вопль, заглушаемый шумомъ улицы. Въ ней было все то, что было и прежде, когда, подъ ея вліяніемъ, лицо Петра искажалось, и онъ бѣжалъ отъ фортепіано, не въ силахъ бороться съ ея разъѣдающей болью. Теперь онъ одолѣлъ ее въ своей душѣ и побѣждалъ души этой толпы глубиной и ужасомъ жизненной правды... Это была тьма на фонѣ яркаго свѣта, напоминаніе о горѣ среди полноты счастливой жизни...

Казалось, будто ударъ разразился надъ толпою, и каждое сердце дрожало, какъ будто онъ касался его своими быстро бѣгающими руками. Онъ давно уже смолкъ, но толпа хранила гробовое молчаніе.

Максимъ опустилъ голову и думалъ:

„Да онъ прозрѣлъ... На мѣсто слѣпого и неутолимаго эгоистическаго страданія онъ носитъ въ душѣ ощущеніе жизни, онъ чувствуетъ и людское горе, и людскую радость, онъ прозрѣлъ и сумѣетъ напомнить счастливымъ о несчастныхъ“...

И старый солдатъ все ниже опускалъ голову. Вотъ и онъ сдѣлалъ свое дѣло, и онъ не даромъ прожилъ на свѣтѣ, ему говорили объ этомъ полные силы властные звуки, стоявшіе въ залѣ, царившіе надъ толпой. . . .

. . . .

Такъ дебютировалъ слѣпой музыкантъ.

КОНЕЦЪ.

А. Б. Петрищевъ. Церковь и школа. Ц. 5 коп.
„ Два избирательныхъ закона. 1907 г. Ц. 10 к.
С. Подъячевъ. Мытарства. Ц. 75 к.
„ Среди рабочихъ. Ц. 75 к.
А. В. Пѣшехоновъ. Земельныя нужды деревни. Ц. 60 к.
„ Крестьяне и рабочіе. Ц. 25 к.
„ Экономическая политика самодержавія. Ц. 30 к.
„ Хлѣбъ, свѣтъ и свобода. Ц. 10 к.
„ Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Ц. 40 к.
„ Сущность аграрной проблемы. Ц. 6 к.
„ Наканунѣ. Ц. 60 к.
„ Къ вопросу объ интеллигенціи. Ц. 25 к.
„ Программные вопросы. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.
С. А. Савинкова. Годы скорби. Ц. 15 к.
П. Тимофеевъ. Чѣмъ живетъ заводскій рабочій. Цѣна 40 коп.
Викторъ Черновъ. Марксизмъ и аграрный вопросъ. Ц. 75 к.
Карлъ Шурцъ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Перев. съ нѣм. А. Н. Анненской. Ц. 30 к.
Б. Эфруси. Очерки по политической экономіи. Ц. 1 р.
С. Н. Южаковъ. Доброволецъ Петербургъ. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. I—II т. т. по 1 р.

Въ конторѣ **„РУССКАГО БОГАТСТВА“** также продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

Русская Муза. Собраніе лучшихъ стихотвореній. Ц. 1 р. 75 к.
Галлерея Шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портр. Ц. 3 р.
Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). Шлиссельбургскіе мученики. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г. 32 стр. Ц. 15 к.
М. Фроленко. Милость (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.
В. Н. Фигнеръ. Стихотворенія. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.
Въ защиту слова. Сборникъ статей и стихотвореній. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.
Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ ПО НАКАЗАМЪ 1789 ГОДА. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.
Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г. **Два тома.** 1907 г. Ц. по 75 к. за томъ.
С. Н. Южаковъ. Вопросы просвѣщенія. Ц. 1 р. 50 к.
„ Соціологическіе этюды. Т. II. (т. I распроданъ). Ц. 1 р. 50. к.
П. Л. Лавровъ. (Миртовъ) Народники и пропагандисты. Ц. 1. р.

Цѣна 75 к., съ перес. 1 руб.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала **«Русское Богатство»** — Баскова ул., д. 9.

Въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы — Никитскія ворота, домъ Гагарина.

٣